Мелочи

архи..., прото... и просто церейской жизни

Благословясь, начну повествование. И начну его с тех курьезных историй, которые, по крайней мере в части своей, могли бы быть записаны Н.С.Лесковым и составить дополнение к «Мелочам архиерейской жизни» или к «Заметкам неизвестного».

Протоиерей Михаил Ардов

СОБРАНИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящая книга, принадлежащая перу известного мемуариста и бытописателя протоиерея Михаила Ардова, состоит из двух отдельных частей, из двух самостоятельных произведений - "Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни" и "Узелки на память". Тут под

- Предисловие к первому изданию
- Предисловие ко второму изданию
- Введение
- Век минувший
- "Тихоновцы" и "обнагленцы"
- Меня боишься?
- На духу
- Богова родня
- “Место упакования”
- “Святая десятуха”
- Рвань на дырище”, или “Нога приставленная”
- Начал за здравие...
- Крещеная вера
- “Образ ангельский”
- Советская “бурса”
- Скудельные сосуды
- На орлах стоящие
- “Неуемные” архиереи
- Младенец в митре
- Мой благодетель

Предисловие к первому изданию

Не без робости вступаю я на стезю, когда-то проторенную великим Лесковым, ибо не ощущаю в себе и малой толики того необычайного дарования, которым Бог наделил моего предшественника. Однако же, вполне сознавая свое недостоинство, я вижу и два существенных преимущества моих перед Лесковым.

Первое — наличие священного сана, ведь его "картинки с натуры" — свидетельства стороннего наблюдателя, а мне довелось многое постигнуть на собственном опыте. Второе мое преимущество состоит в том, что двадцатый век явил нам такие "картинки", какие в веке девятнадцатом никому и в самом страшном сне не могли бы присниться.

Я испытываю глубокую признательность многочисленным моим друзьям — и клирикам, и мирянам, без их помощи и поддержки я бы не смог завершить этот труд. Но — увы! — донеслись уже и голоса осуждения, меня обвиняют в поношении Церкви и священства. Впрочем, тут меня утешает и отчасти оправдывает то обстоятельство, что и сам Лесков отнюдь не избежал нападок со стороны лиц, "не распознающих благочестия от святошества". Ханжество старо, как мир, и я, например, убежден, что еще в четвертом веке были люди, которые точно так же осуждали Святителя Иоанна Златоуста, ибо он, перечисляя пороки современных ему клириков, говорил о "гневе, зависти, вражде, клевете, обмане лицемерии, кознях, желании похвал, пристрастии к почестям, низком человекоугодии" и пр. и пр. (Смотри "Слово третье о священстве").

Но — благодарение Богу! — у Православной Церкви всегда было и есть предостаточно истинных чад, которые, с одной стороны, умеют прощать человеческие слабости, а с другой — вслед за Апостолом Павлом и Святым Симеоном Метафрастом твердо верят, что "идеже умножится грех, преизобилует благодать" и что "божественная благодать всегда немощная врачует и оскудевающая восполняет".

В ответ своим критикам я дерзаю повторить слова из письма Н.С.Лескова к И.С.Аксакову: "Я никогда не осмеивал сана духовного, но я рисовал его носителей здраво и реально, и в этом не числю за собою вины".

За сим отдаю на суд читателя свои "Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни" — прямое продолжение или, лучше сказать, подражание моим любимым "Мелочам архиерейской жизни".

Свято-Троицкой церкви
села Низкого
смиренный настоятель
священник Михаил Ардов
2 ноября 1990 г.

Предисловие ко второму изданию

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как появились в печати мои "Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни". Как я и предполагал, у книги нашлось предостаточно и врагов и поклонников. Впрочем меня утешает то обстоятельство, что вторых оказалось значительно больше нежели первых.

Неожиданным и приятным сюрпризом явилась для меня публикация небольшой книжицы под названием "Семьдесят семь православных коанов" (М., 1996). Автор ее, скрывшийся под инициалами "С.П.С." — человек весьма наблюдательный и остроумный. Он собрал и напечатал характерные диалоги и рассуждения современных клириков, семинаристов, мирян... Жаль только, что тираж "Коанов" всего триста экземпляров. Но как бы то ни было, я уже не чувствую себя единственным литератором, который осваивает редкостный жанр — церковную юмористику.

Выход в свет моей книги имел своим результатом не только похвальные и ругательные отзывы. Многие читатели стали пополнять мою копилку курьезов, мне сообщают все новые и новые истории, относящиеся к церковному быту. Обилие этого материала и желание отдать его на суд читающей публики побудили меня предпринять второе — дополненное издание "Мелочей архи..., прото... и просто иерейской жизни".

июль 1997 г.

Протоиерей Михаил Ардов,
настоятель храма во имя Царя Мученика Николая II
и всех Новомучеников и Исповедников Российских,
что на Головинском кладбище в Москве

Введение

Любопытен я весьма, что делаешь ты, сочинитель басен, баллад, повестей и романов, не усматривая в жизни, тебя окружающей, нитей, достойных вплетения в занимательную для чтения баснь твою? Или тебе, исправитель нравов человеческих, и вправду нет никакого дела до той действительной жизни, которою живут люди, а нужны только претексты для празднословных рацей? Ведомо ли тебе, какую жизнь ведет русский поп, сей "ненужный человек", которого, по-твоему, может быть, напрасно призвали, чтобы приветствовать твое рождение, и призовут еще раз, также противу твоей воли, чтобы проводить тебя в могилу? Известно ли тебе, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бедствиями и приключениями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородные страсти и что оно не ощущает страданий? Или же ты с своей авторской высоты вовсе и не хочешь удостоить меня, попа, своим вниманием? Или ты мыслишь, что уже и самое время мое прошло и что я уже не нужен стране, тебя и меня родившей и воспитавшей... О слепец! скажу я тебе, если ты мыслишь первое; о глупец! скажу тебе, если мыслишь второе и в силу сего заключения стремишься не поднять и оживить меня, а навалить на меня камень и глумиться над тем, что я смраден стал, задохнувшися.

Н.Лесков. Соборяне;

Век минувший

Век минувший Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своей старою сказкой.;

Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость!

Н.Лесков. Соборяне

Благословясь, начну повествование. И начну его с тех курьезных историй, которые, по крайней мере в части своей, могли бы быть записаны Н.С.Лесковым и составить дополнение к "Мелочам архиерейской жизни" или к "Заметкам неизвестного".

Император Петр I во время одного из своих путешествий повстречал священника, который ехал верхом и с ружьем за плечами. Увидев эту фигуру, царь изумился.

— Отчего ты едешь с ружьем?

— Здесь, Государь, места нехорошие, — отвечал тот, — лихих людей много.

— Но ведь если ты кого-нибудь убьешь, — сказал Петр, — ты уже не сможешь быть попом.

(По каноническим правилам священнослужитель, даже нечаянно впавший в убийство, "низвергается сана".)

— Да, не смогу, — отвечал священник, — но если меня убьют, я не буду уже и человеком, а у меня большая семья...

Петр подивился мужеству и разуму своего собеседника.

А вот подлинный анекдот восемнадцатого века.

На Страстной неделе некий проповедник оговорился и сказал, что Иуда продал Христа не за 30 сребреников, а за 40...

Стоящий в народе купец наклонился к своему приятелю и тихонько промолвил:

— Это, стало быть, по нынешнему курсу...

Еще старинный анекдот. В Москве или в Петербурге происходят богатые похороны. Стоящий на церковной паперти нищий с любопытством спрашивает:

— Кого же это хоронят?

Ему отвечают:

— Это, брат, умер генерл от инфантерии...

— Царствие ему Небесное, — говорит нищий, — каких только болезней не бывает...

В прежнее время благочинные очень строго смотрели за священнослужителями. В частности, они следили за тем, когда рождались у их подопечных дети — не были ли зачаты в пост?

Клирики обязаны соблюдать брачные посты и перед служением литургии. В этой связи в свое время возник забавный анекдот о сельском батюшке, у которого каждый год рождался ребенок, и он всякий раз призывал помещика быть восприемником, крестным отцом... Барину это в конце концов надоело, и он заплатил священнику значительную сумму с тем, чтобы тот служил литургии каждый день в течение целого года. (То есть обрек его на постоянный брачный пост.) Однако, через несколько месяцев батюшка явился к помещику и опять стал звать его на крестины.

— Как так? — удивился барин. — Ты же каждый день обедню служишь?!

— А междучасия на что? — лукаво отвечал тот.

Один из самых известных русских архиереев XVIII века Митрополит Московский Платон (Левшин) был превосходным проповедником, отличался находчивостьюи остроумием. В частности, весьма замечательны некоторые его диалоги с Дидро, который в свое время посетил Россию.

— Бога нет, — сказал архиерею француз.

— Это не вы первый говорите, — отвечал Владыка Платон. — Это мы из Псалтири знаем: "Рече безумен в сердце своем: несть Бог..." (Пс. 52).

— Иисус Христос ходил пешком, а вы ездите в карете шестерней, — упрекнул как-то Владыку Дидро.

На это архиерей отвечал так:

— Господь наш Иисус Христос действительно ходил по Святой Земле пешком, и ученики Его шли за Ним... А я за своей паствой и на шести лошадях не могу угнаться.

Одна из самых знаменитых проповедей Митрополита Платона была говорена в Петропавловском соборе в присутствии Императрицы Екатерины II по случаю победы российского флота над турецким 24 июня 1770 года.

Проповедник вдруг спустился с амвона, подошел к гробнице Петра I и воззвал:

— Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец, восстань и насладись плодами трудов твоих...

Присутствующий при этом граф К.Гр.Разумовский, украинец,

потихоньку сказал кому-то из придворных:

— Чего вин его кличе? Як встане, то всем достанется.

Павел Петрович, будучи наследником престола, приехал в один монастырь и услышал жидкий звон небольшого надтреснутого колокола.

— Что ж вы не попросите государыню сменить колокол? Ведь она бывает у вас в монастыре, — сказал Павел настоятелю.

— При посещении государыней обители колокол и сам не раз просил ее об этом. А ведь его голос все же громче.

Кажется, в прошлом веке возник такой забавный анекдот. Некоего протопопа попросили за весьма приличное вознаграждение произнести надгробное слово по умершей богатой купчихе. Он, однако же, решил не затруднять себя сочинительством, а взял известное "Слово на погребение Петра Великого" Преосвященного Феофана (Прокоповича) и прочитал его, заменяя всюду мужской род на женский.

— Что се есть? — возгласил батюшка. — До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Феклу Карповну Кособрюхову погребаем!.. Не мечтание ли се? Не сонное ли нам приведение? О, как истинная печаль! О, как известное нам злоключение!..

Поначалу слушатели были довольны, пока протопоп говорил о величии и достоинствах покойной купчихи, о том, как она заботилась о просвещении... Однако же под конец речи родственники его чуть не побили, когда он между прочим сказал, будто "покойница была весьма проста нравом и, будучи в Голландии, делила ложе с простыми матросами".

(Надо сказать, в подлинном "Слове" Преосвященного Феофана такой фразы нет, но все же показательно, что в церковной среде подобный анекдот появился.)

Пожалуй, самым лучшим русским юмористом прошлого века был Иван Федорович Горбунов, его талант высоко ценили А.Н.Островский, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов. Среди поклонников и благодетелй Горбунова был граф Павел Шереметьев, который по памяти записал и издал те из его новелл, которые не вошли в печатные сборники. Книга эта весьма редкая, издана в 1901 году и называется — "Отзвуки рассказов И.Ф.Горбунова". Есть там и кое-что относящееся к нашей тематике, например, вот такие две записи.

"Митрополит Филарет (Дроздов) часто вызывался в памяти Горбунова. Например, его тихий шепот, когда он услышал ошибку читавшего о выборе апостола вместо Иуды и когда вместо

следуемого "и избраша два: Иосифа и Матфия" чтец произнес: "и избраша два Иосифа". Послышался тихий, но слышный шепот Владыки:

— Дурак, одного".

"Вот еще картинка, выхваченная с натуры, из жизни старух богомолок. Одна из них, подперши руками подбородок, всхлипывая и вздыхая, передает другой впечатление, вынесенное из церкви, где происходил обряд "Анафемы" с участием Митрополита Филарета:

— Впихнули меня в церковь Божию... Что народу... Что людей... Что всего прочего... Всякого разного... Свечи, и свечи все возженные...

— Возженные? — переспрашивает первую старуху другая.

— Возженные, матушка, возженные, — отвечает та, б о л д у х а н и е такое... И вывели его, батюшку, шапка у его камням горит, и поставили на место уготованное... И как начали его проклинать... Уж проклинали его, проклинали... Уж я плакала, плакала... А у его, у батюшки, только бородка седенькая трясется...

Горбунов в своих рассказах никогда не оскорблял религиозные чувства слушателей, он любил красоту церковных обрядов, которые знал в совершенстве".

Не так давно я купил книжку "Любящий добродетель" (Спб., 1995), она посвящена Святителю Филарету Московскому и содержит в себе несколько эпизодов вполне пригодных для "Мелочей архиерейской жизни" самого Н.Лескова. Приведу здесь некоторые из этих рассказов.

В первый же год управления Московской епархией Святитель посетил один сельский приход. Войдя в храм, он стал как бы намеренно искать повода к замечанию. Указав на пыль в храме, он спросил настоятеля, но не по-русски, а на церковно-славянском языке:

— Прорцы ми, отче, почто у ти пыль зде?

Пораженный этим вопросом, священник пал на колени и в страхе молвил:

— Прости, Владыка!..

Тогда Митрополит взглянул на виновного проницательным взором и спросил:

— Ты понял?

— Понял, Владыка, — отвечал священник. — Все понял, прости великодушно...

— А коли понял, — тихо сказал Святитель, — то Бог простит.

Суть же состояла в том, что этот священник когда-то учился с будущим Митрополитом в семинарии. Однажды некоторые соученики подстерегли семинариста Василия Дроздова в коридоре и избили его за то, что он всегда говорил правду. При этом один из семинаристов, изменивши свой голос, издевательски спрашивал свою жертву по-славянски:

— Прорцы, Василие, кто тя ударяяй?

Этим семинаристом и был настоятель обозреваемого храма. Своим вопросом Митрополит напомнил ему давнюю историю, но и простил чистосердечно, ибо в дальнейшем поощрял его служение соответствующими наградами.

Как-то на Пасху в одной сельской церкви при разделе приношений случилась скандальная история. Диакон настаивал на справедливом делении снеди, а дьячок ему не повиновался. Тогда диакон, выйдя из терпения, стал топтать приношение ногами... Дьячок бросился на него с кулаками. Священник, услышав шум и ругань, выглянул из Алтаря и засвистел, дескать, "Вот тебе и кулич с яйцами".

О случившемся доложили Митрополиту Филарету. На донесении Святитель наложил такую резолюцию:

Священника-свистуна, диакона-топтуна и дьячка-драчуна отдать под начал..." и проч.

Однажды Святитель приехал в Новоспасское село и, войдя в храм, стал рассматривать старинные иконы. Приложившись к одной из них, т.е. поцеловав ее, он заметил:

— Как жаль, что лик потускнел, совсем его не видно...

Присутствовавший при сем известный шутник профессор И.М.Снегирев сказал:

— Это, Владыко, от наших нечестивых устен.

— И скверного, нечистейшего языка, — тут же добавил Митрополит Филарет.

(Оба они процитировали молитву Св. Иоанна Златоустого, № 2 в последовании ко Святому Причащению.)

Пришла однажды к Митрополиту игумения Спасо-Бородинского монастыря М.Тучкова, и Святитель спросил ее, довольна ли она своими сестрами.

— Слава Богу, Владыка, — ответила она. — Такие они у меня славные, такие добрые... Да в том беда, что я-то такая грешная.

Митрополит Филарет взглянул на нее с улыбкой, перекрестился и сказал:

— Благодарю Господа, наконец-то в моей епархии нашлась грешная игумения. А то с кем ни поговори — все святые.

Во время пасхальных праздников пришли как-то к Владыке великосветские дамы, и одна из них спросила Митрополита:

— Почему Спаситель по воскресении Своем явился сперва женам-мироносицам?

Святитель ответил:

— Потому что женский пол очень болтлив, а надо было, чтобы это событие стало известно всем как можно скорее...

В конце прошлого века в Ярославле святительствовал архиепископ Ионафан, очень добрый и благостный старец. (Мне рассказывали, что на кладбище, где он похоронен, при копании другой могилы потревожили его гроб и увидели, что тело его — нетленно.)

Одно из главных благодеяний Владыки, оказанных Ярославлю, было возведение на противоположном берегу Волги превосходного кирпичного здания, где разместилось епархиальное училище. (Школа для дочерей клириков.) Заведение это было любимым детищем Преосвященного, он часто приезжал туда, служил в тамошней церкви... И вот однажды старцу-архиерею понадобилось уединиться. Поскольку училище было женское, то его пришлось проводить в туалетную комнату для воспитанниц... В то время, когда Владыка скрывался в одной из кабинок, он услышал, как к нему приближается одна из юных девиц. При этом она напевала:

— Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...

— Не ходи, голубушка, здесь — Ионафан, — отвечал ей голос из-за двери.

В московских церквях до сих пор соблюдается старинный обычай — на Пасху, в Святую ночь, священнослужители множество раз меняют свои облачения.

Коренной москвич, покойный архиепископ Киприан (Зернов), в свое время объяснил мне, как это зародилось. В старое время, если умирал состоятельный человек или кто-то из его близких родственников, непременно покупался большой кусок драгоценной парчи, которой покрывали гроб, пока он стоял в церкви. Затем гроб уносили, а парча оставалась в храме, и из нее за счет родственников умершего шили два облачения — для священника и для диакона. А когда приближалось Светлое Христово Воскресение, многие именитые прихожане обращались к настоятелю с одной и той же просьбой:

— На Пасху послужите в наших облачениях...

Так вот, чтобы не обидеть никого из благоукрасителей храма, хитроумные московские попы и ввели обычай переоблачаться в Святую ночь множество раз...

Незадолго до революции в селе где-то под Старой Руссой служил батюшка. Был он человек добрый, и сельчане его очень любили. А там был известный обычай — по субботам бани топить. Ну, а после бани, известное дело: белье продай, а выпей... Вот так и пошло — в одну субботу этот мужик пригласит батюшку помыться, в другую — тот, в третий — еще... Словом, они своего священника споили. Это дошло до благочинного, потом до архиерея, и его запретили в священнослужении. Тогда мужики собрались и толпой пошли в соседнее село, к благочинному. В дом их, как тогда водилось, не пустили, хозяин вышел на крыльцо.

— Ну, чего пришли?

— Батюшка...

— Отец благочинный...

— Верни ты нам нашего отца Ивана...

— Да помилуйте, — говорит благочинный, — нельзя ему служить. Ведь он у вас спился... Он литургию служит, а сам за Престол держится!

— Вот то-то и оно... Он за Престол держится, а нам литургию служит...

Вот еще одна сельская история. На каком-то приходе мужики решили пожертвовать в свой храм дорогое богослужебное Евангелие. Собрали деньги, батюшка приобрел фолиант в серебряном окладе и доставил его в церковь. И вот настала первая служба — всенощная. Священник торжественно вынес и возложил на аналой драгоценную книгу. Довольные прихожане любуются ею. В это время батюшка возглашает имя Благовествователя:

— От Луки святаго Евангелия чтение!..

И тут как поднимется крик:

— Как — от Луки?

— Почему это — от Луки?!

— Мы все деньги платили!

— Лука лучше нас, что ли?

— Что у него — деньги другие?

— И я давал!

— И я!

— И я!

Аристократ и богатый помещик Ш. пригласил погостить в свое имение самарского губернатора. Когда он объявил о прибытии важного гостя местному священнику, тот пришел в большое волнение. Посреди церкви разостлали ковер и поставили кресло для сановника.

А во время самого богослужения батюшка делал такие возгласы:

— Мир всем! — и прибавлял почтительно тоном ниже: — И Вашему Высокопревосходительству!..

Мой родной дед А.А.Ольшевский в начале века обучался в гимназии города Владимира. Он вспоминал, как на уроках Закона Божьего преподаватель, священник, разъяснял своим ученикам одно из прошений ектеньи:

"Христианския кончины живота нашего безболезнены, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшном Судищи Христове просим".

Батюшка, по-владимирски "окая", говорил:

— Какая бывает постыдная кончина? Например, в г... утонул.

А теперь хочу привести довольно известный анекдот из церковной жизни, я, помнится, даже читал его в какой-то книге.

В старое время в селе, которое называлось Палисадник, служили священник и диакон. Как-то они шли вместе на требу, и на дороге перед ними оказалась глубокая и обширная лужа, обойти которую не было никакой возможности. Диакон при этом случае был в сапогах, а священник в како-то легкой обуви. И вот батюшка уговорил диакона перенести его через лужу. Тот согласился, взгромоздил священника на свою спину и понес... Но то ли лужа была слишком велика, то ли вес у батюшки чересчур солидный, но диакон на самой середине водной преграды ношу скинул. Священник, который изрядно промок и испачкался, не удержавшись, ударил обидчика, и между ними завязалась драка... Соблазнительный этот случай, разумеется, не остался незамеченным, дело дошло до благочинного, а тот сообщил архиерею. Резолюция, которую Владыка наложил на письме благочинного, была краткой и выразительной: И коня и всадника —; Вон из Палисадника.;

(Тут следует добавить, что для церковного человека это звучит тем более забавно, что со слов "Коня и всадника в море Чермное" начинается весьма употребительное песнопение — ирмос пятого гласа.)

Тут в памяти всплывает и такое. Некий батюшка приходит домой в сильном расстройстве и говорит жене:

— Матушка, меня сегодня в церкви диакон побил...

— Это каким же образом?!

— Да не образом, дура, а подсвечником!

Мне рассказывали, что в дневнике А.С.Суворина описывается такой забавный эпизод. Генералу Дурново был присвоен придворный чин, и по этому случаю он примерял новый мундир. Глядя на себя в зеркало, генерал спросил своего камердинера:

— Ну как, Иван? Идет мне этот мундир?

— Очень идет, ваше превосходительство, — отвечал тот, — вы в нем теперича похожи на льва.

— А где же ты видел льва? — удивился Дурново.

— А на картинке, — отвечал камердинер. — На нем Иисус Христос в Иерусалим въезжает...

В прежнее время, когда заказывался "сорокоуст", то действительно служилось подряд сорок божественных литургий (в просторечии обеден). В деревенских храмах на этих службах подчас вообще никого не было — только сами клирики, прихожане являлись к концу службы, чтобы отстоять панихиду.

Так вот в некоем селе священник и диакон, чтобы облегчить себе жизнь, прибегали к такому приему. Литургии они вовсе не служили, а сидели в Алтаре у окна и смотрели, когда появятся на дороге прихожане. Тут они открывали Царские врата и имитировали окончание обедни, примерно с песновения "Видехом свет истинный..." Затем после отпуста начиналась панихида.

Это мне когда-то рассказал архиепископ Киприан и добавил:

— Ну, чего можно было ждать для Церкви при таких священнослужителях?..

В 1913 году Россию посетил Патриарх Антиохийский Григорий. Русского языка он, разумеется, не знал, служил по-гречески, но некоторые возгласы произносил по-славянски, их ему подсказывали сослужащие с ним наши архиереи. По этой причине произошла курьезная и даже отчасти соблазнительная история.

Патриарх служил Божественную литургию, а один из русских митрополитов стоял в Алтаре неподалеку от Престола и в определенные моменты исполнял обязанности суфлера.

На великом входе Патриарх принял от протодиакона дискос, а невидимый народу Митрополит тихонько подсказал ему

нужные слова:

— Благочестивейшего, самодержавнейшего, великого Государя нашего...

Патриарх, стоящий в отверстых Царских вратах, громко на весь храм возгласил эти слова.

Митрополит продолжал:

— Императора Николая Александровича всея России...

Патриарх все это повторил.

Митрополит суфлировал далее:

— ... да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков...

И опять:

— Супругу Его, благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну...

Все шло гладко, русский иерарх подсказывал, а греческий возглашал.

Митрополит продолжал:

— Святейший правительствующий Синод да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков...

Патриарх повторил эти слова и уже без всякой подсказки, по собственному разумению добавил:

— Супругу его...

Услышав о "супруге Синода", митрополит всплеснул руками, и у него вырвалось:

— Супруги нет!..

А Патриарх принял это восклицание за очередную подсказку и громким голосом повторил:

— Супруги нет!..

Что было дальше и как завершился этот великий вход — история умалчивает.

В начале нашего века в соборе города Владикавказа был такой забавный случай. Тамошний архиерей совершал на литургии диаконскую хиротонию. При этом ставленник был совершенно лысый. И вот, когда протодиакон стал первый раз обводить его вокруг Престола, он от волнения задел семисвечник и опрокинул одну из лампадок, да так, что масло пролилось ему на голову, а "поплавок" (устройство для фитилька) прилип к коже черепа...

Смотреть на умасленную главу несчастного, да еще с прилипшим поплавком, без смеха было невозможно. Смеялись решительно все — священники, диаконы, прислужники... Не смеялся только один человек — архиерей, совершавший священнодействие.

Но вот отошла литургия, и, чтобы наказать своих смешливых клириков, Владыка устроил крестный ход в ближайший монастырь — несколько километров по жаре с иконами и хоругвями, в полном облачении. И тут всем стало не до смеха.

Один человек, который в молодости жил в Сергиевом Посаде, рассказал мне такую историю. Было это тогда, когда отец Павел Флоренский только что принял священный сан. Служили всенощную. В самом начале, как положено, священник с кадилом и диакон со свечой пошли по всему храму... (Вот тут некоторая неясность — о. Павел был то ли еще диаконом, то ли уже священником. Но факт, что сослужил ему такой же новоиспеченный клирик.) Они подошли к праздничной иконе, которую следовало покадить только с одной стороны. Но так как оба они толком службы не знали, то обошли аналой — окадили икону с четырех сторон... Обошедши раз, пошли во второй, потом в третий... Каждый из них надеялся на то, что сослужащий лучше знает устав... Наконец, их ошибку заметили из Алтаря, и присутствовавший там архиерей сказал пономарю:

— Пойди их останови. А то они всю икону закоптят...

Окончить эту, первую главку моего повествования, пожалуй, стоит нижеследующим курьезом. После отречения Государя Императора Правительствующий Синод разослал по епархиям распоряжение о том, что теперь на ектеньях и возглашениях следует поминать не монарха, а "благочестивое временное правительство". По окончании же литургии и в иных случаях предлагалось воспевать и такое несообразное к Богу прошение:

— Временному правительству — многая лета!

"Тихоновцы" и "обнагленцы"

Жизнь кончилась, началось житие.
Н.Лесков. Соборяне

О трагической истории Русской Православной Церкви в двадцатых и тридцатых годах уже написаны тома — есть книги о. М.Польского, Л.Регельсона, В.Русака... О страшном этом времени будут написаны и еще сотни страниц, по той хотя бы причине, что необходимо сохранить как можно больше сведений о новомучениках и исповедниках российских.

Мой труд отнюдь не принадлежит к жанру агиографии, и тем не менее я не могу вовсе не коснуться этой темы. Мой великий предшественник Николай Лесков когда-то изрек: "Человек наилучше познается в мелочах". Я могу от себя добавить: это относится не только к нравам, но и ко временам.

Несколько лет назад я сделал небольшое наблюдение. Я вдруг обратил внимание на то, что душою, вдохновителем кровавых гонений, которые обрушились на христиан и их Церковь в первые десятилетия Советской власти, был человек, который носил имя Святого Крестителя Руси — князя Владимира. Но притом фамилия его — Ульянов т.е., собственно, Юлианов) — содержит в себе имя одного из злейших за всю историю врагов Церкви — кесаря Юлиана Отступника. Страшноватый дуализм...

"Тихоновцы" — так, по имени великого Российского Первосвятителя, называли православных их гонители и недруги. Полагаю, в свое время слово это — "тихоновцы" — произносилось то с ненавистью, а то и с высокомерием. Но зато можно с уверенностью сказать: сами истинные чада Церкви в этом прозвище ничего зазорного для себя не чувствовали.

Начну с некоей цитаты, вернее, с пересказа. Книга Льва Регельсона "Трагедия Русской Церкви" представляется мне несколько тенденциозной и спорной по части выводов, но содержит множество поразительных фактов и бесценных документов. Таких, например, как автобиография Владыки Афанасия (Сахарова).

На меня самое сильное впечатление произвела сцена ареста Священномученика Митрополита Петроградского Вениамина. Чекистов к нему привел его ученик, уже известный в городе проповедник о. Александр Введенский — будущий глава

обновленцев. Несмотря на свою весьма сомнительную роль, он приветствовал архиерея как положено и протянул руки, чтобы получить благословение.

Владыка Вениамин благословения не дал и произнес:

— Оставьте, отец Александр. Мы ведь не в Гефсиманском саду.

В каком-то селе закрывали церковь.

Мрачная и молчаливая толпа мужиков глядела на разорение святыни.

Из церкви вышвырнули иконы.

Один из "комиссаров" кричит сельчанам:

— Бога нет! Нет Бога! Вот, смотрите!..

И он начинает палить из винтовки в лики святых.

— Видите?! Видите?! Ну, где ваш Бог?.. Почему Он меня не накажет?

— Уже наказал, — слышится голос из толпы.

— Когда наказал? Как наказал?

— Ум отнял.

В двадцатые годы на моем приходе, в селе Низком, служил старый иеромонах отец Исидор. По какому-то случаю его вызвали в сельский совет. Там секретарь обратился к нему вполне дружелюбно:

— Товарищ Никольский...

Батюшка его перебил и сказал:

— Я — вам не товарищ. Я никогда не был вам товарищем. И не дай Бог быть с вами товарищем!

Рассказ старой монахини.

Когда из их города высылали духовенство, то целый вагон набили только священниками и диаконами. Их провожали со слезами. Поезд долго не уходил, и вдруг высылаемые все вместе, хором запели:

— На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом...

Весь псалом — до конца.

Мой покойный отец рассказывал, что уже после войны познакомился и дружески разговорился с гримером, который с дореволюционных времен работал в театре областного города. Старик признался отцу, что в двадцатом году приходилось ему выполнять страшную работу. К нему являлись местные чекисты, и он наклеивал им бороды, подбирал парики, словом, гримировал их "попами". После этого они надевали рясы и с поддельными

документами, якобы от местного архиерея, отправлялись по сельским приходам отбирать драгоценную утварь.

И еще рассказ отца.

В двадцатых годах, будучи еще молодым литератором, он видел в тогдашнем цензурном ведомстве такую сцену. Один из ответственных работников (разумеется, еврей, старый большевик) принимал маститого протоиерея — в рясе, в камилавке, с крестом... Батюшка пришел по поводу какой-то церковной публикации. Говорили они между собой подчеркнуто вежливо, дело решалось... Но при этом собеседники относились друг к другу с невероятной брезгливостью. Батюшка боялся ненароком дотронуться до "жида", а еврей прикоснуться к "попу".

Дочь знаменитого дрессировщика и клоуна Дурова, Анна Владимировна, рассказывала мне об одном диспуте в двадцатых годах, участником которого был ее отец. Он там представлял "атеистическую науку", а религию — какой-то священник. Во время дискуссии батюшка заявил:

— Я могу очень просто доказать и то, что Господь Иисус Христос существовал, и самый факт Его воскресения...

Затем он повернулся к многочисленной аудитории и воскликнул:

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе! — отозвались сотни голосов.

(В своих воспоминаниях архиепископ Никон (Фомичев) сообщает, что к этому же приему прибегал во время дискуссий и обновленческий "митрополит" Александр Введенский.)

Как известно, Святитель Тихон, Патриарх Московский, отошел ко Господу в день Благовещения в 1925 году. (То есть он на год с лишним пережил В.И.Ленина.) Еще при жизни Святителя на Красной площади был сооружен первый мавзолей, тогда деревянный. Как видно, строили поспешно, и вскоре после окончания работ в новом здании случился досадный казус — сломался ватерклозет и стала фонтанировать фановая труба. По Москве пополз слушок об этом происшествии. Рассказали это и Патриарху Тихону, который отозвался на сообщение кратко и выразительно:

— По мощам и миро.

В двадцатые годы храмов в Москве оставалось почти столько же, сколько было до революции, но при этом очень многие люди отошли от Церкви — кто из страха, кто по маловерию... И вот тут

между приходами началась конкуренция, с тем чтобы привлекать побольше молящихся. Где-то отличались особенно усердным поминовением успоших, где-то стройным пением, где-то соблюдением малейших требований устава.

В те годы в Москве было несколько превосходных протодиаконов, таких как о. М. Холмогоров или о. М. Михайлов. Пригласить такую знаменитость послужить в праздник был верный способ привлечь народ.

А тут еще было принято решение выслать почти всех правящих архиереев из епархий в Москву. Этим на Лубянке достигали сразу двух целей: во-первых, тут за ними было легче следить, а во-вторых, их оторвали от паствы. И вот епископы, кто как мог, устраивались в столице... Если приглашали служить какого-нибудь владыку, то в храм он ехал на трамвае...

Вот курьезная сценка того времени. Настоятель церкви и староста накануне престолького праздника ведут переговоры с каким-нибудь знаменитым протодиаконом. И уже обо всем договорившись, напоследок спрашивают его:

— А с каким архиереем хотите послужить?

(Всю несообразность этого вопроса можно показать на таком примере. Вообразите, что у начальника почетного караула спрашивают:

— Главу какого государства вы бы хотели приветствовать в следующий раз?)

В книге Л.Регельсона архиепископ Феодор (Поздеевский) описывается как человек весьма серьезный, который никогда не смеялся и даже несколько порицал Патриарха Тихона за улыбчивость. Об этой характеристике поведали одному из бывших иподиаконов Владыки Феодора, и вот что он сказал:

— Иногда наш Владыка не смеялся, а иногда еще как смеялся. Вот, помню, двадцатые годы... Рукоположил он одного повара во диакона. (А тогда желающих принять сан почти не было.) И вот первая служба с новым диаконом. Всенощная под какой-то богородичный праздник. Значит, вчера он еще был повар, а сегодня — диакон. И вот выносит он Евангелие на амвон и возглашает прокимен: "Помяну имя Твое во всяком роде и роде". После этого следует говорить стих: "Отрыгну сердце мое слово благо". А стих-то наш бывший повар от волнения забыл... Только сказал громким голосом: "Отрыгну..." И умолк... И стоит на амвоне с Евангелием на вытянутых руках.... Так, я помню, владыка Феодор на кафедре посреди церкви прямо трясся от смеха...

История с этим поваром напоминает мне случай с другим совместителем. Дело было примерно в то же время — в двадцатых годах. Это — рассказ покойного Михаила Николаевича Ярославского, который в молодости был старшим иподиаконом у архиепископа Серафима Угличского (Самойловича).

Так вот, служил как-то архиепископ Серафим в селе Никола-Топор. А тамошний диакон по совместительству был еще и счетоводом в какой-то местной конторе. На всенощной он не так произнес титул служащего архиерея. А когда присутствовавший там благочинный сделал ему выговор за ошибку, то диакон простодушно сказал:

— Ну, что вы, отец протоиерей... Ведь это не бухгалтерия, здесь особая-то точность не нужна...

И еще рассказ М.Н Ярославского.

В церкви одного села неподалеку от Углича псаломщиком был житель деревни, которая находилась за несколько верст от храма, так что приходилось ему к службе ездить на лошади. (Благо тогда еще у мужиков лошади были.) Никаких певчих там и в помине не было, на клиросе псаломщик пел один.

И вот как-то диакон на амвоне произносил заупокойную ектенью, и пока он перечислял множество имен, псаломщик задремал.

— ...и о еже проститися им всякому прегрешению вольному же и невольному...

Не слыша с клироса "Господи, помилуй", диакон повернулся и увидел, что псаломщик дремлет. Тогда он подошел к спящему и слегка потрогал его за плечо... Тот пробудился и вскричал на весь храм:

— Тпру!.. Где вожжи-то?

С Михаилом Николаевичем Ярославским я познакомился в 1980-м — в год принятия священного сана. Тогда он был главным бухгалтером Ярославской епархии. С первого взгляда поразил меня его облик — высокий, худой, прямой... А главное, лицо — ум, доброта, благородство. Такие лица часто встречались в старой России, а теперь перевелись. Все предки его с отцовской и материнской стороны — священники. (Кстати сказать, старший брат М.Н. — Сергий, в монашестве Кассиан, долгое время был архиереем в Костроме.) Я горжусь тем, что был в числе тех священников, к кому покойный Михаил Николаевич благоволил и кого дарил своей дружбой.

В 1983 году я записал на диктофон его воспоминания об

Архиепископе Угличском Серафиме (Самойловиче). В его рассказе есть эпизоды, которые вполне могут быть отнесены к жанру "Мелочи архиерейской жизни". Впрочем, это такие "мелочи", которые не могли бы и пригрезиться ни самому Лескову, и никому из его современников.

Итак, документальный рассказ М.Н.Ярославского.

"В двадцать девятом году сидел я в Кеми, в пересылке, работал там на лесопильном заводе... А там тогда много духовенства сидело. Был там с нами Владыка Нектарий (Трезвинский), викарий Вятской епархи, епископ, по-моему, Яранский... Он был одно время наместником Александро-Невской лавры. Встретился с ним там, в кемском пересыльном пункте. Смотрю, кто-то в духовной одежде, в подрясничке, в скуфеечке, сапоги, — колет лед у нашей столовой, у кухни лагерной. А вообще-то у нас архиереи все больше с метелочками ходили, разметали снег на панелях. Ну, лопаткой немножко... А тут вижу, какое-то духовное лицо так старается, колет лед... Я его спросил: "Батюшка, вы в каком сане будете?" "А вам, — говорит, — какое дело?" "Да я, — говорю, — сам из духовных немножко... Правда, я не духовный сам-то... Но сын священника, был иподиаконом у Владыки Серафима..." "А, — говорит, — из Углича, значит?" Оказывается, он многих там знает... "А я, — говорит, — иеродиакон". Ну, так я его и звал — "отец иеродиакон". Были у нас хорошие с ним, дружеские отношения... Шутили мы с ним иногда. Духовенство тогда находилось почти все вместе, в одном бараке. Правда, там и другие были, гражданские лица... Великим Постом песнопения мы пели — "Покаяния отверзи ми двери", "На реках Вавилонских"... И вот этот мой знакомый "отец иеродиакон" управлял нашим хором. И я помню, какой-то Владыка ошибся, а он ему кулак к носу подносит. Я после ему говорю: "Ведь это неудобно, отец иеродиакон, так с архиереем-то обращаться". "А что же он? Уж взялся петь, так пой". И так дожили мы, это зимой было дело, до весны. Весной убирают снег. А я стоял и разговаривал с одним священником, заключенный тоже, конечно. Сторожем он был. Разговариваю я с ним, а там везут на санках снег. И сзади мой знакомый "иеродиакон" лопатой этот снег подпирает. А мой знакомый сторож, батюшка, кланяется и говорит: "Здравствуйте, Владыка". А я говорю: "Который же тут Владыка?" А он: "С лопатой-то". Я ему: "Так это же иеродиакон". "Что ты?" — говорит. "Так я ж, — говорю, — его знаю". "А я, — говорит, — с ним рядом сплю". Так я смутился... На обратном пути, когда они с санками возвращались, этот батюшка говорит: "Владыка, что же вы невинных людей в заблуждение вводите?" А

он улыбается... Действительно, архиерей... И стал я от него бегать... Как увижу, что идет Владыка Нектарий, так я от него бегом... А потом как-то встретился с ним нос к носу, бежать уже некуда... "Владыка, простите меня... что я вас называл иеродиаконом... Вы ведь меня ввели в заблуждение..." А он: "А почему ты решил, что я действительно иеродиакон, не посомневался?" "Да вот вы уж очень работаете-то не по-архиерейски... Архиереи так не работают..." "Да они все лодыри", — говорит... А потом оказывается, уже я после слышал от своего двоюродного брата протоиерея Державина Александра Михайловича, московского протоиерея, а его, Владыки, товарища по академии, что он потонул... Его сделали доставщиком посылок на Соловецкий остров... Наверное,даже жулье его и толкнуло... Утонул в Белом море... Сидел там с нами епископ Глеб, по-моему, фамилия — Покровский. Викарий Рязанской епархии, епископ Михайловский... Было это вскоре после моего прибытия в Кемь... Однажды возвращаюсь я с работы в барак, смотрю, все духовенство какое-то такое напряженное... Задумчивое такое... О чем-то тут говорят... Я спрашиваю: "Что такое?" "Владыку Глеба освобождают. И он не знает, куда ехать. Послал Митрополиту Сергию телеграмму, куда он может, какой ему город избрать — ответа нет". И я говорю Владыке Глебу: "Владыка, а возьмите Кашин. Этот город недалеко под Москвою, на железной дороге. Владыка Иосиф из Кашина переведен в Могилев. Я знаю, епархия... кафедра там свободна..." А Владыка: "А куда я поеду-то там? Где я остановлюсь?" "А мой брат, — говорю, — там в семинарии учился. Я вам дам адрес. Отец Сергий Соколов, священник Ильинской церкви. Найдете там". Он опять послал телеграмму Митрополиту Сергию, может ли избрать Кашин. В ответ получил: "Не возражаю". И поехал в Кашин. И после я получаю от брата своего письмо. Пишет: "Отец Сергий (это бывший его квартирный хозяин) шлет тебе благодарность за то, что ты порекомендовал Владыке Глебу поехать к ним в Кашин". Владыка явился как раз в день его именин... И так все были довольны... Владыка Глеб так и жил потом у него на квартире... Но официально Кашинским епископом, кажется, он так и не стал. Какая его судьба дальнейшая, я не знаю. Да... А как новый этап к нам пригонят, мы все спрашивали священников, да и дьяконов, как там на воле? Молятся ли за советскую власть? Помню, отец Александр, архимандрит, настоятель Семиезерной пустыни из Казани... Я с ним был несколько знаком. Разговаривал с ним нередко... И вот этот архимандрит Александр, помню, когда его спросили:

"Молитесь ли за власть?" Он говорит: "В самое "до" берем".

Молиться за богоборческую советскую власть предписывал "заместитель местоблюстителя Патриаршего Престола" Митрополит Сергий после того, как опубликовал 29 июля 1927 года свою печально известную декларацию, где провозглашалась лояльность христиан репрессивному режиму и даже некоторая общность интересов: "ваши радости — наши радости". Подавляющее большинство клириков никак не хотело поминать на богослужениях беспощадных врагов Церкви. Один из тогдашних "непоминающих" знаменитый московский протоиерей отец Валентин Свенцицкий так объяснял свой отказ молиться за большевиков:

— Это — не власть. Власть устанавливается законным путем, а это — узурпаторы, захватчики.

Некоторые священники и диаконы подобно о. В. Свенцицкому открыто отказывались поминать "власти", а более осторожные клирики прибегали к нижеследующему наивному приему.

Вместо того, чтобы произносить на ектенье "О богохранимой стране нашей и о властех ея, Господу помолимся", они говорили так: "О богохранимой стране нашей и областех ея"...

На слух разницу уловить было трудно.

Не так давно в одной из газет мне попалось интервью епископа Василия (Родзянки), который, в частности, вспоминал, как еще в детстве был свидетелем примечательного разговора. Тогдашнего предстоятеля Русской Зарубежной Церкви Митрополита Антония (Храповицкого) спросили:

— Правда ли, что большевистская власть — антихристова?

— Много чести, просто разбойники, — отвечал Владыка.

И еще одна история со слов М.Н.Ярославского. Он передал мне дословно такой рассказ своего старшего брата архиепископа, который до войны в сане священника много лет провел в заключении.

— Как-то у нас в тюремной больнице был медицинский осмотр. Там присутствовал сам начальник тюрьмы. Увидев меня, он спросил: "Ярославский, ты, если освободишься, опять попом работать будешь?" Я хотел ему ответить: "Как Бог даст". Но вдруг женщина-врач мне подсказала: "А вы ему скажите: я еще архиереем буду".

Покойный архиепископ Мелитон (Соловьев), викарий Ленинградской епархии, с юных лет весьма почитал отца Иоанна Кронштадтского. До войны ему, еще священнику, приходилось сидеть в тюрьме и бывать в знаменитом "сером доме" на

Литейном. Вот рассказ Владыки Мелитона, записанный со слов его иподиакона.

"Во сне ко мне является отец Иоанн Кронштадтский и говорит: "Исповедуй меня". Я говорю: "Батюшка, да что вы?! Как же я буду исповедовать в а с ?!" А он настойчиво повторяет: "Исповедуй меня". Мне пришлось повиноваться, он наклонил голову и назвал несколько незначительных грехов... В тот же день вызвали меня в "серый дом". Между прочим следователь спросил: "Вы почитаете отца Иоанна Кронштадтского?" "Да, — говорю, — очень почитаю". "Вы считаете его святым?" "Да, — говорю, — считаю". "А вы могли бы поцеловать его портрет?" При этом следователь подал мне небольшую фотографию батюшки. "Да, — говорю, — могу". Я перекрестился и приложился к портрету. "Ну, хорошо, — сказал следователь, — идите". И отпустили меня. И только выйдя от них на улицу, я сообразил, что означал мой сон..."

(Тут, пожалуй, следует пояснить, что глагол "исповедовать" имеет двоякий смысл. Можно исповедовать не только грехи, но и какую-то веру. Отсюда — существительное "вероисповедание".)

Ну, а теперь от "тихоновцев" перейдем к "обнагленцам". "Обнагленцами", по свидетельству В.Русака, назвал "обновленцев" в свое время Митрополит Трифон (Туркестанов). Сами себя они именовали возвышенно — "Живая церковь".

Чего-чего, а именно живости в определенном, узком смысле этого слова у них никак не отнимешь — женатый епископат, два только официальных брака у "митрополита" Введенского...

"Шерше ля фам" — вот подоплека не только этого, но и почти всех прочих церковных расколов.

Англиканская церковь отделилась от Рима из-за желания короля Генриха VIII развестись с женой и сочетаться с фрейлиной Анной Болейн.

Лютер, сам августинский монах, был женат на монахине.

И это начиная с самого первейшего "раскола", когда праотец Адам из-за женщины обособился от Всевышнего.

Вот тема для исторического исследования...

В каком-то обновленческом приходе был престольный праздник. Богослужение возглавлял один из архиереев "живой церкви". После литургии и молебна, как положено, торжественный обед. Во главе стола сидит "владыка", а рядом с ним его "законная" супруга. Во время трапеза "архиерейша" не закрывает рта, всем командует... В конце концов сам "владыка", смущенный ее развязностью, примирительным тоном произносит:

— Ну, что уж ты, матушка...

— Какая я тебе матушка?! — вскидывается она. — Я — владычица!

Рассказывали мне и о таком примечательном случае, происшедшем будто бы в тридцатых годах. Сидели как-то вечером два приятеля в ресторане. (А был, между прочим, Великий Пост.) Один из них огляделся и сказал другому:

— Послушай, вон за тем столиком сидит с двумя дамами обновленческий "митрополит" Александр Введенский.

Тот посмотрел на сидящего в гражданской одежде человека, который разливал вино и шутил с дамами, и засомневался:

— Нет... Не может быть... Ты обознался...

Но приятель стоял на своем, и они заспорили.

Тогда первый решил развеять сомнения и предложил:

— А хочешь, я к нему сейчас подойду и возьму благословение?

— Ну, подойди.

Он сложил руки лодочкой и, приблизившись, обратился к человеку в костюме:

— Владыка, благословите.

Введенский (а это был он) повернул голову и проговорил:

— Не время и не место.

Тогда подошедший "возмутился духом" и отвечал:

— Это тебе здесь — не время и не место!

Еще одно качество "живоцерковников" — живая, действенная связь с ОГПУ, НКВД... Известный регент Н.В.Матвеев, который в молодости жил в Сергиевом Посаде, рассказывал, как однажды его встретил настоятель обновленческого храма и предложил перейти к нему.

— Боже упаси! — воскликнул Николай Васильевич. — Я к вам ни за что не пойду!..

— Посадим, — совершенно откровенно заявил "батюшка".

Мне когда-то объясняли, так сказать, механику распространения обновленчества по стране. В каком-нибудь городе появляется группа раскольников и просит местный совет зарегистрировать их общину. Им категорически отказывают — там хватает забот с православными приходами. Но тут следует распоряжение из ГПУ — немедленно зарегистрировать и предоставить церковное здание.

А дальше начинается соперничество и вражда между "тихоновцами" и "обнагленцами", в результате — взаимные

жалобы, а там и доносы. И вот уже в ГПУ известно решительно все...

Один маститый священнослужитель рассказывал, что в юности он как-то зашел в храм Христа Спасителя. (Это было в те годы, когда он еще закрыт не был, но уже принадлежал обновленцам.)

Богослужение не совершалось, и церковь была почти пустой... Однако из Алтаря доносились какие-то разгневанные голоса. Затем послышался глухой удар, и сейчас же из открытой двери на солею выкатилась митра...

Даже в мое время многие помнили публичные диспуты "митрополита" "живой церкви" Введенского с наркомпросом А.В.Луначарским. Рассказывали, что за кулисами они вместе пили чай и дружески беседовали. Оба были весьма находчивы и остроумны. Один из диспутов, например, имел такое окончание. Введенский сказал:

— Так как ни мне не удалось убедить Анатолия Васильевича в божественном происхождении мира и человека, ни ему убедить меня в правоте материалистической теории, и мы оба остались при своем мнении, будем считать так: меня создал Бог, а Анатолий Васильевич произошел от обезьяны.

Луначарский отвечал на это:

— Я согласен. Но взгляните на меня и представьте себе обезьяну... Вы увидите явный прогресс... А что такое этот человек в сравнении с Богом?..

Естественно, наркомпрос не мог быть постоянным партнером Введенского на модных в те времена диспутах, и с ним часто выступали другие деятели. Мне рассказывали об одном таком случае, который окончился весьма драматически. (Факт подтверждала покойная дочь "первоиерарха".) Было это, если не ошибаюсь, где-то в Средней Азии. Там оппонентом Введенского выступал местный партийный работник, как видно, не семи пядей во лбу. К концу диспута он был совершенно разбит своим эрудированным и красноречивым партнером и тогда в отчаянье возгласил:

— Пусть он говорит, что Бог есть... А я жил без Бога, живу без Бога и еще проживу сто лет...

С этими словами он замертво свалился с трибуны — разрыв сердца...

Невозможно вообразить, что тут произошло в зале и что началось во всем городе... Введенского во всяком случае оттуда

выслали через несколько часов.

И вот настали самые страшные времена. Тут уже брали всех подряд, без разбора — и "тихоновцев", и "обнагленцев"... К 1941 году на территории огромной страны сохранилось ничтожное корличество действующих храмов, и почти все клирики были репрессированы.

Если перед войной Митрополиту Сергию задавали вопрос: "Как живете?", он неизменно отвечал:

— Просторно. Один правящий архиерей у меня в Хабаровске, а другой — в Литве.

Меня боишься?

Мыслитель и администратор! сложи в просвещенном уме своем,;

из чего жизнь русского попа сочетавается.

Н.Лесков. Соборяне

Разразившаяся в сорок первом году война с Германией принесла Русской Православной Церкви существенное облегчение участи. В сорок третьем году Сталин принял трех митрополитов, выслушал их, обещал содействие и учредил комитет по делам религии — то есть, по существу говоря, был заключен некий конкордат.

Мне же представляется, что перемена в отношении тирана к Православию произошла еще раньше, собственно говоря, в момент начала войны, когда он, насмерть перепуганный, обратился по радио с речью к народу. Как видно, вспомнив свое семинарское прошлое, начал он со слов:

— Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои...

Когда же война была победоносно закончена и Сталин облачился в мундир генералиссимуса, он, очевидно, стал ощущать себя эдаким всероссийским монархом, а потому Церковь, возносившая о нем свои молитвы, стала ему импонировать еще больше...

Мой добрый знакомый Анатолий Борисович Свенцицкий (племянник знаменитого протоиерея отца Валентина) любезно предоставил в мое распоряжение свои неопубликованные воспоминания. 4 ноября 1941 года, на день Казанской иконы Божией Матери, он был в Богоявленском (Елоховском) соборе. Вот отрывок из его мемуаров:

"После литургии были возглашаемы многолетия. Сначала — "Патриаршему Местоблюстителю Блаженнейшему Сергию, Митрополиту Московскому и Коломенскому", а также возглавлявшему богослужение "Высокопреосвященнейшему Николаю, Митрополиту Киевскому и Галицкому". Затем протодиакон храма "Никола в Кузнецах" отец Иаков Абакумов впервые возгласил и такое:

— Богохранимей стране Российстей, властем и воинству ея, первоверховному вождю Иосифу — многая лета.

Замечательно, что это первое "многолетие" Сталину было произнесено именно отцом Иаковом, который был родным братом печально известного В.С.Абакумова, будущего министра госбезопасности — того, кто во время войны был начальником

кровавой военной контрразведки "ГУКР — СМЕРШ".

А вот еще одна история, записанная А.Б.Свенцицким. Это рассказ одного из протоиереев, служивших в Смоленске. В годы войны он был маленьким мальчиком.

"Вскоре после освобождения Красной Армией города Ельни командир одной из частей получил телеграмму из штаба фронта. Там был приказ срочно открыть в городе православный храм и отслужить водосвятный благодарственный молебен с возглашением многолетия вождю народа Иосифу Виссарионовичу Сталину. Полковник решил, что в штабе измена, и распоряжения не выполнил. Через два дня вновь

пришла телеграмма с требованием "срочно принять меры". За невыполнение приказа — полевой суд. Решили срочно искать попа. Но где его найдешь?.. Все храмы в Ельне давно закрыты, никаких священнослужителей в помине нет. Что делать?.. И тут одна из пожилых женщин вспомнила: "Живет тут у нас на улице Урицкого батюшка. Но уж больно он старый — лет 80 ему будет". Полковник на "виллисе" едет по указанному адресу. "Отец, — говорит, — завтра служить надо и возгласить многолетие великому Сталину". А батюшка трясется, онемел совсем и думает про себя: "Вроде бы с немцами не сотрудничал и не служу более 20 лет... Правда, сана не снимал..." И спрашивает полковника, заикаясь: "Я-то отслужу, а потом — не расстреляете?" "Вы что — спятили? — отвечает командир. — К награде вас представим!"... На другой день у полуразрушенного храма собралась огромная толпа. Все приготовили, вышел отец Василий, стал служить... Народ подхватил: "Спаси, Господи, люди Твоя..." Освятили воду, окропил батюшка храм и народ, а затем возгласил: "Благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение, во всем благое поспешение подаждь, Господи, великому вождю нашему Иосифу с победоносным воинством его и сохрани его на многая лета!" И тысячи голосов подхватили — "многая лета"... Моя бабушка, которая была среди молящихся, говорила: "Благодатно-то как... Прям как при царе". Потом возглашена была "вечная память" павшим воинам. А вскоре отец Василий получил обещанный полковником орден Красной Звезды и очень этим гордился. Он даже завещал похоронить себя с этим орденом, что и было исполнено, когда старец скончался в возрасте 86 лет".

Перед Митрополитом (позже Патриархом) Сергием и его Синодом возникла проблема: кого назначить на многочисленные открывающиеся приходы, да и на те, что были уже открыты при немцах на оккупированных ими территориях... Клирики частью были просто истреблены, частью пребывали в лагерях и ссылках

— в этом отношении особенных послаблений со стороны властей не было. Мало того, невозможно было найти кандидатов даже в архиереи — монахи и вдовые священники были перепуганы, еще слишком свежи были в памяти гонения прежних лет.

Один протоиерей передавал мне свой разговор с Патриархом Алексием. Батюшка рассказал Святейшему о затруднениях некоего епископа, которому необходимо было назначать священников на приходы, а пригодных кандидатов не находилось, так что он вынужден был рукополагать не вполне достойных.

— Я его понимаю, — вздохнул Патриарх, — у меня точно такая же история с архиереями.

Испуг, оставшийся после тридцатых годов, имел и еще одно печальное последствие. Некоторые архиереи боялись принимать большие соборы в областных центрах, они не верили властям, полагали, что облегчение жизни Церкви временное, а потом все опять отберут. По этой причине остались без подобающих городским масштабам церквей жители Ярославля, Твери, Екатеринбурга (Свердловска)...

После войны одним из самых видных иерархов был архиепископ Новосибирский Ворфоломей (Городцов). До революции в сане архимандрита он служил в Тифлисе, и Сталин знавал его по семинарии. И вот как-то "вождь и учитель" узнал, что Владыка Ворфоломей пребывает в Москве, и пригласил его к себе в гости.

Получив это приглашение, Архиепископ долго раздумывал: как пойти к Сталину — в рясе и клобуке или по-гражданскии, в костюме... Решился он все-таки пойти в гражданской одежде.

Властелин принял его весьма гостеприимно. Они пили легкие кавказские вина, ели фрукты и вспоминали Тифлис начала века. Часа через полтора Сталин поднялся, дав этим понять, что аудиенция окончена. Затем он почтительно взял Владыку под руку и повел к выходу... И уже в самых дверях, в момент прощания, он вдруг ухватил гостя за лацкан пиджака и проговорил:

— Меня боишься?.. А Его, — тут Сталин указал рукою на небо, — не боишься?

(Некоторые считают, что случай этот был не с Владыкой Варфоломеем, а с Грузинским Патриархом Каллистратом.)

После войны Церкви разрешили открывать духовные школы. Так была возобновлена в Сергиевом Посаде (Загорске) Московская Духовная Семинария. Самые первы годы она не могла

занять свое старое помещение — царские палаты в Троице-Сергиевой лавре, там расположился областной педагогический институт, и семинаристов разместили в одном из братских корпусов монастыря.

Однако власти довольно быстро почувствовали некоторое неудобство такого соседства. В педагогическом институте, естественно, обучались сплошь девушки, которые стали знакомиться с молодыми людьми из семинарии, и тут же стали заключаться браки. Муж священник, а жена учительница, такое сочетание было естественным для старых приходских школ, но отнюдь не для советского "народного образования". А посему решено было перевести педагогический институт подальше от Троице-Сергиевой лавры, но сделано это было довольно циничным образом. Церковь заставили полностью оплатить строительство институтского здания, которое возвели в городке Орехово-Зуеве, и вот тогда-то духовным школам вернули их старый дом.

Вообще же брак для семинариста — проблема существеннейшая, ибо тот, кто не выражает желания принять обет безбрачия, не может получить священный сан до женитьбы. По этой причине заключались (да и заключаются до сих пор) союзы поспешные, девушки часто не представляют себе той среды, в которую должны войти благодаря "профессии" будущего мужа.

Семинаристы послевоенных лет, теперь уже маститые священнослужители, до сих пор вспоминают одного из тогдашних преподавателей, который предостерегал их от браков поспешных и с девушками нерелигиозными, постоянно повторяя призыв:

— Не берите себе в жены дочерей хананейских!

(Бытие, гл. 24, ст. 3.)

Как мне рассказали, это был известный до революции миссионер отец Димитрий Боголюбов. Иногда призывы его звучали более пространно, он говорил:

— Не берите себе в жены дочерей хананейских, а берите из дома Лавана. У дочерей хананейских ногти красные длинные, ей надо шляпку с пером. А зачем шляпка с пером? В Москву ездить, картинки смотреть...

Про отца Димитрия было известно, что в юности, будучи еще студентом духовной академии, он как-то стоял в храме на литургии, которую совершал Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Вдруг к нему подошел прислужник и говорит:

— Батюшка благословляет вас причаститься...

Тот отвечает:

— Как же так? Ведь я к причащению не готовился...

— Это ничего. Батюшка видит вашу веру.

И вот он причастился. После этого его поздравляют и говорят:

— Вот счастливый. Батюшка сам тебя причастил, теперь и в воде не утонешь и в огне не сгоришь...

И действительно, отец Димитрий Боголюбов отличался редкостным бесстрашием. Достаточно сказать, что в то послевоенное жуткое время он не боялся демонстрировать свое брезгливое и пренебрежительное отношение к бюсту Сталина, который находился в стенах семинарии.

Советская писательница Ольга Зив, которая в двадцатых годах была активной комсомолкой и надолго сохранила связь с этой организацией, рассказывала о таком трагикомическом эпизоде. Году в сорок девятом в Загорский районный комитет комсомола явилась девушка и обратилась с просьбой принять на хранение свой членский билет.

— Я живу в общежитии, — объяснила она, — там у нас в комнате двадцать коек... А у меня только фанерный чемодан без замка, туда я комсомольский билет не могу положить...

— А где же ты его раньше хранила? — спросили ее.

— Раньше я носила его на груди, за бюстгальтером... А теперь я встречаюсь с одним семинаристом и боюсь, как бы билет не попал во вражеские руки...

Целую эпоху в жизни Русской Православной Церкви составил долголетний управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Николай;Колчицкий. Он обладал острым умом, выдающимися административными способностями, да к тому же был одним из лучших проповедников своего времени.

В пятидесятых же годах о. Николай решил защитить в Московской Духовной Академии докторскую диссертацию. Разумеется, все шло очень гладко, на защите оппоненты дружно хвалили его богословский труд. Затем состоялось голосование, и результат его был самый неожиданный — все шары кроме одного оказались черными.Но мало того, на другой же день в Чистый переулок, в здание Патриархии, к отцу Николаю пришел один из членов ученого совета Академии и стал уверять, что единственный белый шар опустил именно он. Через некоторое время явился другой участник голосования и стал говорить о себе то же самое... Когда с этим явился третий, протопресвитер затопал ногами и закричал:

— Вон отсюда!..

В пятидесятых годах в Москве появилось подворье Патриарха Антиохийского. Первым представителем восточной Церкви стал архимандрит Василий (Самаха), ныне митрополит, если не ошибаюсь, гор Арабских. Как-то пришлось ему принимать в своем храме Патриарха Алексия. После богослужения состоялся парадный обед. Отец Василий в то время еще не знал русского в совершенстве, но тем не менее произносил льстивые тосты в честь высоких гостей. Первый, естественно был за Святейшего, а второй бокал был поднят за присутствовавшего там отца Николая Колчицкого. Архимандрит Василий пространно говорит о высоких достоинствах протопресвитера, а речь свою завершил такими словами:

— Отец Николай... это такой человек... это такой священник... Это — ф р ю к т на древе Православия!..

Один из сыновей о. Н.Колчицкого — Галик — актер Художественного театра. В свое время я слышал такой о нем рассказ. Во МХАТе шла очередная антирелигиозная кампания. Г.Колчицкого вызвали в партком театра и заговорили об отце. Он отвечал в том роде, что отец, дескать, сам по себе, а я сам по себе.

— Хорошо, — сказали ему, — только что мы праздновали Новый год. Вы где его встречали?

— Дома, с женой.

— Так. А ваш отец?

— А он с Патриархом в Кремле.

Тут мне приходит на память еще одна история, произошедшая во МХАТе. Во время антирелигиозной кампании (быть может, той самой, о которой была речь выше) тщательно осматривали все помещение, чтобы удалить иконы. (Актеры, надо сказать, народ весьма склонный к мистике, впрочем, они скорее суеверны, нежели религиозны.) И вот по театру разнеслось, что одна из старейших актрис Л.Коренева категорически отказывается убрать из своей гримерной икону Святителя Николая. Об этом сообщили актеру Борису Ливанову, и он сказал:

— Они напрасно хлопочут, старуха ни за что ее не уберет.

— Но почему же?

— А у нее икона с автографом самого святого.

(Тут следует добавить, что Святитель Николай, чудотворец Мир Ликийских, жил в III веке.)

Конкордат, который заключил Сталин с Митрополитом Сергием и его Синодом, означал кроме всего прочего и конец обновленческого раскола. В определенном смысле это была

победа сергианской стратегии, ибо без прямой поддержки властей обновленцы существовать не могли. И началось массовое возвращение раскольников в лоно Церкви...

Попытку примирения с Церковью сделал даже сам "первоиерарх" Введенский. Кажется, он написал Патриарху Сергию письмо, в котором спрашивал, на что он может рассчитывать в случае возвращения в Православие. Святейший не без юмора ответил ему так: "После всего, что было, в лучшем случае на звание мирянина".

Впрочем, об этом я знаю понаслышке. А вот о другой подобной попытке Введенского есть свидетельство самого Патриарха Сергия. В одном из своих писем (от 20 апреля 1944 г.) епископу Александру (Толстопятову) он пишет:

"А.И.Введенский, по-видимому, собирался совершить нечто грандиозное, или, по крайней мере, громкое. Прислал мне приветственную телеграмму: "Друг друга обымем!" Меня называет представителем русского большинства в нашем Православии, а себя представителем меньшинства. А закончил какой-то арлекинадой, подписался первоиерархом, доктором богословия и доктором философии.

Я ответил: "Введенскому А.И. Воистину Христос Воскрес! Патриарх Сергий". Дело, мол, серьезное, и дурачиться при этом совсем не к месту". (См. "Патриарх Сергий и его духовное наследство". М., 1947.)

И еще цитата из воспоминаний А.Б.Свенцицкого:

"В 1944 году почти все обновленцы во главе с "митрополитом" Виталием принесли покаяние и воссоединились с Православной Церковью. Осталась в Москве лишь одна "твердыня" обновленчества — Пименовский храм, где продолжал служить А.И.Введенский, изображая из себя "митрополита" и "первоиерарха" "православных церквей". (Правда, в его ведении оставался еще один приход в Ульяновске, и это — все.) Служили в Пименовском храме "отец" Никита (бывший нищий с паперти), сыновья Введенского "протодиакон" Александр и "священник" Андрей, а кроме того еще несколько обновленцев, в их числе небезызвестный А.Левитин (Краснов).

В 1946 году на 57-м году жизни умирает от инсульта А.Введенский. Я был на его похоронах. Храм был переполнен, но странные это были похороны. Несколько пожилых женщин говорили о Введенском крайне резко:

— Да какой он митрополит? Смори, три жены у гроба — все

тут...

Почти никто из присутствующих не осенял себя крестным знамением, люди пришли в основном из любопытства.

И вдруг распорядители попросили народ расступиться, в храме появилась и медленно шла к гробу А.М.Коллонтай. Черное платье, орден Ленина на груди, в руках букет красных и белых роз. Стала она у гроба рядом с женами Введенского.

Возглавил "литургию" и отпевание "митрополит" Филарет, именовавшийся "Крутицким", ему сослужили "епископ" Алексий "Дмитровский", двенадцать обновленческих "священников", четыре "диакона". Любопытно, что во всех ектеньях поминалось имя Патриарха Алексия, а затем "митрополита Крутицкого" Филарета.

(Я тогда же, помнится, рассказал об этом митрополиту Николаю (Ярушевичу). Он очень смеялся и говорил:

—Вот уж я никогда не думал, что есть другой Крутицкий Митрополит...)

Филарет этот был весьма благообразной внешности и на похоронах произнес прочувствованное слово. Он назвал почившего — "наш вождь", а тогда это была очень высокая похвала.

Странные похороны... Кончилось отпевание, гроб обнесли вокруг храма, и из народа прощаться с покойником почти никто не идет. Кто-то из "священников" говорит:

— Подходите, подходите... Прощайтесь с Владыкой...

А подходят из толпы единицы. Утирает глаза Коллонтай, плачет "отец" Никита, почти рыдает Левитин, и — все...

Через несколько дней храм Пимена Великого был передан Православной Церкви".

Тут я решаюсь прибавить нечто вроде эпилога.

В шестидесятых годах мне довелось познакомиться с дочерью Введенского и ее мужем. Этот человек рассказывал мне, что когда они поженились, "первоиерарха" уже не было в живых, а жили они в небольшой отдельной комнатке добротного каменного дома в Сокольниках, который принадлежал покойному тестю. Тут же жила и последняя жена Введенского с двумя маленькими детьми. Поскольку дама она была вовсе не старая и весьма состоятельная, то у нее уже был некий "митрополичий" местоблюститель — саксофонист из ресторанного джаза Леня Мунихес. С работы он возвращался под самое утро и спал довольно долго. Пробудившись, он, огромный, жирный, в одних трусах выходил на кухню с саксофоном и тут же извлекал из своего инструмента звуки, напоминающие гомерический хохот. С этого в бывших

"митрополичьих покоях" начинался всякий день...

Я, помнится, не удержался и заметил рассказчику: насколько же разумнее иметь неженатый епископат, ибо в доме православного архиерея никакой Леня Мунихес на подобных ролях появиться не может...

И уже в качестве самого последнего дополнения приведу рассказ моего крестного отца профессора А.Г.Габричевского. Одна дама показывала ему любовное письмо "первоиерарха", которое оканчивалось буквально следующими словами:

"Целую ручки

Ваш Митрополит Александр Введенский".

Ну, а теперь вернемся к теме "меня боишься". Один старый москвич рассказал мне о трагикомическом происшествии, которое было в знаменитом храме Илии Обыденного 14 мая 1946 года — на день иконы Божией Матери "Нечаянная радость". Там служил Патриарх Алексий, а с ним протодиакон Николай Парфенов. В самом конце провозглашаемы были уставные многолетия. Помянувши Патриарха, отец протодиакон, отличавшийся сильным голосом, продолжал:

— Богохранимей стране нашей, властем и воинству ея, первоверховному вождю...

Но не успел он произнести имя "первоверховного вождя", как стоящая у амвона женщина завопила на весь храм:

— Не сметь поминать христопродавца! Не сметь!

И она принялась плевать протодиакону в лицо.

Тот опешил, умолк... А она продолжала вопить и плеваться:

— Не сметь!.. Не сметь!.. Не сметь!..

Опомнившись, протодиакон буквально заорал:

— Многая лета-а-а!..

Это подхватил и хор, но они так и не смогли заглушить пронзительный женский крик:

— Не сметь молиться за христопродавца!.. Не сметь!..

Показательна была реакция присутствующих.

Настоятель храма сделался белым, как полотно, а молящиеся стали пятиться от солеи и разбегаться. В дверях началась давка, но по счастию был открыт и боковой выход, так что увечий не было.

Окончилась эта история по тем временам вполне благополучно: женщину объявили сумасшедшей, и даже отец настоятель остался на своей должности.

21 декабря 1949 года "величайшему полководцу всех времен

и народов", "корифею всех наук", "луч шему другу чекистов, связистов, детей" и прочая, и прочая, и прочая, И.В.Сталину исполнилось 70 лет. Как и "все прогрессивное человечество", епископат Русской Православной Церкви был вынужден принять участие в этом абсурдном торжестве. В двенадцатом номере журнала Московской Патриархии за сорок девятый год опубликовано льстивое письмо, котоое подписали все тогдашние архиереи. Это поздравление убийце и тирану, пожалуй, самый позорный документ за всю тысячелетнюю историю русского Православия. Для наглядности процитируем самое его начало и конец.

"Глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович!

В день Вашего семидесятилетия, когда всенародное чувство любви и благодарности к Вам — Вождю, Учителю и Другу трудящихся — достигло особой силы и подъема, мы, церковные люди, ощущаем нравственную потребность присоединить свой голос к мощному хору поздравлений и выразить Вам те мысли и пожелания, которые составляют особенно драгоценную часть нашего духовного достояния.

Как граждане Великой Советской страны и верные чада своего народа, мы прежде всего чтим подвиг Вашей многоплодной жизни, без остатка отданной борьбе за свободу и счастье людей, и усматриваем в этом подвиге исключительную силу и самоотверженность Вашего духа. Нам особенно дорого то, что в деяниях Ваших, направленных к осуществлению общего блага и справедливости, весь мир видит торжество нравственных начал в противовес злобе, жестокости и угнетению, господствующим в отживающей системе общественных отношений.

.....

И теперь, ощущая на каждом шагу своей церковной и гражданской жизни благие результаты Вашего мудрого государственного руководства, мы не можем таить своих чувств и от лица Русской Православной Церкви приносим Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, в день Вашего семидесятилетия глубокую признательность и, горячо приветствуя Вас с этим знаменательным для всех нас, любящих Вас, днем, молимся об укреплении Ваших сил и шлем Вам молитвенное пожелание многих лет жизни на радость и счастье нашей великой Родины, благословляя Ваш подвиг служения ей и сами вдохновляясь этим подвигом Вашим".

По счастию, "молитвы" и "молитвенное пожелание многих лет жизни" Богом услышаны не были, и спустя три с лишним года —

в марте 1953 -го — тиран испустил дух.

Московская Патриархия распорядилась об отправлении по нем панихид во всех церквях. Кое-где людям даже свечи раздавали бесплатно.

Уже в шестидесятых годах у меня произошел об этом примечательный разговор с одним весьма благочестивым человеком, который был гораздо меня старше. Я ему сказал:

— Не знаю... Господь многомилостив, но я не представляю себе, чтобы такому чудовищному грешнику, каким был Сталин, эти предписанные панихиды хоть как-то облегчили посмертную участь. Чтобы они ему хоть сколько-нибудь помогли...

— Что вы! Что вы! — воскликнул он. — Помогли! Еще как помогли!

— То есть это в каком же смысле? — изумился я.

— А как же? Как же? Ведь его, в конце концов, все-таки в земле похоронили... По-человечески... Не то что Ленина, который до сих пор так и лежит земле не преданный...

Свежо предание...

...для нас, духовных, нет защитников.

Н.Лесков. Соборяне

Историкам Церкви принадлежит занятное наблюдение. Еще в античные времена, на заре Христианства, наиболее жестокие и безнравственные кесари, такие как Коммод, были довольно терпимы к Церкви. И наоборот, наиболее блистательные и прославленные современниками, как, например, Траян или Марк Аврелий, были беспощадными гонителями христиан.

Психологически это легко объяснимо. Властолбцу и эгоисту совершенно все равно, какому Богу или какому идолу поклоняется чернь, если она исправно платит подати. Тот же, кто мнит себя благодетелем подданных, а то и всего человечества, требует поклонения самому себе и, не находя его в христианах, пытается всеми средствами отвратить их от веры в "Галилеянина".

В середине двадцатого века мы получили новое доказательство справедливости этого суждения. Чудовищный тиран, убийца миллионов Сталин после войны к Церкви в какой-то мере даже благоволил, а его либеральный преемник Хрущев стал одним из самых злостных гонителей, при нем были закрыты почти все монастыри и несколько тысяч храмов. Хрущев был убежден, что через двадцать лет будет построено "царство небесное" на земле — "торжественно провозглашенный" его партией коммунизм, а христианам там места не предусматривалось. И началось удушение Церкви, которое так или иначе продолжалось и в эпоху Брежнева.

Когда хрущевское гонение стало разворачиваться во всю силу, московские клирики придумали себе некую игру, в которой находили своеобразное утешение. Если в поминальной записке встречалось имя "новопреставленный Никита" (т.е. недавно умерший), тот из священнослужителей, который читал эту записку, возвышал голос и громко, раздельно, на весь храм произносил:

— Но-во-пре-став-лен-но-го Ни-ки-ты!..

На это другой клирик столь же громко откликался:

— Что? Уже?

В эпоху новейшей гласности мне довелось увидеть по телевидению некоторую часть дискуссии о положении Церкви. Некий батюшка весьма кратко и точно определил самую суть наших недавних проблем, он сказал буквально следующее:

— Церковь могла бы существовать и при дискриминационном законодательстве 1929 года. Но беда в том, что это законодательство со стороны властей никогда и нигде не соблюдалось...

Мало того, акты, призванные регулировать отношения Церкви и государства, тщательнейшим образом скрывались от духовенства и верующих. Сборник этих актов и инструкций был издан для служебного пользования — для уполномоченных совета по делам религий и для работников местных советов. (По рукам, однако, ходили копии этого сборника, обладателем одной из них был и автор этих строк.)

Вот история, которая иллюстрирует наше недавнее положение. В маленьком городке на Украине строили по соседству с храмом школу. Когда строительство подходило к концу, отца настоятеля вызвали в райисполком и предложили ему выполнить ряд распоряжений: во-первых, построить высокий забор, чтобы дети не видели храма, во-вторых, запретили крестные ходы и колокольный звон... Батюшка отвечал, что он должен обдумать эти требования и что зайдет в райсовет еще раз. После этого он немедленно раздобыл копию секретной книги с законами, внимательно изучил ее и только тогда снова явился в исполком.

— Ну, как? — спросили его. — Подумали?

— Подумал, — отвечал священник, — забора строить не буду. Крестные ходы и звон тоже отменять не буду.

— Как? Почему это?

— На основании пунктов таких-то и таких-то, инструкции такой-то и такой-то.

Тут последовало замешательство.

— Откуда ты все это знаешь? Где это ты прочел?

— А вот тут, — священник указал на ящик письменного стола, — у вас такая книжка лежит... Там я все это и прочел...

В масштабах каждой епархии гигантской фигурой был уполномоченный совета по делам религий. От его характера и настроений часто зависела чуть ли не вся епархиальная жизнь. При сравнительно слабом архиерее уполномоченный мог едва ли не полностью управлять делами епархии.

Мой первый благочинный, настоятель Вознесенского храма в городке Данилове о. В.С. любил повторять такую незамысловатую шутку:

— Упал намоченный...

(Надо сказать, что на моих глазах в Ярославской епархии примерно это и случилось. Очередной уполномоченный был пойман на взятке, лишился должности и был исключен из партии.)

Рассказывали, что покойный Митрополит Иосиф (Чернов), Алмаатинский и Казахстанский, на вопрос, каков у него уполномоченный, отвечал обыкновенно так:

— Уполномоченный у меня хороший... очень хороший... старый чекист...

Как ни странно, в этом отзыве наряду с иронией (а Владыка Иосиф едва ли не двадцать лет провел в заключении) есть и доля истины. Мой покойный благодетель, Архиепископ Киприан (Зернов), несколько лет занимавший должность управляющего делами Московской Патриархии, много раз мне говорил, что в совете по делам религий удобно было иметь дело с теми, кто пришли туда "из органов", а не с теми, кто ранее был партийным функционером или еще того пуще работником "идеологического фронта". "Партийцы" испытывали к христианству "идейную непримиримость", а "чекисты" смотрели на вещи более реалистично, да и осведомлены были о жизни Церкви гораздо основательнее.

В справедливости суждения Владыки Киприана мне пришлось убедиться на собственном опыте. В 1980 году, когда я в Ярославле принял священный сан, тамошним уполномоченным был покойный А.Ф.З. — отставной майон КГБ. Поначалу он ко мне отнесся настороженно, однако, убедившись в том, что я веду себя разумно, стал вполне доброжелательным, помогал советом и даже вступал в доверительные разговоры.

Архиепископ Киприан, который благословил меня на принятие сана и много этому содействовал, однажды мне сказал:

— Вообще-то за уполномоченных Богу не молятся. Но ты за своего должен молиться — если бы не он, не быть бы тебе в попах.

Как-то я был на приеме у А.Ф.З. Секретарша его при этом отсутствовала, а была она пренеприятная особа... И я в разговоре дословно передал уполномоченному реплику своего Владыки.

Он улыбнулся и сказал:

— Между прочим, это — точно.

— Так что же мне — молиться?

На этот вопрос прямого ответа не последовало.

"Компетентные органы" опекали нас в те годы иногда даже до трогательности. Врачи "Скорой помощи" из Костромы рассказали своим ярославским коллегам такую историю. Как-то случился сердечный приступ у старой монахини, которая имела жительство в здании епархиального управления. Ей вызвали "скорую помощь". Вызов был принят, но сейчас же у дежурного раздался звонок из местного КГБ. Оттуда распорядились:

— Высылайте лучшую бригаду, едете в архиерейский дом.

И еще несколько слов о совете по делам религий. В свое время Е. наблюдал интересную закономерность. Первым председателем этого совета был человек по фамилии Карпов. В его время в магазинах еще было достаточно продовольствия, встречалась и рыба, в частности карпы. Затем карпы из продажи исчезли, но оставались в продаже куры. Тогда Карпова сняли и назначили на это место Куроедова... По прошествии времени куры также исчезли из магазинов. Тогда сняли и Куроедова. И поскольку еще кое-какая еда в продаже оставалась, назначили Харчева. И вот уже недавно снимают Харчева — в магазинах совсем беда... Е. терялся в догадках: кто будет следу ющий председатель? Нитратов? А, может, Нитритов?.. Однако действительность зачастую превосходит всякий вымысел: новым председателем совета по делам религий стал — Христораднов.

До самого недавнего времени напастью на всю Церковь и на каждый приход было принудительное отчисление денег в так называемый Фонд мира. (Е. называл его — "фонд кумира".)

(По словам патриарха Алексия II, в некоторых епархиях в этот фонд уходило до 80 процентов дохода церквей.)

Делалось это весьма цинично. Старосте заявляли в райисполкоме:

— Если не переведете в Фонд мира такую-то сумму, мы вам никаких ремонтов не разрешим.

В этом же духе действовали и уполномоченные, того же они требовали от покорных им архиереев.

Мне рассказывали о таком случае на Украине. Уполномоченный заставлял старосту сельского прихода, упрямую старуху, отдать деньги в Фонд мира. Она ему возражала, дескать, храм бедный, крыша течет, забор валится — деньги нужны на ремонт. Уполномоченный говорил о важности и необходимости "борьбы за мир".

— Ты что же хочешь, чтобы у нас война началась? Чтобы здесь опять Махно был?

— А ты того Махна бачил? — вдруг сказала старуха. — А я его як тоби бачила... И не поминай мне Махна...

На этом разговор окончился сам собою.

Вот рассказ Вязниковского благочинного (Владимирская епархия) отца Лонгина Т. Как-то он посетил один из сельских храмов. Беседуя со священником и со старостой, он указал им, что крест на куполе по косился. Старостиха на это отвечала, что поправить крест очень трудно. Благочинный сказал ей.

— Неужели вы не можете найти сто рублей, нанять мужика, который влезет наверх и все сделает?

Разговор на этом окончился. Но через несколько дней о. Лонгина вызвали во Владимир к уполномоченному. Тот показал благочинному письменную жалобу этой самой старосты, где говорилось, что он вмешивался в хозяйственную деятельность прихода.

Отец Лонгин сказал уполномоченному:

— Согласитесь, однако же, что вопрос о покосившемся кресте не только хозяйственный, но и канонический.

— Да, — согласился чиновник, — пожалуй, что и канонический...

По прямому распоряжению властей печально известный архиерейский собор 1961 года запретил священнослужителям возглавлять приходы и перевел их на положение "наемников". Вот тогда-то на первый план выдвинулась фигура старосты — "председателя исполнительного органа". Особенно явно это положение проявлялось в больших городских приходах. В Москве, например, весьма многие из старост вполне уподоблялись Иуде — воры и осведомители. (Я, помнится, знавал одного такого, на приходе его так и называли "Иуда". Был он пьяницей, а также

отличался тем, что своих сотрудников "шутливо" благословлял кукишем.)

Власти иногда совершенно игнорировали принцип выборности — староста назначался в райисполкоме, а членов т.н. "двадцатки", которые по уставу должны его выбирать, лишь уведомляли о том, что у них теперь новый "председатель". Зачастую это были люди вовсе и не церковные.

Мне вспоминается рассказ о таком старосте. Этот человек старался вообще не иметь никакого обще ния со священнослужителями своего храма, он лишь выдавал им зарплату. Однако же с тамошним диаконом у него образовались более близкие отношения. И вот староста решился задать ему вопрос.

— Вот, я вижу, по праздникам вы что-то такое кладете посреди храма, а потом это все верующие целуют... Что же это там такое лежит?

Диакон совершенно серьезно ответил ему:

— Это — наш финансовый отчет.

Староста очень удивился, но поверил...

(По праздникам верующие целуют Евангелие или икону.)

В городе Тутаеве Ярославской епархии в Воскресенском соборе власти устроили в восьмидесятых годах целую чехарду старост, преимущественно мужчин. Один из них, помнится, занял этот пост в то самое время, когда пребывал "на химии", т.е. лишь условно был выпущен из тюрьмы... А другой был заядлый охотник. Когда он узнал, что в Алтарь храма каким-то образом залетели голуби, он явился туда с ружьем и стрелял в птиц...

Покойный московский протоиерей отец Виктор Жуков так отзывался о тогдашних всевластных старостах:

— На нас — гордым оком, а на ящик (с деньгами) — несытым сердцем.

(Здесь цитируется стих из сотого псалма: "Гордым оком и несытым сердцем, с сим не ядях".)

Среди хрущевских мер удушения Церкви не последнее место занимало введение грабительских налогов — до пятидесяти и более процентов — с дохода священнослужителей. Известный своею прямотой "наш Никита Сергеевич" сформулировал свою новую политику по отношению к религии с предельной откровенностью, он заявил:

— Попов надо брать не за глотку, а за брюхо.

Введение новых налогов сопровождалось скандальными, а то

и курьезными случаями. Некоему сельскому батюшке предложили уплатить весьма значительную сумму. Шли недели, месяцы, а он ничего не вносил и в финотдел не являлся, несмотря на многочисленные вызовы. Наконец, он прибыл туда с большим мешком и с порога осведомился, где сидит заведующий. Зайдя к начальнику в кабинет, батюшка, не говоря ни слова, высыпал на письменный стол содержимое своего мешка — яйца, мясо, картошку, лук и прочую снедь.

— Это что же такое? — сказал изумленный заведующий.

— Как что? Налог.

— Позвольте... Но налог уплачивают деньгами...

— А мне в церковь денег не носят, — сказал батюшка. — Весь мой доход — продукты... Так что получайте...

Помнится, налог с этого чудака сняли.

В середине шестидесятых годов протоиерей Борис Старк встретился в здании ярославского епархиального управления с фининспектором.

— Борис Георгиевич, — сказал тот, — как же вы должны нас ненавидеть... Ведь столько денег проходит через ваши руки и почти все в наш карман.

Отец Борис отвечал ему так:

— Позвольте, я расскажу вам небольшую притчу. Некий старец жил в пещере на Святой Афонской горе. Однажды к нему пришел ученик и сказал: "Авва, у тебя тут пыль, грязь, паутина... Да к тому же пауки и клопы. Благослови, я возьму веник и все это вымету". Старец отвечал ему так: "Оставь их, чадо. Эти насекомые необходимы для меня, они отсасывают дурную кровь..." Вот так и вы со своими налогами. Если бы этого не было, в Церковь устремились бы корыстные люди, а так все знают о налогах и притеснениях, и к нам идут только те, кто действительно хочет послужить Богу и Церкви.

И тут мне вспоминаются замечательные слова покойного епископа Николая (Чуфаровского), который говорил:

— Нам не страшна антирелигиозная пропаганда и даже преследования. Это — горячий утюг, который выжигает вшей из ризы Христовой.

В хрущевско-брежневский период весьма усилился процесс политизации Церкви, а вернее сказать, нашей иерархии... Вообще же, со времен декларации Митрополита Сергия положение Церкви в большой мере стало напоминать состояние птички из известного стихотворения старинного российского поэта

Г.Р.Державина:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: "Пой, птичка, пой!"

Петь, вернее, пищать полагалось главным образом на зарубежную аудиторию — на международных конференциях, конгрессах, во Всемирном совете церквей... (Е. в те годы изобрел специальный термин — "конгресс м и р о д е р ж ц е л ю б и в ы х сил.)

Репертуар был довольно однообразный — восхвалялись отечественные порядки и осуждался "империализм". В шестидесятых годах и вплоть до смерти президента Гамаля Насера иерархи наши с особым усердием сочувствовали арабам и осуждали Израиль.

Е. говорил:

— Если это будет продолжаться, скоро начнутся исправления в богослужебных книгах. Вместо "Воду прошед яко сушу и египетского зла избежав, израильтянин вопияше..." мы будем петь: "израильского зла избежав, египтянин вопияше"...

Затем наступило время сострадать вьетнамцам.

Даже в патриарших посланиях на День Святой Пасхи по крайней мере два абзаца были посвящены осуждению "американских агрессоров". (Е. называл такие послания "Аще кто вьетнамолюбив..." Это была косвенная ссылка на знаменитейшее пасхальное слово Святителя Иоанна Златоустого, оно начинается словами — "Аще кто боголюбив"...)

Затем мы громогласно сочувствовали чилийцам (жертвам генерала Пиночета), католическому меньшинству в Северной Ирландии, чернокожим в ЮАР и т.д. и т.п.

В конце концов, Е. предложил произвести переименования: Патриарха впредь официально называть "Архипатриот", а Синод — "Митрополитотдел".

В начале 1978 года весьма позабавила нас одна публикация Журнала Московской Патриархии (№ 1). Там описывается визит патриарха Пимена в Стамбул и его встреча с Константинопольским Патриархом Димитрием 14 октября 1977 г.

Наш Первосвятитель, в частности, сказал:

— Русская Православная Церковь осуществляет свое служение в благоприятных условиях справедливого общества,

построенного советским народом за истекшие шестьдесят лет. Знаменательно, что в этом юбилейном для нашего отечества году была принята новая конституция СССР, в которой с еще большей силой и наглядностью подтверждаются великие де мократические принципы, гарантирующие свободу совести наших граждан.

Патриарх Димитрий ответствовал в таком роде:

— С особым удовольствием мы узнали из Ваших слов, что новая Конституция Вашей великой страны предоставляет большую свободу совести и религии, что позволит Святейшей Русской Православной Церкви совершать больше благодеяний, конструктивных и миротворческих дел внутри и вне России. И мы со своей стороны хотим сообщить Вашему Блаженству, что конституция нашей страны предусматривает свободу совести и религии. И мы, как Вселенская Патриархия, пребываем под покровительством конституции и демократических законов Турецкой державы.

Вспоминается мне курьезный, а лучше сказать прямо — скандальный случай, связанный с работой иностранного отдела Патриархии. В Москву прибыла группа архиереев Кипрской Православной Церкви. И вот кто-то решил отправить их на балетный спектакль в Большой театр. (Это, как известно, нравится решительно всем иностранцам, посещающим Москву.) Однако, отправляя епископов в театр, никто не удосужился даже заглянуть в афишу, полюбопытствовать, какой именно спектакль идет в Большом в тот вечер. А шел, надо сказать, балет по сказке Пушкина "О попе и его работнике Балде". Кончилось это неприятностью, ибо, увидев на сцене пляшущего "попа" с крестом на шее и множество "чертей", кипрские архиереи сочли это преднамеренной провокацией и демонстративно покинули театр.

В пасхальную ночь в некоторых московских храмах бывает множество специально приглашенных лиц. Особенно много в патриаршем соборе — дипкорпус, иностранцы, любопытствующие советские начальники, разного рода знаменитости. Е. в свое время предложил на пасхальной литургии по этому случаю изменять чинопоследование и вместо того, чтобы возглашать "Оглашенные изыдите" (т.е. желающие принять крещение), говорить так:

— Приглашенные, изыдите, приглашенные изыдите! Да никто от приглашенных, елицы вернии паки и паки Господу помолимся!

В семидесятых годах по желанию властей повсеместно была введена нижеследующая неприятная церемония. В больших

городах правящие архиереи в сопровождении клириков (а в Москве сам Патриарх с членами Синода) на День победы, 9 мая, приходят к Вечному огню и возлагают там венки. Постоявши некоторое время в молчании, клирики удаляются. (Молиться или служить панихиды раньше было категорически запрещено.)

Е. по этому случаю сделал дополнение к известной песне:

День победы —
Это праздник с сединою на висках,
День победы —
Это праздненство с попами в клобуках...

Помнится, как-то в Ярославле 9 мая к тамошнему Вечному огню пришла депутация духовенства во главе с Митрополитом Иоанном. Постояли. Помолчали. Полюбовались языками пламени.

— Нет, — вполголоса проговорил отец И.М., — это еще не вечный огонь...

Реплика имела успех. Е. тогда же сочинил заметку для церковной печати:

"9 мая Святейший Патриарх в сопровождении постоянных членов Священного Синода посетил могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Иерархи в скорбном молчании созерцали Вечный огонь, уготованный сатане и аггелом его".

Несколько лет тому назад новоназначенный настоятель одного из храмов Москвы рассказал мне о том, как его впервые пригласили на прием, который устроила Патриархия. Ему позвонил референт Святейшего и сказал, что он должен прибыть в ресторан при гостинице "Россия". Наивный батюшка сказал:

— Вы знаете, я сейчас на очень строгой диете. Можно мне не приходить?

Референт ответил так:

— Не прийти вы, конечно, можете... Но тогда ваши дети и внуки тоже окажутся на очень строгой диете...

В редакции одного советского журнала возникло недоумение. Им надо было написать письмо епископу, и они не знали, как к нему обратиться. "Ваше Преосвященство" — казалось им неуместным, поскольку люди они были неверующие... Тогда спросили совета у Е. Тот сказал:

— Пишите просто: "Глубокоувожаемый епископ..." Или даже так: "Клобукоуважаемый епископ..."

В восемьдесят пятом году весьма пышно отмечали

сорокалетие победы над нацистской Германией. По этому случаю состоялось собрание духовенства Московской епархии, после чего был обед в ресторане при гостинице "Украина". Батюшка, присутствовавший там, мне рассказывал, что наряду с духовенством на обеде было много гражданских лиц, которые не столько пили и ели, сколько за клириками присматривали. Один из них произнес нечто вроде спича. Он сказал:

— Сколько же людей унесла эта война... Сотни тысяч, миллионы... Давайте сейчас споем всем этим убитым — "многая лета"...

В те же восьмидесятые произошло и такое событие. В дальневосточном городе Комсомольске-на-Амуре был построен и открыт православный храм. (Как видно, местные власти решили таким образом положить предел распространению сектантства.) Е. сказал:

— Это весьма отрадный факт. Остается только мечтать, чтобы там была учреждена архиерейская кафедра и у нас бы появился епископ — Комсомольский и Амурский.

Некоторое время тому назад существовала такая практика. Если священнослужитель какого-нибудь московского храма серьезно провинится, его немедленно переводили в один из приходов области, т.е. под омофор Митрополита Крутицкого и Коломенского. Некий шутник в свое время пытался придать этому даже канонический вид и предлагал очередному собору принять такое правило:

"Аще клирик Царствующего града Москвы впадет в блуд, в чревоугодие или в иной смертный грех, да будет извержен в епархию Крутицкую и Коломенскую".

В свое время возникли, да и теперь еще продолжаются споры о том, следует ли перевести богослужение со славянского языка на русский. Один из противников перевода так сформулировал самую суть проблемы:

— А как этот перевод осуществить? "Отверзу уста моя и наполнятся духа..." Значит, придется петь так: "Открою рот и наполнится воздухом"?

Много лет тому назад в Ярославле произошла такая забавная история. Некий чудаковатый батюшка пошел в день выборов отдать свой голос. Он был в облачении и при нем был прислужник в стихаре. Прежде чем получить бюллетень, батюшка окропил урну и все вокруг святой водой.

Члены избирательной комиссии буквально зашлись от гнева:

— Вы нам тут все осквернили!

(Реплика, не оставляющая никаких сомнений в том, что выборы в те времена были отнюдь не формальностью, а носили ритуальный, идолослужебный характер.)

Священника этого немедленно вызвали к уполномоченному, и он навсегда был лишен регистрации. Когда я служил в Ярославской епархии, я его видел — места ему так и не дали, и он кормился тем, что нелегально крестил детей в частных домах.

Тому, что "атеистический марксизм" по существу является некоей "псевдорелигией", можно привести великое множество свидетельств. Ну, например, такое. В Московском университете на механико-математическом факультете преподаватель марксистской философии однажды обратился к своим студентам со следующими словами укоризны:

— Вот вы все тут комсомольцы... А вот была недавно Пасха, так каждый из вас наверняка и крашеные яйца ел, и кулича попробовал...

С точки зрения этого "марксиста", потребляя то, что освящено в Церкви, комсомолец "оскверняется".

А вы обращали когда-нибудь внимание на самую конструкцию слова "комсомолец"? Мы все к нему настолько привыкли, что не задумываемся об этом... Но мне известен случай, как маленькая девочка из христианской семьи спросила свою маму:

— А комсомольцы — кому они молятся?

В Данилове мне в свое время рассказали о таком случае. В ближайшем к городу совхозе была доярка, местная "рекордсменка", награжденная орденом и не сколькими медалями. Но при этом женщина она была истово верующая и регулярно посещала храм. А тут, как на грех, у них в совхозе появился новый секретарь партийной организации, у которого усердие было не по разуму. И вот он взялся за перевоспитание этой доярки. Однако же никакие доводы его не помогали — женщина стояла на своем, от веры не отрекалась. И наконец "парткомыч" прибег к такому решительному аргументу:

— Вот подумай: советская власть тебя наградила орденом и медалями, а ты эти награды позоришь — ходишь в церковь.

Доярка молча вышла из кабинета, через несколько минут появилась снова, швырнула все свои награды на письменный стол секретаря и так же молча удалилась...

Секретаря этого, конечно, тут же сняли, а доярку еще долго уговаривали принять награды обратно.

Директор школы в большом украинском селе узнал, что некий житель не только сам посещает храм, но и водит туда своих детей. Он пригласил верующего к себе в кабинет для доверительного разговора.

— Что же это получается? — начал директор. — Все у нас плывут по течению, а вы один — против течения?

— А по течению только мусор плывет, — отвечал христианин.

На том разговор и кончился.

Мой знакомый, протоиерей Василий Б., был призван в армию еще когда учился в семинарии, будучи в диаконском сане. В числе нескольких сотен прочих призывников его привезли в Таллин, к месту "прохождения службы". Новобранцы толпились в огромном дворе, как вдруг из репродукторов послышался начальственный голос:

— Рядовому Б. срочно явиться в штаб.

Отец Василий отыскал штаб и обнаружил там несколько офицеров, которые сидели за столом.

— Рядовой Б. по вашему приказанию прибыл.

— Вольно, — сказали ему.

— Так... Ты на каких музыкальных инструментах играешь?

— Да вот, — отвечал он, — бренчал когда-то на балалайке...

— А ты не врешь? В армии надо говорить правду.

— Я не вру... Больше я ни на чем не играл...

— Нам все про тебя известно. Вот твои документы, тут написано, что ты окончил два класса духовной семинарии.

— Но ведь это не духовная, а духовая семинария. У нас духовенство готовят.

— Так ты что же — поп?!

— Нет, я — диакон.

— Пошел вон отсюда!

Другой батюшка, когда-то служивший на Кубани, передавал мне свой разговор с местным военкомом. Майор его спросил:

— А что же тебе в военном билете писать? Какая же у тебя профессия?

— Нам обычно пишут: священнослужитель.

— Так. А ты семинарию кончил?

— Нет, меня так посвятили в священный сан.

— Ну, раз ты семинарию не кончил, я тебе не напишу "священнослужитель". Я тебе напишу просто: служащий.

Мне известны и более курьезные свидетельства совершенной отчужденности советского общества от Церкви. Некий батюшка служил в Московской епархии, где-то недалеко от города Клина. Ему предстояло очередное награждение, его должны были возве сти в протоиерейский сан. Незадолго до Пасхи ему принесли телеграмму из епархиального управления. На бланке, который священнику вручил почтальон, было напечатано буквально следующее:

"Вам надлежит прибыть для возведения в сан п р о т и в е в р е я".

У наших бюрократов, да и вообще у всех "советских людей" было о нас, клириках, вполне устойчивое мнение: это или жулик, или ненормальный. В этой связи мне вспоминается разговор между московским уполномоченным Плехановым и отцом А.Б., который до семинарии был генетиком, кандидатом биологических наук. Выдавая ему справку о регистрации, Плеханов глядел на него с изумлением и сказал:

— Как же так? Вы — кандидат наук, генетик, и вдруг становитесь служителем Церкви?

На это отец А. отвечал:

— А вы разве никогда не слышали, что основатель генетики был священником и даже настоятелем монастыря?

(Он имел в виду Г.И.Менделя.)

Отношение к священнослужителям, как к людям весьма подозрительным, я почувствовал на собственной шкуре с самых первых шагов на этом поприще. Никогда не забуду свое прибытие к месту служения — дальнее село, двадцать шесть километров проселочной дороги от районного центра — Данилова. Был 1980 год, самый конец апреля. По обочинам и в лесу еще кое-где лежал снег. Первых несколько верст мне посчастливилось проехать на попутном тракторе. Далее я месил грязь резиновыми сапогами...

Дорога проходит через большое село — Спас. Там меня заметил мужик, который чинил забор у своего дома. Он внимательно посмотрел на мою фигуру и сказал:

— А ты не в Горинское идешь, сменить отца Ивана?

Я подтвердил это.

Надо сказать, что тоску навевала не только распутица, не радовали и названия селений, через которые приходилось идти — Стонятино, Скулепово... Да и само Горинское — место, где мне предстояло служить.

После краткого моего диалога с мужиком я едва ли прошел

километра полтора — меня нагнал грузовик, в кузове над кабиной возвышалась гренадерская фигура участкового в милицейской форме. Я был решительно остановлен, поднят в тот же кузов и доставлен в Горинский сельсовет. Там долго и внимательно изучали мой паспорт и указ Митрополита Иоанна о назначении на этот приход.

А далее началась некая бюрократическая игра — уполномоченный совета по делам религий категорически отказывался выдать мне справку о регистрации, пока я не пропишусь в Горинском, а райисполком в Данилове и вторивший ему сельсовет решительно не желали меня прописывать, пока я не предъявлю справку о регистрации... Все это продолжалось недели две, и мне пришлось еще несколько раз преодолевать 26 километров жидкой грязи...

Вспоминается мне народный суд в Данилове. Лето 1981 года. Слушается дело об ограблении Троицкого храма села Горинского. Совершили это мальчишки из Рыбинска, одному из них исполнилось 18 уже в тюрьме. Я — свидетель.

Ведет заседание судья лет тридцати на вид, в рубашке с короткими рукавами. Держится он весьма уверенно, то и дело покрикивает на стороны и на свидетелей.

Я спросил одного из адвокатов:

— Откуда он такой бойкий у вас тут взялся?

— А он раньше был водителем троллейбуса в Ярославле. Потом окончил заочный юридический институт и вот стал судьей...

Наконец приходит мой черед давать показания.

Судья задает мне вопрос:

— Самый факт ограбления храма не свидетельствует ли о том, что вы халатно относитесь к своим обязанностям?

Я отвечаю:

— По действующему законодательству я вообще не имею права решать на приходе никакие хозяйственные и организационные вопросы. Мое дело — только богослужение. Но в меру сил и возможностей мы старались привести церковь в порядок: делали ремонт, провели электричество...

Судья прерывает меня:

— Ну, это в Церкви совершенно не нужно. Могли бы служить при свечах, как тысячу лет до этого служили...

— С таким же успехом, — говорю, — я могу сказать вам, что в этом зале также не нужно электричество. Могли бы заседатьпри свечах, как заседали судьи тысячи лет до нашего времени...

Этого он никак не ожидал и сразу перешел на крик:

— Вы что себе позволяете? "Святой человек"! Я вам сейчас вкачу пятнадцать суток за оскорбление суда!..

Я понял, что силы наши неравны, а потому смиренно произнес:

— Приношу суду свои извинения.

Он еще некоторое время кипятился, а потом возобновил допрос, но смотрел на меня уже не без некоторой опаски.

В перерыве ко мне подошли адвокаты и выразили свой восторг:

— Ловко вы его поддели...

Как-то осенним днем восемьдесят третьего года, когда я уже служил в селе Петрове под самым Ярославлем, зашел ко мне в дом местный почтальон. Спрашивает:

— Вы на газеты и журналы подписываться будете?

— Да, — говорю, — буду. Я подпишусь на газету "Правда".

(А надо сказать, что в те "баснословные года" именно в этом "центральном органе" при некотором умении читать между строк можно было обнаружить самую существенную информацию.)

От моего ответа почтальон опешил:

— Вы это серьезно говорите?

— Совершенно серьезно. Я подпишусь только на одно издание — на газету "Правда".

— Но послушайте, у меня на участке на "Правду" даже члены партии не подписываются...

— А вот вы им, — говорю, — так и скажите. Вы на свой центральный орган не подписались, а поп его получает...

Почтальон принял от меня деньги, выдал квитанцию и удалился совершенно потрясенный.

Старостиха Горинской церкви, после того, как мы с ней познакомились ближе и она прониклась ко мне доверием, передала отзыв обо мне секретаря Даниловского исполкома. (По общему положению церковными делами занимались в районных советах именно секретари.) Так вот даниловский секретарь, фамилия его, помнится, была Орлов, изучив мои бумаги и автобиографию, взглянул на старосту и произнес:

— Советский человек... До чего дошел...

На духу

Ну уж Бог с ней — такая она
паче ума и естества многословная.
Н.Лесков. Заметки неизвестного

Надо сразу признаться, что в практике современной исповеди “многословие” явление сравнительно редкое, по большей части из теперешних верующих каждое слово приходится вытаскивать. (Исключение составляют образованные женщины, эти уж действительно вещают “паче ума и естества”.)

Для начала старинный церковный анекдот.Батюшка исповедует. Неподалеку от него стоит несколько женщин и один мужчина.Подходит очередная исповедница.Священник спрашивает:— Как ваше имя?— Катерина.— Е-катерина, — поправляет священник.Следующая к нему приближается.— Имя? — Лизавета.— Е-лизавета, — говорит священник.Подходит мужчина.— Как ваше имя?— Е-тит.

Вот самый распространенный вариант начала исповеди.Подходит к священнику женщина, улыбается во весь рот.— Батюшка, всеми грехами грешна...— Ну, а чего же ты улыбаешься? Ведь плакать надо...(Один священник на подобное заявление о “всех грехах” отвечал так:— А вот я тебе сейчас все какие только есть епитимьи назначу!)

А вот еще вариант.Женщина подходит, молчит.— Ну, — спрашиваешь, — грехи у тебя есть?— Нет, батюшка, никаких грехов у меня нет...Тогда я говорю:— Ну, раз нет грехов, тогда не нужно исповедоваться. Это ведь только для грешных людей...— Ну как же, батюшка?— А вот так же... Все мы, люди, до одного грешные, а ты только одна — без греха...— Нет, батюшка, есть грехи...— Ага. Значит — есть. Ну, вот теперь давай о них с тобой и поговорим...

Еще одна подходит. Начинает:— Живу одна. Абортов не делала, душ не губила, не воровала...Перебиваю:— Ты мне рассказывай не о том, чего ты не делала, а о том, что ты делала...

— А что я делала?— Сплетничала, ругалась, осуждала...— Ну, не без этого...

Часто вместо грехов начинают перечислять болезни.— Вот у меня операция была... Ногу я ломала...— Подожди, — говорю, — ты мне про грехи рассказывай... Может быть, у тебя на душе есть что-нибудь особенное?..— Вот, батюшка, живот у меня внизу очень болит... Там, наверно, у меня что-нибудь особенное...

Спрашиваешь:— Ну, как? Посты соблюдаешь?— Нет, — говорит, — батюшка, у меня зубы болят...

Подходит. Улыбается и молчит.Я говорю:— Ну, что ты улыбаешься?Она:— Я — такая...

Подходит мужчина.Спрашиваю:— Вы в Бога верите?— Верю. Конечно, верю. Ну, не так, конечно верю... Некоторые верят, ну, прям взахлеб...

Иногда выясняется поразительное невежество.Некий батюшка во время исповеди почувствовал, что прихожанка о христианстве имеет самое смутное понятие. Тогда он указал ей на лежащий на аналое Крест.— Вот посмотри сюда. Кто здесь распят?— Я, — отвечает, — батюшка, без очков. Не вижу...

Приходит на вид очень бойкая.— Как зовут? — спрашиваю— Святая великомученица Евдокия.— Что?! Какая же ты — великомученица?— Я, батюшка, всегда так про себя говорю: святая великомученица Евдокия...

Еще одна, остановила меня посреди храма.— Батюшка, мне с вами надо поговорить. Только долго.— Пожалуйста, говори. Я слушаю.— Батюшка, мне все время кажется, что я — т и г р а, и сына своего я хочу растерзать...— Так, — говорю, — а зовут тебя как?— Мария.— Хорошо, я за тебя помолюсь... Но ты на всякий случай еще сходи к психиатру...

Весьма трудно исповедовать современных детей — за редчайшими исключениями. Так внушаешь им необходимость быть добрыми и терпимыми...Протоиерей Борис Старк рассказал мне, как в Париже русский батюшка исповедовал ребенка из эмигрантской семьи.— Ты ни с кем не ссорился?— Нет.— Ты никого не обидел?— Нет.— И тебя никто не обидел?— Нет.— Ну,

может быть, у тебя какая-нибудь неприятность была?— Лягушку видел...

Во многих церквях существует одна весьма сомнительная треба, так сказать, примыкающая к исповеди и даже ее заменяющая. В просторечии это именуется “Молитва от аборта”, а в требнике — “Молитва жене, егда извержет младенца” (то есть когда происходит непроизвольный выкидыш). По смыслу своему читаться эта молитва должна вовсе не в храме, а дома, у постели больной женщины. Однако же предприимчивые наши клирики читают ее не там, где положено, и не тому, кому следует. За это берется плата — обыкновенно рубль. Практика эта, распространившаяся почти повсюду, приносит огромный вред, ибо у людей сравнительно далеких от Церкви создается впечатление, что аборт отмолить легко и просто — достаточно прийти в храм, выслушать эту молитву, внести рубль — и грех прощен.(Для несведущих надо заметить, что Церковь рассматривает аборт как убийство. За это преступление на женщину должна быть наложена строгая епитимия — отлучение на 10 лет.)Е. как-то предложил переименовать самое чинопоследование и впредь называть его так:— Молитва жене, егда извержет рубль.

И завершим эту главку подлинной историей, которая произошла в церкви села Лукина под Москвою (станция Переделкино). К тамошнему иеромонаху на исповедь пришла старушка.— Батюшка, — говорит, — я грешница... Сейчас пост, а я колбасу ела...— А какую же ты колбасу ела?— По два двадцать. — Ты не грешница, — сказал иеромонах, — ты — мученица...

Богова родня

Богова родня — берегись как огня.

Народная пословица

;

А что до духовенства, то попишки наши, конечно, худы,;

но поверьте, они по нашему времени такие и надобны.;

И это не от крови, а от тьмы века сего — от духов злобы поднебесной.

Н.Лесков. Русское тайнобрачие

;

Благодаря орловской Монастырской слободке я знал,;

что среди страдающего и приниженного духовенства русской Церкви;

не все одни "грошевики, алтынники и блинохваты",;

каких выводили многие повествователи, и я дерзнул написать "Соборян".

Н.Лесков. Мелочи архиерейской жизни

В пятидесятых годах в Троице-Сергиевой лавре на балюстраде Трапезного храма стоял лоток, с которого продавали иконки. В те времена они были особенно непривлекательны — бумажки, наклеенные на картон, сами изображения весьма примитивны, да к тому же безвкусно раскрашены. Торговал ими иеромонах, один из братии монастыря. Как-то к нему по дошло несколько простых деревенских женщин. Одна из них сказала:

— Батюшка, что же у тебя иконки-то какие плохонькие? Ты бы нам хороших продал, деревянных, старых...

Иеромонах ей отвечал:

— Какие вы молитвенники — такие вам и иконы.

Ответ этот поражает меня своею простотою и глубиною.

Какие мы молитвенники — такие нам и священники... Какие мы молитвенники — такие нам и архиереи. Священнослужители не опускаются с небес на землю, а берутся из самого народа. А народ наш в подавляющем своем большинстве вполне советский — то есть трусливый, безответный, заискивающий перед власть имущии. И я не только не склонен осуждать теперешних клириков и иерархов, я наоборот удивляюсь, что при том, в каких условиях существовала и существует Церковь в этой стране, среди духовенства столь высок процент людей весьма достойных и разумных.

Н.Лесков в "Соборянах" писал: священнику необходимо "купить себе хибару и возрастить тыкву, тогда спокойнее можно о

строении дела Божия думать". И это когда еще замечено...

А что же сказать о наших бедственных временах, если государственной политикой стало стремление превратить священника в батрака, который на птичьих правах вынужден ютиться в церковной сторожке, а под старость должен стать вообще бездомным?

И это при том, что в отличие от "простых советских людей" клирики в большинстве своем многочадны... Решится ли разумный человек обвинять их в стяжательстве? В том, что вопреки воле гонителей своих они все же стремятся "купить хибару и возрастить тыкву"?

Эх, да что там! Как говорила мне старая псаломщица:

— Что нам попов судить? На то есть черти!

Однако же переменим тональность. Начнем с профессионального "поповского" анекдота. (Тут необходимо для несведущих сделать предварительное замечание. Священнослужитель перед совершением Божественной литургии обязан трезвиться, вычитать молитвенное правило и ничего — даже воды — не вкушать после полуночи.) Так вот был на каком-то приходе престольный праздник, и по этому случаю туда съехались несколько батюшек. Они соборне отслужили всенощную и сели ужинать в доме настоятеля. Разговоры, обильные возлияния... Опомнились сотрапезники далеко за полночь...

— Что же мы натворили? — воскликнул кто-то. — Ведь уже второй час, а мы все едим и пьем... Кто же завтра будет литургию служить?

— А вот отец Василий, — отвечают ему, — он у нас с десяти вечера лежит под столом, ничего не ест и не пьет...

Одна из непременнейших и важнейших обязанностей любого священника — проповедь. Но — увы! — при общем довольно низком образовательном уровне нашего духовенства многие батюшки вообще не проповедуют. В лучшем случае они зачитывают в храме вслух проповеди, которые публикуются в "Журнале Московской Патриархии". Впрочем, существуют еще и машинописные сборники поучений на разные дни церковного года.

Надо сказать, что после войны в Москве некоторые проповедники даже славились — Митрополит Николай (Ярушевич), протопресвитер Николай Колчицкий, такие священники, как Александр Смирнов, Павел Цветков, Николай Успенский... Среди интел лигенции долгие годы был очень

популярен покойный настоятель Никольского храма "в Кузнецах" отец Всеволод;Шпиллер. Бывало, образованные дамы смотрят ему в рот, а бедные замоскворецкие старушки не могут понять ни одного слова. Стоит отец протоиерей на амвоне и произносит, слегка грассируя:

— Эссенсуальная сущность бытия...

Вообще же отец Всеволод Шпиллер был одним из самых замечательных священников своего времени. Весьма многие достойнейшие клирики наших дней признают себя его учениками и духовными чадами. Один из них — теперь настоятель московского храма — передал мне тонкую и горькую шутку отца Всеволода. Ему как-то сказали об одном священнике, дескать, тот "находится в прелести". На это отец Всеволод возразил:

— Прелесть — состояние духовное. А в этом батюшке ничего духовного нет...

Коли речь зашла об отце Всеволоде, нельзя не вспомнить один поразительный эпизод, с ним связанный. В пятидесятых, кажется, еще годах, при Патриархе Алексии решено было перевести протоиерея В.Шпиллера из церкви "в Кузнецах" на другой приход А туда был назначен новый настоятель — отец Константин Мещерский. (Из обновленцев, притом такой, на котором пробы было ставить негде.) Этот батюшка сел в такси и, имея на руках указ Святейшего, поехал "в Кузнецы" принимать настоятельство. Автомобиль подъехал к Никольскому храму и остановился. И тут водитель с ужасом увидел, что пассажир его — мертв... История эта произвела впечатление, и больше попыток переводить отца Всеволода никогда не было. Так он и скончался в 1984 году в должности настоятеля Никольского храма "в Кузнецах".

Вернемся, однако же, к теме проповеди. Покойный протоидакон Александр Пижицкий рассказывал мне, что в Ростове-на-Дону он знавал священника, который проповедовал примерно так. Он выходил на амвон и начинал:

— Братья и сестры...

(В это время на глаза его навертывались слезы.)

— Сегодня мы празднуем Введение Пресвятой Девы Марии во храм...

(Тут уже слезы текли по его щекам.)

— Пресвятая Дева... ее праведные родители...

В этот момент его начинали душить рыдания, и он не мог уже произнести ни одного слова... Но, глядя на батюшку, начинали

плакать присутствующие в храме... Так продолжалось еще некоторое время, и, наконец, батюшка, плачущий, удалялся в Алтарь.

И прихожане в один голос утверждали, что лучше этого священника не проповедует никто.

И еще о слезах на проповеди — история, напоминающая анекдот. Батюшка проповедует, а вся паства от умиления плачет. Некто, случайно вошедший в храм, видит, что одна старушка стоит с сухими глазами. Он спрашивает:

— А ты почему не плачешь?

— А я не из этого прихода.

Мой приятель несколько лет тому назад был в церкви города Сочи на день тезоименитства покойного Патриарха Пимена. Отец настоятель окончил праздничную проповедь буквально такими словами:

— И вот все мы, чада Русской Православной Церкви, под водительством Святейшего Патриарха Пимена, идем в Царствие Небесное!

И все же кое-где звучит с амвона и живое слово проповеди. Иной раз еще как звучит! Вот мне пере сказывали речь одного из московских священников, который обращался к своей пастве в день поминовения усопших.

— Добрая половина ваших покойников — все эти ваши пьяницы — сидят в Преисподней... Вы пришли сегодня помолиться за них... Это хорошо, это неплохо... Это как вот если кто-то в тюрьме сидит, и вдруг приходит письмо из дома... Срок твой оно не сокращает, а все-таки приятно — помнят о тебе...

В заключение — еще один церковный анекдот.

Батюшка выходит на амвон и начинает проповедь:

— Братия и сестры! Жизнь наша...

В это время он сует руку в карман подрясника, чтобы достать приготовленный текст своего поучения...

— Жизнь наша..., — машинально повторяет проповедник, но не находит своей шпаргалки.

— Жизнь наша..., — опять произносит он, судорожно проверяя все свои карманы, — Жизнь наша...

Но текста нет нигде, и проповедник, махнув рукой, произносит:

— В старых штанах осталась...

С этими словами он удаляется с амвона.

В Америке мне рассказали такую историю. В свое время некий молодой советский офицер, конечно же, комсомолец, попал в плен к гитлеровцам. Когда война кончилась, он решил не возвращаться на родину, и ему удалось попасть в США. Там он присоединился к Русской Зарубежной Церкви, а затем поступил в семинарию в Джорданвилле. Его рукоположили в священники и отправили служить на один из приходов. А, надо сказать, община, которую он был призван возглавить, почти сплошь состояла из офицеров Белой Гвардии...

И вот настала первая служба. По окончании Божественной литургии новый пастырь вышел на амвон, чтобы сказать проповедь. И по старой комсомольской привычке он начал так:

— Товарищи!..

Что тут началось — описать невозможно! Ведь почти все прихожане жизни свои положили на смертельную борьбу с "товарищами"... Словом, злополучного батюшку едва не убили... И епископу пришлось убрать его с этого прихода.

А теперь от темы "проповеди" перейдем к иной — "награды". В Церкви есть целая система награждений — от права ношения, например, скуфьи или камилавки, до возведения в следующий сан — диакона в протодиаконы, священника — в протоиереи. Клирики относятся к наградам по-разному. Кое-кто равнодушно, а некоторые этого ревностно добиваются, и тут уже дело не обходится без взаимной зависти и даже интриг. Вот история весьма красноречивая.

Некий архиерей во время службы в соборе подозвал одного из священников и "возложил" на него очередную награду. Это произошло так неожиданно, что батюшка не сразу нашел подобающие слова для выражения благодарности... Позднее, уже на обеде в архиерейском доме, Владыка задал ему вопрос:

— Скажи-ка мне, отчего это ты прежде чем благодарить меня, несколько задумался?

— А я, — отвечал батюшка, — в этот момент делал выбор между вашей наградой и своими друзьями...

Награждение обыкновенно происходит ко Дню Святой Пасхи, но бывают и экстраординарные случаи, такие как вышеописанный. Вот еще одна история в этом роде, только гораздо более драматическая.

Некий весьма горячий и вспыльчивый архиерей в сослужении многочисленного духовенства совершал посреди своего собора торжественный молебен. Стоящие вокруг люди подавали

батюшкам записки о здравии, что, по мнению Владыки, несколько снижало праздничность богослужения. И он тихонько распорядился:

— Записок не брать!

Однако же один из священников этого распоряжения не выполнил и продолжал шуршать поминальными листками... И вот, когда он в очередной раз развернул записку, Владыка в сердцах ударил его по руке своим металлическим жезлом. Удар был такой сильный, что рука тут же опухла, и клирику понадобилась медицинская помощь.

Вечером того же дня архиерей появился в больничной палате, куда поместили злополучного батюшку. Владыка просил прощения за свою горячность и надел на больного "крест с украшениями" — награду весьма высокую.

Следующая после "креста с украшениями" награда — право служения в митре. Тот, кто удостоился этого, получает новый титул — впредь именуется "митрофорным протоиереем". В старой России это была очень высокая честь, митрофорных протоиереев можно было буквально по пальцам сосчитать. В наше время произошла изрядная девальвация всех наград, и права ношения митры теперь удостаиваются многие.

Некий протоиерей из дальних, как помнится, мест поехал с несколькими своими прихожанками помолиться в Троице-Сергиеву лавру. Вернувшись оттуда, он стал служить в митре. Это дошло до архиерея, и батюшка был вызван в епархиальное управление.

— Ты почему в митре служишь? — спросил его Владыка.

— Меня Святейший Патриарх благословил, — отвечал тот.

— Как он тебя благословил? - изумился епископ. — Когда?

— А вот я в лавру ездил... А Святейший там выходил на балкон... А я стоял под тем балконом, и вот так в руках митру держал... А Патриарх двумя руками всех нас и благословил... И мою митру в том числе...

Говорят, что архиерей много смеялся и, кажется, представил этого батюшку к награждению митрой.

Во времена недавние, когда на приходах, в особенности на городских, верховодили не священники, а старосты, произошел такой случай. Владимирскому преосвященному донесли, что молодой еще совсем иерей, у которого, естественно, не было никаких наград, служит в митре. (А надо сказать, что он был назначен настоятелем в храм большого города.) Владыка вызвал этого батюшку и говорит:

— Правда, что ты в митре служишь?

— Служу, Владыка... Только я не виноват... Это — староста...

— А при чем тут твоя староста?

— А она мне так говорит: " Я ваших этих делов не знаю... Я только одно знаю: у меня тут все в митрах служили, так и ты у меня в митре служить будешь!.."

И архиерей только рукой махнул...

Встретил я как-то настоятеля одной московской церкви, которому только что исполнилось пятьдесят лет. Спрашиваю:

— Чем же вас, батюшка, к юбилею наградили?

Он отвечает:

— Отверстием.

Это означает, что он получил право служения литургии "с отверстием Царских врат до херувимской". А следующая награда — то же самое вплоть до молитвы "Отче наш". Надо сказать, награда эта клириками ценится, поскольку не влечет за собою никаких затрат. Наградят тебя крестом с украшениями или митрой — изволь, покупай себе этот предмет за свои кровные денежки.

"Отверстие" — награда высокая, дается после митры, а потому имеющих право так служить не очень-то много. Мне известен такой случай. Отец архимандрит М., бывший в свое время наместником монастыря, был несправедливо удален с этой должности и назначен на маленьких сельский приход. К этому времени у него были почти все награды и в том числе право служения литургии при отверстых вратах до "Отче наш".

После первой его службы на новом приходе одна деревенская старушка горестно сказала другой:

— Надо же, какого батюшку прислали! Даже не знает, что на обедне Царские врата надо закрывать...

К некоему правящему архиерею обратился с письмом клирик его епархии. В письме говорилось:

"Ваше Преосвященство, дорогой Владыка! При Вашем предшественнике я был награжден митрой и правом служить литургию при отверстых Царских вратах до "херувимской". Теперь меня наградили правом отверстия Царских врат до "Отче наш". Меня интересует вопрос: какой же теперь у меня титул?"

Архиерей будто бы ответил так:

"Ваше Высокопреподобие, дорогой батюшка! Ваш титул теперь такой: "митрофорный протоиерей с двумя отверстиями".

Еще будучи мирянином, я иногда задавался вопросом: что такое упоминаемый в молитвах грех "мшелоимства"?.. Мне уже

тогда казалось, что это должно иметь ко мне какое-то отношение. Так оно и вышло, ибо мшелоимство — страсть к дорогим изящным вещам, у монахов — держание в келье ненужных в обиходе предметов.Ваш титул теперь такой: "митрофорный протоиерей с двумя отверстиями".

Весьма забавно переделал это слово покойный ныне отец Г.К., в свое время он был секретарем Митрополита Ярославского Иоанна: "мышеловимство". (От выражения "ловить мышей".)

По своей должности о. Г. частенько сопровождал архиерея при посещении храмов епархии, и если видел какую-нибудь старинную утварь или ценную икону, выпрашивал их у настоятеля. Вот это и было его — "мышеловимство".

У покойного митрополита Бориса (Вика) был иподиакон, которого звали Жора. В конце концов Владыка посвятил его в сан, он стал "отцом Георгием" и был отправлен на приход. Через некоторое время при встрече Владыка спросил у него:

— Ну, как у тебя там дела? Как с доходом?

На это бывший иподиакон сказал:

— Есть такие вопросы, Владыка, на которые даже духовнику не отвечают.

Теперь этот отец Георгий служит в Московской епархии. Мой знакомый батюшка побывал у него на богослужении и увидел, что тот благословляет народ по-архиерейски, не одной рукою, а обеими. После службы он сделал о. Георгию замечание на сей счет. Тот отвечал простодушно:

— А я вообще много чего у Владыки Бориса взял...

Что же касается "бестактного вопроса" о доходах священнослужителя, то мне вспоминается примечательный диалог, который произошел в Париже между отцом Борисом Старком и Митрополитом Евлогием (Георгиевским). После посвящения он послал о. Бориса настоятельствовать в небольшую эмигрантскую общину. При первой же встрече Владыка спросил батюшку:

— Ну, как приход?

— Это — не приход, — отвечал отец Борис, — это — сплошной расход...

В семидесятые годы в одном московском храме были нестроения, и клирикам то и делоприходилось торговаться со старостой и казначеем, чтобы получать приличное вознаграждение. Однажды некий батюшка, разгоряченный разговором на эту тему, вошел в Алтарь и с возмущением

обратился к прочим клирикам:

— О чем они думают? Что, я им ради Христа тут служить буду?

И вспоминается мне горькая шутка одного моего друга, тоже священника:

— У нас есть такие батюшки, которые вполне были бы готовы отречься от Христа, если бы им при этом оставили Церковь...

Как-то одна женщина подошла к амвону и сказала, что хочет поговорить с батюшкой. Я вышел из Алтаря. Она мне сказала:

— Я хочу заказать годовое поминовение по моей матери.

— Очень хорошо, — сказал я, — подойдите к ящику, заплатите, и там запишут.

— Нет, — возразила она, — я хочу отдать деньги вам. Так — доходнее...

Я невольно усмехнулся. На самом-то деле она хотела сказать, что так "доходчивее", так как молитва скорее дойдет до Бога, но оговорилась она весьма примечательно.

Существует мнение Святого Иоанна Кронштадтского, который утверждал: деньги, предлагаемые священнику за требу, следует брать непременно. Я и на собственном опыте убедился в правоте этого суждения. Сколько раз я пытался отказаться от платы, которую мне давала какая-нибудь нищая больная старуха в грязной нетопленой избе... И пенсия-то у нее была от силы рублей тридцать... А деньги брать приходилось, ибо она рассуждает так: раз платы не берет, значит, не за что... Значит, или таинство недействительно, или обряд совершен небрежно... И приходится брать эту скомканную, замусоленную трешку...

Богослужение в Православной Церкви бывает общественное и частное. Общественное — круг суточных служб, которые отправляются в монастырях и храмах, это — полуночница, утреня, часы, литургя, вечерня... А частное (в просторечии требы) — крестины, браковенчание, отпевание покойников, молебны, панихиды, соборование и причащение больных на дому. Именно требы всегда были и остаются основным источником существования духовенства. А посему следующие главки моего повествования будут посвящены богослужению частному.

В заключение этого раздела приведу две профессиональные поговорки:

— Июль да июнь на попа хоть плюнь.

(Тут требуются пояснения. В летние месяцы количество молящихся в храмах резко снижается. В городских церквях оттого что многие уезжают на дачи, а в сельских — по причине сезонных работ — огороды, сенокос и т.д.)

— Спина мокрая, а в кармане сухо.

Это, я полагаю, в комментарии не нуждается.

“Место упакования”

— Кого, мать, хоронят?
Н.Лесков. Железная воля
— И-и, родная и выходить не стоило: немца поволокли.
— Какого немца?
— А что блином-то вчера подавился.
— А хоронит-то его отец Флавиан?
— Он, родная, он, наш голубчик: отец Флавиан.
—Ну, так дай Бог ему здоровья!

Место упакования. Это выражение родилось случайно, когда во время погребения, произнося прокимен, псаломщик оговорился: вместо “Блажен путь, в оньже идеши днесь душе, яко уготовася тебе место у п о к о е н и я” сказал “место у п а к о в а н и я”. Согласитесь, применительно к гробу и могиле это отнюдь не лишено смысла.С требой, в просторечии называемой отпевание, а в уставе — погребение, у нас происходит почти то же самое, что и с крестинами. Мы отпеваем лиц, заведомо недостойных христианского обряда. По большей части это люди, которые во всю свою жизнь порога храма не преступали, что называется, лба себе ни разу не перекрестили. Принадлежность их к Церкви исчерпывается тем, что во младенчестве они были крещены. И все же мы их отпеваем. Основательных причин тому — две. Во-первых, у многих из них есть верующие родственники, часто родные матери, которые истово о них молятся. А во-вторых, есть мнение, которое сводится к следующему: лучше, если слова христианского погребения множество раз прозвучат над людьми их недостойными, нежели хотя бы один раз не прозвучат над достойным. Об истинной праведности или греховности знает только Сердцеведец Бог.

Особенно ярко проявляется одичание нынешних русских людей на первый День Святой Пасхи. Несметными толпами они устремляются на кладбища и там, подобно древнейшим язычникам, пируют и пьянствуют “на гробах”. Чудовищный этот

обычай получил особенное распространение в шестидесятые годы, когда власти запретили священнослужителям ходить на кладбища и совершать там панихиды.(Тут надо добавить, что Церковь не совершает поминовения усопших на Пасху, это делается неделю спустя — на Радоницу.)Я мог бы предложить социологам и психологам интереснейшую тему для исследований. Надо провести опросы на городских и сельских кладбищах в День Пасхи. Следует поинтересоваться у людей: почему они приходят сюда именно в этот День? Отчего они тут едят и пьют? Верят ли они в загробную жизнь?Результаты могут быть поразительными, тут может выявиться нечто вроде новой бездуховной религии с грубыми суеверивиями и примитивными обрядами.

Советские поминки, совершаемые на домах и на кладбищах, сами по себе превратились в некий особый ритуал, который отчасти заменяет поминовение христианское, церковное. Во время этих трапез непременно ставится полная стопка водки “для покойника”. В некоторых домах она так и стоит от похорон до сорокового дня. И в День Пасхи, разумеется, на любом кладбище, на каждой могиле стоит полная стопка водки. Об этом прекрасно знают все пьяницы, и к концу дня, когда родные покойников уходят с могил, туда тянутся иного рода посетители.Я вспоминаю погост возле моего храма под Ярославлем. Всякий год на Пасху вечером местные “алкаши” возвращались оттуда — кто на четвереньках, а кто и ползком...

В свое время на меня сильнейшее впечатление произвела открытка, которую я нашел на могиле у некоей женщины, умершей, судя по надписи на памятнике, в возрасте тридцати с лишним лет. Там стоя букет крупных и свежих тюльпанов и лежала эта открытка. Я наклонился, поднял ее и прочитал буквально следующее.“Дорогая мамочка! Поздравляем тебя с днем рождения. Мы помним тебя и любим”.Несчастные советские дети... Несчастные советские люди! У них отняли религию, изуродовали душу... А человеку так свойственно верить в загробную жизнь!

Надо сказать, что храмы, при которых есть кладбища, обыкновенно вовсе не бедствуют. Среди духовенства в ходу пословица:— На кладбище еще ни один поп с голоду не умер.Мне известен такой диалог между архиереем и священником.— Ну, как у тебя дела? — спросил епископ при встрече.— Владыка, — отвечал батюшка, — с тех пор, как вы перевели меня на

кладбище, я — ожил.

За десять лет священства мне пришлось отпеть не одну сотню покойников. Видел я похороны многолюдные и совсем малолюдные, видел людей убитых горем и рыдающих, видел и равнодушно стоящих у гроба...Вот картина довольно типичная. Поближе к гробу в храме стоят несколько немолодых женщин — эти молятся. Чуть подальше более многочисленная группа женщин помоложе, эти изредка крестятся и внимают чинопоследованию с уважительным любопытством. А сзади всех стоят мужчины. (Тут хочется написать: мужики.) Вид у них унылый, в глазах тоска и ожидание — когда это все кончится?.. Ведь еще надо будет идти на могилу, потом ехать с кладбища в дом к покойному... Когда еще только сядем за стол и нальем по стакану...

Вспоминается мне кладбищенский храм под Ярославлем. Гроб уже стоит в церкви, я иду из дома, чтобы совершить обряд... А мужики, бедные, лежат на травке у самого Алтаря и молча провожают меня глазами. Один не выдерживает и говорит мне вслед:— Ну, ты, батя, там поживей...

Один батюшка, который служит в московской области, рассказывал мне о таком случае. Ему привезли из деревни покойника. Гроб был велик, а дорога тряская. И, чтобы зафиксировать тело в определенном положении, туда положили березовые поленья. Увидев в гробу дрова, священник приказал их на время отпевания вынуть.Окончив требу, он сказал:— Ну, вот — можете закладывать.Он, естественно, подразумевал — закладывать дрова.Но при этих словах страшно оживились мужики.— Слыхал? Батюшка сказал, уже можно закладывать!Они-то имели в виду вовсе не поленья.

В церковь вносят простой гроб, в нем лежит маленькая, сухонькая старушка. Ко мне подходит пожилая женщина и серьезно говорит:— Вы, батюшка, ее по-особенному отпевайте. Она у нас — девица непорочная.

Трагикомический случай с похоронами стал мне известен совсем недавно. Неподалеку от Москвы служил батюшка, человек очень добрый и хороший, но подверженный известному недугу.Как-то днем к нему в храм без предупреждения привезли отпевать покойника. Постучались в дом. Батюшка вышел, но был, что называется, не в форме. Тем не менее храм открыли, и

покойника он стал отпевать. Однако же, по ходу требы, действие винных паров усиливалось, а вместе с этим увеличивалось и одушевление совершителя — под конец он служил с неподдельными слезами.Затем по обычаю пошли на самую могилу. Тут уже батюшка плакал навзрыд... Когда же наступило время гроб закрыть и предать земле, он стал обнимать и целовать покойника с таким жаром, что родственники с трудом его оттащили...

В наши бедственные времена необычайно распространились так называемые “заочные отпевания”. В старой России это дозволялось лишь в самых крайних случаях. А теперь — то храма нет ближе чем за сто километров, то родственники время не хотят терять и завозить покойника в церковь, а кто-то и боится — заочно отпевают почти всех начальников, да и простых членов партии. Мне, например, довелось в Егорьевске заочно отпевать секретаря райисполкома, даму, которая причинила Церкви немало зла.Практику эту ни с какой стороны нельзя одобрить. Помнится, маститый ярославский протоиерей, покойный отец Прокопий Новиков, когда его просили кого-нибудь отпеть заочно, обыкновенно говорил так:— Я заочно в баню не хожу.

По обычаю вместе с покойником в церковь приносится куться, которую потом едят участники поминальной трапезы. Иногда вместо кутьи приносят в храм с этой целью конфеты. (Это бывает и при “заочном отпевании”.)Один мой приятель совершал именно такую требу. Вазочка с конфетами при этом стояла, как положено, на кануне — столике с горящими свечами. Когда “заочное” отпевание окончилось, родственники умершего обратились к батюшке:— Вы нам эти конфеты отпели... А теперь что с ними делать?

Особую проблему составляет для нас отпевание самоубийц. (А ведь их с каждым годом становится все больше и больше.) Церковными канонами это категорически запрещается, однако же послабления всегда были. Достаточно вспомнить рассказ о Митрополите Филарете (Дроздове), приведенный Лесковым в “Очарованном страннике”. Я даже знаю священников, которые, освновываясь, в частности, на этой истории, с особенным усердием молятся за самоубийц. К ним относится весьма близкий мне человек — протоиерей Борис Старк. (Ему вообще свойствен некоторый “парижский” либерализм, он — духовное чадо и ставленник Митрополита Евлогия.) Помнится, в самом начале нашего знакомства он написал мне письмо, где процитировал

известные строки:Это — русский колоритЗдесь удавленный смеетсяИ утопленник острит.В ответ я написал буквально следующее:“Что же касается шуток утопленников и смеха удавленников, то, как известно, юмор в этой своеобразной среде особенно усилился после Вашего возвращения из Франции на родину. Ибо известно всем, что Вы самоубийц охотно отпеваете и безвозмездно за них молитесь”.

Вообще же сложился некий определенный порядок, так сказать, официального оформления этой жуткой требы. Родственники самоубийцы едут в епархиальное управление и там составляют прошение на имя правящего архиерея. Через некоторое время им по почте приходит ответ, практически всегда гласящий одно и то же: “Благословляется отпеть заочно”. С этим они являются в храм.В Ярославле один батюшка показывал мне курьезнейшую бумажку. Это была обыкновенная квитанция на совершение требы, одна из тех, которые обыкновенно приносят из-за ящика в Алтарь. На этом клочке рукою старосты прихода было написано буквально следующее:“Заочное отпевание. Сидоров Иван Иванович удавился с благословения Владыки”.Но самым забавным было то обстоятельство, что тогда (конец восьмидесятых годов) ярославским Владыкой был архиепископ Платон, чья фамилия — Удовенко.

“Святая десятуха”

— Ах, полноте, пожалуйста, что такое за Православие,
и в чем оно состоит, я не знаю, кроме как “Господи помилуй”,
да “Тебе Господи с подай Господом”.
Н.Лесков. Мелочи архиерейской жизни

Среди народа нашего распространены верования и даже суеверия, многие из которых корнями своими уходят в языческие времена. Даже в самом христианском обиходе встречается нечто такое, что явно связано с религией предков. Так, например, особенное почитание, которое оказывали и оказывают русские люди святому пророку Илье, подобного происхождения, ибо у нас его наделяют некими функциями “громовержца”. Весьма чтима на Руси и Святая Великомученица Параскева — в переводе с греческого это имя означает “Пятница”. Почитание, которым пользуется Великомученица, народ перенес и на одноименный день недели. Известный литургист С.В.Булгаков писал:“По мнению народа все пятницы в году имеют свою важность и должны быть почитаемы, но особенным уважением пользуются некоторые из них, число которых двенадцать: 1-я — пятница — в первую неделю Великого Поста, 2-я — перед Благовещением. 3-я — на Вербной неделе, 4-я — перед Вознесением, 5-я — перед Троицыным днем, 6-я — перед Рождеством Иоанна Предтечи, 7-я — перед Илиею пророком, 8-я — перед Успением, 9-я — перед Архангелом Михаилом, 10-я — перед Кузьмою-Демьяном, 11-я — перед Рождеством Христовым, 12-я — перед Богоявлением”. (Настольная книга для священно-церковно-служителей, примечание ко дню 28 октября.)Мне рассказывали, что в некоем белорусском селе особенно почитается 10-я пятница, в просторечье она именуется там “десятуха”. В этот день в местном храме полно молящихся, и богослужение отличается особенной торжественностью И тамошний батюшка во время крестного хода вместо молитвенного прошения к Великомученице Параскеве возглашает такой немыслимый запев:— Святая Десятуха, моли Бога о нас!

Если проездиться по всей Православной Руси, посетить храмы, раскинутые по ней, и присмотреться к местным обычаям, то можно будет обнаружить очень много и умилительного и смешного, и даже — увы — соблазнительного. Этот небольшой раздел повествования я и решаюсь посвятить подобным курьезам “местного значения”, о которых мне удалось узнать разными путями.

Отец Борис Старк рассказывал мне, что покойный Митрополит Одесский Борис (Вик) в свое время распорядился, чтобы благочинные выясняли, какие странности существуют в подведомственных им храмах и по возможности устраняли то, что несообразно с уставом и общецерковным обиходом.В результате подобного благочинского расследования стало известно, что в некоей церкви, расположенной на самой границе с Молдавией, весьма своеобразно завершается панихида. При возглашении “вечной памяти” диакон берет столик с приношениями прихожан и начинает поднимать его и опускать в лад пению. Те женщины, что стоят поближе, берутся за платок, которым накрыт этот столик, и сами начинают то приседать, то выпрямляться... Стоящие за ними берутся руками за уголки головных платков передних и так же ритмично раскачиваются... Словом, вся церковь начинает, что называется, ходить ходуном.Один священник, которому я об этом рассказал, в ответ заметил:— Тут уже надо петь не “вечную память”, а “волною морскою”. (Ирмос, песнопение Страстной седмицы.)

В своем собственном приходе я с самого начала столкнулся с довольно странным обычаем. Когда кому-то из недавно умерших (новопреставленных) исполнялось сорок дней, на столике возле канона ставилась бутылка с фруктовым соком или киселем, а рядом с нею ковшик. После окончания панихиды батюшка, в данном случае я сам, должен был налить немного жидкости из бутылки в ковшик. Называлось это простое действие “отпустить душку”. Мне удалоь выяснить, что это “отпускание” завел один из моих предшественников. После краткой и энергичной проповеди продолжать этот странный обряд я категорически отказался.

Священника назначили на новый приход. Первая служба. После литургии, как положено, панихида. После окончания ее обычно поют:“Души их во благих водворятся, память их в род и род”.А тут певчие запели нечто более продолжительное:— Души их во благих водворятся, память их в род и род, и род и род, и

род и род... в род и род, и род и род... в род и род, и род, и род...И так до бесконечности.

Некий батюшка был назначен помощником настоятеля на двуштатный приход. А там было такое обыкновение: в каждую поминальную книжечку, которая приносилась в Алтарь, была вложена рублевая ассигнация. Деньги эти делились между священниками.Но вот наступил День Усекновения главы Святого Иоанна Предтечи. (А надо сказать, с XVIII века в Русской Церкви есть обычай служить в этот день особую панихиду о павших воинах, так что поминаний приносится много.) Новоназначенный священник открывает первую попашуюся поминальную книжечку и обнаруживает там не рублевку, а десятку. Сначала он решил, что кто-нибудь это положил по ошибке. Однако и в другом поминании, и в третьем — всюду десятки. Его недоумение рассеял отец настоятель. Он объяснил, что это — местный обычай. Основывается он на том, что на десятке в отличие от меньших купюр отдельно напечатана голова Ленина. И по этой причине считается обязательным передавать в День Усекновения главы Иоанна Предтечи в Алтарь именно десятки... И мнится мне, что священнослужители с этим несообразным и отчасти даже кощунственным обычаем в борьбу так и не вступили...

А вот рассказ о более принципиальном батюшке. Прибыв на приход, он обнаружил там такой порядок. Прихожане клали почти за каждую икону в храме копченое мясо, сало и колбасы. Батюшка был молодой, ревностный, а потому несколько раз осудил в проповеди подобные жертвы, как нарушающие традиции Православной Церкви — в храм не вносить ничего мясного. И, надо сказать, пастырь добился своего — за иконы больше никто никакую снедь не клал. Но самому настоятелю, дотоле вполне обеспеченному мясом, пришлось впредь покупать его.

Клирики, приехавшие к нам с Украины, ввели обыкновение омывать руки в конце Божественной литургии, перед причащением Святых Даров. Кое-где батюшка для этого сам подходит к умывальнику, а кое-где ему, так сказать, по архиерейскому чину, подносят кувшин и блюдо.Настоятель одного из храмов московской епархии рассказывал мне, что так было и у него на приходе. Однако он заметил, что алтарники как-то особенно бережно обращаются с водою, которая остается после омовения рук на блюде. Он это дело исследовал и выяснил, что вода эта собирается, а потом продается прихожанам по цене три рубля за бутылку. Название она носит такое — “Отченская

водичка”, поскольку омовение рук происходит при пении “Отче наш”. Батюшка искоренил эту торговлю самым простым способом — стал подходить к умывальнику.

В некоторых местах, в частности, я знаю, на Кубани, есть обычай подавать деньги “на кадило”. То есть во время каждения молящиеся вручают купюры священнику или диакону.В городе Обухе Киевской епархии, как мне рассказывали, по этой самой причине отец настоятель в большие праздники сам литургию не служит, а только выходит из алтаря для каждения на “херувимской”. Правая рука размахивает кадилом, а левая проворно берет мзду. При этом произносятся такие слова:— Помяни, Господи, приносящих и принесших, и жертвующих, и дающих, и подающих, и через них передающих...В своем роде — литургическое творчество.

А вот рассказ о некоем священнике рационализаторе.Таинство исповеди завершается тем, что батюшка возлагает на голову кающегося епитрахиль и произносит разрешительную молитву. После этого исповедовавшийся целует лежащие на аналое Евангелие и Крест. Так вот этот “рационализатор” вычитывал положенные молитвы, проводил общую исповедь, после чего читал общую разрешительную молитву, вешал епитрахиль на гвоздик возле аналоя с Крестом и Евангелием, а засим удалялся в Алтарь. А исповедники по очереди сами накладывали себе на головы конец висящей епитрахили, а потом, как положено, целовали Крест и Евангелие.Мне вспоминается, будто архиерей этого “рационализатора” запретил в священнослужении.

Один художник, реставратор икон, рассказывал о совсем уже дикой странности, которую он наблюдал в каком-то приходе. Во время литургии около самого амвона ставился столик, а на нем ваза с печением. Во время пения “херувимской” к этому столику поочередно подходили все присутствовавшие в храме, аккуратно брали из вазы по одному печению и откладывали в сторону... В это время поется:— ...всякое ныне житейское отложим попечение...А тамошние верующие воспринимали эти слова так — “отложим по печению”.

Мой друг, протоиерей Б.Г., родом москвич, начинал свое служение на Кубани. Был он тогда молод и неопытен. В первые же недели на станичном приходе он совершил множество “заочных отпеваний”. И почти все покойники были мужчины. Документов

там никаких не спрашивали, оформляли требу просто, а батюшка отпевал себе и отпевал.Но вот однажды он обратился к женщине, которая заказала заочное отпевание, с вопросом:— А давно он у вас умер?— Как умер? — удивилась та. — Он — живой...— Как живой? — опешил батюшка.— Так — живой, живехонький... Ничего ему, подлецу, не делается...И тут выяснилось, что в тех местах существовало суеверие: если заочно отпеть неверного мужа, он вернется к семье. Словом, батюшка мой, сам того не ведая, за несколько недель отпел всех распутных мужиков целой округи.Разумеется, в дальнейшем он неукоснительно требовал, чтобы предъявлялись документы о смерти...

Надо сказать, что о. Б. до сих пор с удовольствием вспоминает годы, прожитые им на Кубани. Теплый климат, “благорастворение воздухов”, “изобилие плодов земных”...— Заходит, например, — вспоминает батюшка, — ко мне сосед. Местный врач, зовет к себе. Садимся с ним в саду, в беседке. Выносит он домашнее вино. Сидим на воздухе, неторопливо попиваем, беседуем... А я смотрю на него и про себя думаю: “А ведь я тебя уже раза три отпел...

Рвань на дырище”, или “Нога приставленная”

Теперь пора перейти к тому, что я называю “лесковщиной в чистом виде”. Возникает это явление по двум наиглавнейшим причинам. Первая — оговорки. Типичнейший пример тому — “рвань на дырище”. Кому-то пришлось читать в храме 101-й псалом, там есть такая фраза: “бых яко нощный вран на нырищи” (по русскому переводу: как филин на развалинах). Так вот чтец вместо не вполне понятных “вран на нырищи” произнес нечто более доступное его разумению — “рвань на дырище”.Вторая причина возникновения забавных и немыслимых словосочетаний та, что “закон Божий” за годы советской власти никогда и нигде не преподавался (кроме как в немногочисленных духовных школах). И прихожане наши все, что произносится или поется в церкви, вынуждены воспринимать со слуха. Отсюда и возникают — вместо “иеромонаха” — “аэромонах”, вместо “Мелхиседека” — “Мелкосидел”, вместо “митрофорного протоиерея” — “микрофонный”, вместо “Преосвященного Митрополита” — “облегченный мелкополит”...

Сравнительно недавно в одном из московских храмов была забавная оговорка. В Евангелии от Иоанна есть греческое слово “епендит” (в русском переводе — одежда). Вся фраза, содержащая это слово, по славянски звучит так:“Симон же Петр слышав, яко Господь есть, епендитом препоясася, бе бо наг, и ввержеся в море”.Так вот некий батюшка прочел это место так:— ... аппендицитом препоясася...

Другой московский священник, читая Евангелие от Матфея, вместо “Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии...” произносил:— ...труждающиеся и беременные...

В некоторых случаях после прокимна: “Помяну Имя Твое во всяком роде и роде” произносится стих — “Слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое”.Мне рассказывали, что один из диаконов на этом стихе сбился. Он возгласил:— Слыши, Дщи, и приклони...После этого диакон сделал паузу и закончил так:— ...и виждь ухо Твое.

В городских храмах и в соборах обыкновенно существуют два хора. Один — “левый”, который располагается на северном клиросе и поет по будням. Он состоит по большей части из людей вполне церковных. Другой — “правый”, его место — на южном

клиросе. Этот поет только по праздникам и воскресным дням, и состоит он обыкновенно из профессиональных музыкантов, и из них многие довольно далеки от Церкви.По этой самой причине произошел в Москве, в Елоховском соборе, да еще и в присутствии самого Патриарха Пимена, — скандальный случай. Было это под праздник Рождества Христова. Тут в начале всенощной весьма торжественно звучит песнопение “С нами Бог!”Обыкновенно это исполняется так. Солист возглашает:— С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся...А хор подхватывает:— Яко с нами Бог!Солист:— Услышите до последних земли...Хор:— Яко с нами Бог!Далее там есть такие слова: “Бог крепок, Властитель, Начальник мира”. И вот солист, которому довелось это петь, то ли имел отношение к армии, то ли по другой какой причине ошибся и спел так:— Бог крепок, Властитель, Начальник штаба...

Мне рассказывали, что некий диакон, служивший с Владыкой Питиримом (Нечаевым), однажды вместо того, чтобы произнести “архиепископ Волоколамский”, возгласил “архиепископ Валокординский”. И больше всех над этим смеялся сам Владыка, который в действительности довольно часто принимал валокордин.

В некоем людном городском приходе было несколько чтецов, и существовала между ними конкуренция, каждому хотелось читать Апостола на литургии. Но отец-настоятель решительно предпочитал одного из них — самого голосистого.Как-то один из чтецов, мучимый завистью, решился на злую шутку. Перед самым чтением Апостола он незаметно переложил закладки в книге, чтобы публично опозорить удачливого соперника.А тот, ничего не подозревая, выходит из Алтаря, становится перед амвоном, как положено, возглашает прокимен, а затем произносит:— К Коринфянам послания Святаго Апостола Павла чтение.— Вонмем! — раздается из Алтаря.— Бра-ти-е... — звучит протяжно и нараспев.Но открыв книгу, чтец видит — закладка не на месте. Тогда он надеется спасти положение — еще раз и более протяжно произносит “Бра-ти-е”, а сам судорожно листает книгу, тщетно пытаясь найти требуемый текст... И тогда, имея в виду своих завистливых сотоварищей, чтец в отчаянье восклицает на весь храм:— Да это не “братия”, а сволочи!..

И еще одна история, которая трогает меня почти до слез.(Тут для несведущих требуется пояснение. На литургии, после того, как чтец произносит слова, которыми оканчивается текст из Апостола, священник благословляет его и говорит:— Мир ти.А чтец отвечает:— И духови твоему.)Так вот представьте себе глухой сельский приход. Служит там старенький батюшка, а

помогает ему — поет и читает — его сверстница матушка. Зачастую кроме этих престарелых супругов в храме ни одной души нет.Вот старушка окончила читать Апостола, муж благословляет ее и возглашает из Алтаря:— Мир ти, Николаевна! — И духови твоему, Тимофеич! — отзывается чтица.

Помнится, служил в Ярославском соборе новопоставленный диакон. От волнения он часто ошибался — то чего-то недоговаривал, а то и от себя прибавлял. В частности, на всенощной есть такое молитвенное прошение:— ...о еже милостиву и благоуветливу быти благому и человеколюбивому Богу нашему, отвратити всякий гнев на ны движимый, и избавити ны от належащего и праведнаго своего прещения, и помиловати ны.Диакон в этом месте сделал некое прибавление:— ...отвратити всякий гнев на ны движимый и недвижимый.

Или такой случай. Некий диакон на всенощной читал молитву “Спаси, Боже, люди Твоя...” Но вместо того, чтобы сказать “предстательствы честных небесных сил бесплотных”, он возгласил:— ...предстательствы честных небесных сил бесплатных...Когда диакон зашел в Алтарь, священник сделал ему замечание:— Как это можно произнести — “небесных сил бесплатных”?— А что же тут такого? — отвечал тот. — Разве ангелы за деньги Бога славят?..

Святитель Иоанн Златоуст именуется двояко, в одних богослужебных книгах на греческий лад — “архиепископ Константинопольский”, а в других — на славянский — “Константиноградский”. Один московский батюшка соединил оба варианта и на отпусте всегда говорит так:— Святителя Иоанна, архиепископа Константиноградопольского...

Иногда для достижения сильнейшего эффекта даже не нужно коверкать или перевирать слова, достаточно просто ошибиться в ударении. Вот стих, который произносится на заупокойном богослужении:— Души их во благих водворятся.Некий диакон однажды возгласил так:— Душ***и*** их, во благих водворятся!

И, наконец, подлинный анекдот времен дореволюционных.В большом городском храме шла литургия в неделю (воскресение) “святых отец” — перед самым Рождеством Христовым. Диакон, как положено, на амвоне читает Евангелие от Матфея — родословие Иисуса Христа, а священники стоят в Алтаре у Престола.Вместо того, чтобы прочесть: “Салафииль же роди Зоровавеля”, диакон произнес:— Соловей же роди журавеля...Старший протоиерей прищурил глаз и тихонько сказал сослужителям:— Вот так пташка!..

Некий человек, вовсе нецерковный, первый раз побывав на богослужении, делился своими впечатлениями.— Очень мне

понравилось. Там и за животных молятся...— За каких животных? — спросили его.— За крокодила...— За какого крокодила? Что вы говорите?— Как же? Я сам слышал, они пели про крокодила...Этот человек так воспринял на слух песнопение вечерни: “Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...”

С этим же песнопением связан еще один анекдот, который возник в московской церковной среде. Будто бы некая женщина восприняла этот стих на покаянный лад:“Да исправится молитва моя, я — к р о к о д и л а пред Тобою”.И будто бы эта прихожанка с сердечным воздыханием прибавила:— Не только что к р о к о д и л а, еще и б е г е м о т а.

Одна старушка жалуется другой:— Батюшка у нас очень строгий, злой, он меня ненавидит. Все время пальцем на меня показывает и говорит: “Я тебя съем”.(Так она воспринимала возглас “Мир всем!” и сопутствующее ему благословение десницей.)

В сельских храмах даже на клиросах порой стоят вовсе неграмотные женщины, во всяком случае не умеющие читать на церковнославянском языке. И поют они только то, что запоминают с чужого голоса. Вот яркий пример.Во время погребения поется, в частности, такое:“...яко земля еси и в землю отидеши, аможе вси человецы пойдем...” (т.е. в землю все люди пойдем).В некоем храме клирошане, как видно, подразумевая лежащего перед ними покойника, вместо “аможе вси человецы пойдем” пели так:— А, может, в человеки пойдет...

Весьма употребительное песнопение — ирмос пятой песни воскресного канона (8 глас) оканчивается таким к Богу обращением:“...обрати мя, и к свету заповедей Твоих пути моя направи, молюся”.Старушки в некоем сельском храме пели это на свой манер:“обрати мя, и к свету заповедей Твоих пути моя направи, Маруся”.

Другой ирмос начинается словами “Крест начертав Моисей...”, а старушки поют:— Влез на чердак Моисей...

Вместо — “О всепетая Мати...” — поют:— Осипетая Мати...

Вместо — “Прокимен, глас третий...” возглашают:— Проткни мне глаз третий...

Вместо “Елицы (т.е. те, которые) во Христа крестистеся, во Христа облекостеся...” поют:— Девицы, во Христа крестистеся...Это в особенности забавно, если принять во внимание, что в пятидесятые и шестидесятые годы на клиросах стояли по большей части “девицы”, незамужние женщины, “девство” которых объяснялось тем, что почти всех мужчин из их поколения унесла война.

Тут следует добавить, что некоторые краткие молитвословия,

которые считаются общеизвестными, нелегко бывает обнаружить напечатанными полностью. Таков, например, причастен (песнопение в конце литургии) “В память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится”. И в Апостоле и в Типиконе указывается так — “Причастен: В память вечную...”А потому немудрено, что в одном сельском храме на клиросе это пели отчасти по слуху, отчасти по собственному разумению:— В память вечную будет праведник, пастух козла не убоится.

Отец Борис Старк рассказывал мне, что когда он вернулся из Парижа в Россию и был направлен для служения в кладбищенский храм Костромы, его поражали поминальные записки. Приходилось молиться об упокоении таких предметов, как “лампа” или “графин”... И только по прошествии времени он овладел обязательным для священнослужителя Русской Православной Церкви умением расшифровывать слова, встречающиеся в поминаниях. “Лампа” следует произносить как “Олимпиада”, а “графин” — “Агриппина”.

Впрочем, встречаются и такие слова, которые расшифровке не поддаются. (Я, например, так и не смог понять, что имела в виду женщина, которая написала загадочное имя “Риголетта”.) Но и тут есть вполне благопристойный выход, в этом случае вслух произносится:— Ее же имя Ты, Господи, веси.

Архиепископ Киприан в свое время рассказал такую историю. В бытность его еще священником, служил с ним на приходе диакон, большой ценитель юмора. Однажды во время панихиды диакон обнаружил в записке некое немыслимое слово. (Владыка так и не повторил, что в точности там было написано.) Женщина, которая это вывела, вообще-то имела в виду слово “иеросхимонах”. (Согласитесь, что возможности для искажения тут богатые.)Так вот диакон с совершенно серьезным лицом обратился к батюшке:— Простите, я вот это слово не могу разобрать.Будущий Владыка прочел и невольно рассмеялся... И далее уже удержаться не мог, так и посмеивался до самого конца панихиды. Когда же она отошла, он обратился ко всем молящимся:— Я вам уже говорил и еще раз повторяю: если вы не знаете толком какого-нибудь слова или имени, не пишите его в записке... А то вот видите, меня в соблазн ввели — я на панихиде из-за вас смеялся...При этом Владыка добавлял еще вот что:— А если бы я им так не сказал, они меня бы обязательно за этот смех осудили.

Чтение записок вслух — совершенно необходидмый элемент современного богослужения. Прихожане внимательно это слушают, ловят знакомые имена из своих поминаний и особенно благоволят к тем священнослужителям, которые произносят

внятно и с видимым усердием.Мне рассказывали о некоем монахе из Почаевской лавры, который читал имена очень внятно, но чрезвычайно быстро, строчил, как пулемет… Кто-то решил над ним подшутить, и ему подсунули записку, где множество раз повторялось одно имя — “Тит”, а в самом конце было приписано “та-та-та”. И монах, как по нотам, воспроизвел:— Ти-та-ти-та-ти-та… Ти-та-ти-та-ти-та… Ти-та-ти-та-ти-та… Ти-та-ти-та-та-та-та…

За годы моего священства я собрал небольшую коллекцию поминальных записок. Кое-что из моего собрания я и хочу здесь воспроизвести.Самые простые искажения происходят по уже упоминаемой мной причине — незнакомые слова воспринимаются на слух. Вот, например, в ярославских храмах подаются специальные записки с именами людей, которым должна быть возглашаема “вечная память”. Для того, чтобы отличать эти поминания от прочих, на них пишут первые слова возглашения: “Во блаженном успении”… Так вот чего только ярославские старушки вместо этого не выводят: “Блаженные”, “По блаженству” и даже с фининспекторским уклоном — “во обложение”…Или слово — “отроковица”. Многие его толком не знают, но так как в храме постоянно слышат, то и пытаются воспроизвести кто во что горазд: “раковичку Ирину” или “девицу от рукавицы Зинаиду”,

Но есть и такие поминания, которые я бы отнес уже к жанру литургического творчества. В семидесятых годах одна женщина в храме города Мурманска за каждым богослужением подавала такую записку: “О упокоении дважды великомученика Владимира Ленина”. В конце концов, это стало известно органам компетентным, и она попала в психиатрическую больницу. Вышла она оттуда месяцев через шесть и больше “дважды великомученика” уже не поминала.

Вот еще один подлинный случай. К некоему батюшке подошла женщина и попросила его помолиться об упокоении души Владимира Ильича Ленина. Священник делать это категорически отказался, а свой отказ объяснил следующим образом:— Как известно, Ленин — вечно живой. А живых за упокой не поминают.

Одной верующей женщине пришлось в восьмидесятых годах сидеть в Краснопресненской пересыльной тюрьме. Соседка по камере заметила, что она молится, и сказала:— Я тоже одну молитву знаю. Только она мне почему-то не помогает.— А какую же ты молитву знаешь? — поинтересовалась та.— А вот какую, — отвечала соседка. — Помяни, Господи, царя Давида и бабку его Степаниду…(“Помяни, Господи, Давида…” — начальные слова 131 псалма, а уж “бабку Степаниду” очевидно приплели для

рифмы.)

В недавние времена в патриаршем соборе в Москве, когда там в клире состоял архидиакон С.Гавшев, кто-то подавал такую выразительную записку:“О здравии озлобленного архидиакона Стефана”.

Чаще всего творчество в поминаниях проявляется под самый конец записки. Поначалу идут самые обыкновенные имена, а финал бывает оригинальный:“Царя Давида и всю кротость его” (Цитата, псалом 131).“Всех военно-убиенных”.“Всех усохших сродников”.“Всех забытых и всех заброшенных”.“Всех сродников по плоти и крови до седьмого колена от Адама и Евы”.“Всех бывших младенцев”.“Всех видимых и невидимых младенцев”.

А вот целый пассаж, который я бы назвал поэтическим. (Сохраняю правописание подлинника.)“Всех воиных убиеных Всех млоденцов безимяных всех млоденцов умерших Всех безродных умерших Всех утопляющих Всех удавляющих Всех згорающих Всех убивающих и Всех умерших”.

Или вот такие лирические послания на тот свет:Вечный покой новопреставленной Раисе.Упокой, Господи, ее многострадальное тело.Возьми к себе ее ангельскую душу.(Подпись.)

За упокой Евгений.Царство тебе Небесное.Мир праху твоему.Пусть земля будет тебе пухом,Вечная тебе память.Низкий тебе поклон.Придет мой час —приходи за мной.Твоя Тамара.

За упокой Сергея.Мой любимый хороший я люблю тебя.Мой милый хороший я люблю тебя.Сережа мы с тобой встретимся лет через 50.Ларисаизвини за почерк(Подпись.)

И еще о творчестве. В простом народе еще живы старинные заговоры, которые в свое время собирал и опубликовал М.Забелин (“Русский народ, его обычаи, обряды, предания...”). Жанр этот не только существует, но, как видим, и модернизируется. Вот “молитва”, которая попала ко мне в 1989 году. Привожу ее полностью с сохранением всех особенностей подлинника.“молитвашел Господь Иисус Христос с востока вель собой 1012 ангелов 1216 апостолов встретились с ними Мати Божия сын мой куда Ты идешь я иду к новорожденой робе Божией Евдокии узнать откуда взялся рак рак откуда ты взялся от тоски или сердцем или от глаза или от жизни или от буйного ветра иди рак туда тут тебе небыть в рабе божеи Евдокии червоного кровь непить белого тела некрушить не косить не сушить иди рак в синию море пей рак морскую воду и глатай рак морской песок и глатай рак морской каменьаминь аминь аминь”.

В заключение еще несколько перлов из моей коллекции.“Убивенца Ивана”.“Беременную, первородящую

Клавдию”.“Ожидаемого младенца Юрия (Георгия)”.“Неопознанного младенца Сергия”.“Листопадную Марию”.

А вот записка жуткая, так что — мороз по коже:

“беземеныхдетей один оборт двахрадила и задушила”.(Это вообще распространено, убитых во чреве поминают как “безымянных”.)

Записка, свидетельствующая о дикости и темноте:“За упакой Ксению Питербурскуюцаря Давидачудотворца отца СирофимаКазанскую Божью МатьНиколая угодникаи всех святых”.

Святой мученик Вонифатий, живший в III веке, как верят православные русские люди, помогает исцелять пьяниц, и по этой причине ему весьма часто заказывают молебны. Одна старушка, которая молилась об исцелении от пьянства своего сына, написала имя святого по собственному разумению:“Мученик В и н о х в а т и й”.

Довольно много ошибок связано с написанием слова “новопреставленный”, т.е. недавно умерший. (Так поминают покойников до сорокового дня.) В записках пишут:“Вновь приставленная Анна”.“Мною представленная Таисия”.И, наконец, о той записке, что вынесена в заглавие. Она попалась мне лет двадцать назад в Скорбященском храме на Большой Ордынке. Там после некоего перечня имен было приписано:“и ногу приставленную”.Так написательница восприняла на слух все то же слово — “новопреставленная”.

Начал за здравие...

Хорошего здесь много, но дьяконов настоящих, как по-нашему требуется, нет; все тенористые, пристойные по-нашему разве только к кладбищам, и хотя иные держат себя очень даже форсисто, но и собою все против нас жидки и в служении все действуют говорком, а нередко даже и не в ноту, почему певчим с ними потрафлять хорошо невозможно. Н.Лесков. Соборяне

Начал за здравие, а кончил за упокой... Только священнослужитель, т.е. человек, которому приходится возглашать то “многая лета”, то “вечную память”, может вполне оценить прямую актуальность этой поговорки. Ошибиться здесь очень просто, и вот почему. “Многолетие” и “вечная память” — это как бы две самостоятельные дороги, но в одном месте они сходятся — в момент, когда называется какое-то конкретное лицо. Вот для наглядности нечто вроде схемы.

“Благоденственное житие

и сохрани его на многая лета”

подаждь, Господи, рабу Твоему (имярек)

“вечный покой

и сотвори ему вечную память”.

Тут важно, что называется, не проскочить развилку — после того, как произнес имя, не ошибиться, какое слово дальше — “сохрани” или “сотвори”...

В соборах и почти во всех многолюдных приходах “многая лета” и “вечную память” приходится возглашать диаконам, а посему именно с ними чаще всего и происходит этот конфуз — начал за здравие, а кончил за упокой... Мне известно, что

московский соборный архидиакон В.Прокимнов возглашал “вечную память” стоящему перед ним на амвоне Патриарху Алексию I. Точно так же поступил по отношению к Патриарху Пимену его архидиакон — о. Стефан Гавшев...

Я вспоминаю, как на обеде, который устроил в день своих именин Митрополит Ярославский Иоанн, соборный протодиакон о. А.Пижицкий чуть было не возгласил ему “вечную память”, во всяком случае “развилку”, “стрелку”, о которой я говорил, отец Александр уже проскочил. Начал он как полагается:— Благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение, во всем благое поспешение подаждь, Господи, рабу Твоему тезоименитому Высокопреосвященнейшему Иоанну, Митрополиту Ярославскому и Ростовскому, и сотвори...В этот момент секретарь Владыки ударил протодиакона по руке:— Сохрани!— И сохрани, — тут же поправился тот, — его на многая лета-а-а-а!

Итак — диаконы. Еще Лесковым замечено, что сан этот в Русской Православной Церкви создает определенные проблемы. Понятия о сути их можно получить, если вдуматься в слова некоего архиерея, который говаривал:— Я хочу создать совершенно новую школу диаконов. Все они будут у меня без слуха, без голоса, но зато совершенно непьющие и весьма благоговейные.

На эту же тему есть в Церкви краткая, но красноречивая поговорка:— Где голосок, там и бесок.

Не могу отказать себе в удовольствии сделать еще одну выписку из книги “Отзвуки рассказов И.Ф.Горбунова”.“Нередко в Москве и по сие время можно встретить любителей, бьющихся об заклад, какой диакон перещеголяет других своим голосом.Однажды лучший диакон спился, голос свой пропил. Купцы составили совет, что делать, и решили диакона переменить, и послать искать нового в Сибирь, так как лучший диакон всегда и д е т и з С и б и р и. Искали долго, наконец нашли одного. Горбунов прибавлял в шутку: в т а й г е л е ж а л. Роста громадного, голосище страшный, только уж выпить любил. А как выпьет, не подходи — зверем становился. Однако и его укротили: продернули ему в ноздри кольцо и за ноздрю привели в Москву... Прямо на тройке в баню, а оттуда в Успенский собор...А старый-то диакон еще не уволен. Собрались купцы слушать нового диакона — бьются об заклад. Выносят Евангелие. Вновь приведенный как хватит конец высокой нотой, только окна

задребезжали и рамы затряслись...На клиросе купцы обступили старого диакона:— Видишь, — говорят, — не то, что ты...— Ладно, — говорит, — я его на "рцем вси" смажу!И смазал. Вышел из Алтаря и глубокой октавой:— Рцем вси от всея души...”

До сих пор в православной среде бытуют новеллы о легендарном архидиаконе начала века — отце Константине Розове. Рассказывается не только о его изумительном голосе, но и о богатырском телосложении (рост 2 аршина 14 вершков), а также и о том, что он мог выпить четверть водки.Дочь о. К.Розова сравнительно недавно опубликовала в “Журнале Московской Патриархии” (1989, № 6) подлинный рассказ старого москвича:“Раньше Каменный мост был небольшой, как-то раз бежит по мосту корова, а за ней хозяйка. Навстречу ей идет Розов. Она кричит ему:— Батюшка, останови телку!А он как гаркнул — корова и сиганула в Москву-реку. Женщина плачет, причитая:— Что ж ты, батюшка, сделал? Ведь она — моя кормилица.А батюшка достал из кармана деньги, извиняясь, отдал ей. Та увидела и ахнула:— Батюшка, на эти-то деньги три коровы купить можно!”

А вот история, которую рассказывал покойный Патриарх Пимен.Как-то в морозный вечерок на праздник Крещения отец Константин шел в некотором подпитии по набережной Москвы-реки. К нему сзади подкрался карманный воришка и запустил руку под его меховую рясу. Архидиакон почувствовал это, крепко ухватил воришку за руку и тут же свел его на лед реки. Затем он отыскал прорубь, взял своего пленника за шиворот и с пением — “Во Иордане крещающуся Тебе Господи...” — окунул вора в ледяную воду, а после этого отпустил на все четыре стороны.

В диаконском служении знатоки очень ценят внятное и громогласное чтение Евангелия на литургии. Хороший протодиакон произносит слова раздельно, с большими паузами. Когда-то по этой причине произошел даже некий конфуз. До Революции в Глинскую, если не ошибаюсь, пустынь торжественно привезли чудотворную икону — Курскую Коренную. За литургией протодиакон читал Евангелие от Луки, которое положено читать на все богородичные праздники. Там есть обращение Спасителя: “Марфо, Марфо”... В этом место протодиакон сделал особенно значительные паузы:— Марфо... Марфо...И тут какая-то простая баба ответила на весь храм:— Чего, батюшка?..Эта фраза в Евангелии гласит: “Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе...” Известен случай, когда в храме Ленинградской духовной

академии протодиакон оговорился и громовым голосом возгласил:— Марфо... Марфо... почешися...

Завершить эту тему я хочу конфузом, который произошел на моих глазах. В храме на Ордынке в день престольного праздника — явления иконы “Всех скорбящих Радость” архидиакон С.Г. вышел на литургии читать Евангелие. Но он открыл книгу неправильно и стал произносить тот текст, который положен на всенощной... Затем, опомнившись, он поскорее перевернул листы и перешел в то место, которое и следовало ему читать. В результате он прочел вот что:— Во дни оны, воставши Мариам, иде в Горняя со тщанием, во град Иудов, и вниде в дом Захариин, и целова Елисавет... И сестра ей бе нарицаемая Мариа, яже и седши при ногу Иисусову слышаще слово Его...И далее все до конца.(Смотри Евангелие от Луки главы 1 и 10.)

И еще одна подлинная история. Некий диакон сослужил архиерею. На литургии в положенный момент он встал на амвоне и с пулеметной скоростью начал:— Елицы оглашеннии, изыдите, оглашеннии изыдите, елицы оглашеннии, изыдите...Архиерей, стоявший в Алтаре перед Престолом, повернул к диакону голову и вполголоса произнес:— Помедленней! Помедленней!Находясь в некотором распалении, диакон владычних слов не расслышал. Тогда он сделал в сторону паствы властный, предостерегающий жест и громко возгласил:— Оглашеннии, подождите!А затем почтительно обратился к архиерею:— Простите, Владыка, что вы сказали?..

В семидесятых годах мне часто приходилось бывать в Ленинграде. Там, помнится, было несколько очень хороших протодиаконов. С одним из них произошел курьезный случай в Великую Субботу.В этот день за утренним богослужением читается 15 паремий — текстов из книг Ветхого Завета. Обыкновенно их читают псаломщики или младшие диаконы, а протодиакон в это время находится в Алтаре и должен время от времени возглашать “Премудрость!” и “Вонмем!”...Так вот после этой самой службы отец протодиакон ехал в троллейбусе от Александро-Невской лавры. Сказывалось утомление от сегодняшнего продолжительного богослужения, да и от всей Страстной седмицы... Сидя в троллейбусе, он задремал. В это время водитель резко притормозил, и стоящий над дремлющим клириком пассажир инстинктивно ухватился за его плечо... Эффект вышел самый неожиданный — протодиакон встрепенулся и страшным голосом взревел:— Премудрость!..

Среди самых знаменитых протодиаконов в двадцатые годы был покойный М.Д.Михайлов. Затем его переманили в театр, работать там было, разумеется, безопаснее. Но он притом от религии не отрекался, никаких кощунственных заявлений не делал. Когда он умер, Патриарх Пимен благословил отпеть его в облачении и поминать как протодиакона.

В артистической карьере М.Д.Михайлова был такой эпизод. Он снимался в печально известном фильме “Иван Грозный”, исполнял там роль протодиакона в сцене коронации царя. Мне рассказывали, что он, в конце концов, очень обиделся на киношеников, ибо, возглашая “многолетие”, он блеснул профессионализмом — тянул последнее слово едва ли не две минуты... А в готовом фильме это сильно урезали.— Что же теперь про меня диаконы скажут? — сетовал он. — Михайлов “многая лета” пропеть не может...

Забавное происшествие было и во время самой съемки. Надо сказать, что постановщику фильма С.Эйзенштейну разрешили снимать в Кремле, в Успенском соборе, т.е. в том самом месте, где это и происходило. Можно себе представить, как киношники набились в храм, затащили осветительные приборы... У Эйзенштейна, как известно, совершенная композиция кадра была едва ли не главной целью, а потому недоразумение, возникшее у него с М.Д.Михайловым, особенно забавно. Итак, к съемке было все готово: протодиакон стоит на амвоне, звучат команды — “Свет!”, “Камера!”, “Начали!”... Михайлов поворачивается спиною к режиссеру и оператору и начинает говорить ектению...— Стоп! — истерически кричит Эйзенштейн. — Вы почему туда повернулись? Камера здесь!— А мне что ваша камера? — отвечает с амвона Михайлов. — Алтарь-то вот он...

Архиепископ Киприан рассказывал, что интронизация Патриарха Алексия проходила весьма торжественно, было множество высоких иностранных гостей, все московское духовенство. М.Д.Михайлов в гражданском костюмчике стоял на клиросе, и по щекам его текли слезы зависти. Ведь если бы он не ушел в театр, то был бы одной из самых первых фигур этого всеправославного торжества...

Владыка Киприан рассказывал мне и о другой московской знаменитости — протодиаконе Михаиле Холмогорове. Он говорил, что в свое время ценители красоты богослужений

делились на две партии — поклонников Михайлова и почитателей Холмогорова. (Сам Владыка был среди последних.) При этом Холмогоров сохранил верность Церкви в самые трудные времена. А соблазны были и у него. Раз его уговорили спеть что-то такое на радио. И он согласился... Однако же, дойдя до двери радиодома, раскаялся и не вошел.

Будучи еще священником, архиепископ Киприан служил с одним диаконом. Как-то на молебне этот диакон громогласно помянул некую “девицу со чады”.Когда служба отошла, будущий Владыка говорит ему:— Ты что же, отец диакон, девицу-то позоришь?— А что такое?— Какие же у девицы могут быть чада?— А я это не подумал. Я просто хотел ее получше помянуть...

Вспоминается мне некролог по одному маститому протодиакону, напечатанный в свое время в “Журнале Московской Патриархии”. Писал его человек, как видно, весьма далекий от приходской жизни. В частности, повествуя о благочестии покойного, автор упомянул, что тот на ектеньях читал не только общий синодик, но и многочисленные записки, которые у него всегда были при себе. (А это последнее доказывает вовсе не набожность, а то, что у покойного была, так сказать, своя клиентура и притом, надо думать, обширная.)

Одна старая москвичка в свое время была свидетельницей скандальной ошибки, которую совершил протодиакон, сослужащий сразу двум Патриархам — Российскому и Грузинскому. Дело было в пятидесятых годах. Московским первосвятителем был Алексий I, а Тбилисским, очевидно, Ефрем. В конце богослужения протодиакон возглашал многолетия — сначала предстоятелю Российской церкви, а затем он должен был произнести:— Великому Господину и Отцу Ефрему — Святейшему и Блаженнейшему Католикосу-Патриарху всея Грузии, Архиепископу Мцхетскому и Тбилисскому — многая лета!Однако же непривычное слово “католикос” протодиакона сбило, и у него вышло так:— Великому Господину и Отцу Ефрему — Святейшему и Блаженнейшему Католикосу всех армян — многая лета!Тут я приведу подлинные слова свидетельницы этого драматического эпизода. Она рассказывала, что грузинский иерарх, которого публично объявили “католикосом армян”, пришел в совершенное неистовство, глаза его сделались, как “у бешеного рака”...

Я довольно близко знал лишь одного протодиакона — отца

Константина Егорова, который до смерти своей служил в Скорбященском храме на Большой Ордынке. По незлобивому своему характеру, да и по развитию, это был сущий младенец. В церковном хоре он пел с детства, а потом долгие годы был оперным певцом. Пик его сценической карьеры был, кажется, музыкальный театр Уфы, где он был солистом. При этом злые языки утверждали, что на всех спектаклях, в которых он участвовал, из-за него обязательно происходило какое-нибудь недоразумение. То же самое частенько происходило и на богослужениях.Помню, как-то на всенощной, в последней, просительное ектенье он вдруг произнес:— О предложенных честных Дарех Господу помолимся.(Это — из последования литургии, а на всенощной смысла не имеет.)

В день Святители Николая служится торжественный молебен, в конце которого архиерей должен был читать молитву. Протодиакону надлежало возгласить:— Иже во святых отцу нашему Николаю, архиепископу Мир Ликийских, чудотворцу помолимся!Отец Константин пожевал губами и произнес:— Отцу Николаю помолимся!Архиепископ Киприан прочел молитву. Молебен кончился.Уже в Алтаре Владыка сказал:— Хорошо, что хоть в клире нашем отца Николая нет, а то совсем бы уж неловко было...

Помню два случая, когда протодиакон выводил архиерея из терпения. Первый — на вечерне в Прощеное воскресение. Отец Константин, как видно, после литургии “заговелся”, а потому вечером явился в храм несколько более оживленным нежели обычно.После входа он встал рядом с архиереем на горнее место и запел прокимен, но перепутал слова — вместо “Не отврати лица Твоего от отрока Твоего...” — у него вышло:— Не отврати лица моего от отрока Твоего...

Другой раз отец Константин рассердил архиерея в Великую Субботу. Ему довелось читать на утрени Апостол — послание к Коринфянам. Там несколько раз встречается слово “квас” — “мал квас”, “ветхий квас”, “квас злобы и лукавства”. А под конец говорится: “Писано бо есть: проклят всяк висяй на древе”. Вот протодиакон и прочти после всего этого:— Проклят квас висяй на древе...После службы архиепископ долго не мог успокоиться:— Ну как это можно так сказать: квас висяй на древе?..Один из батюшек, чтобы несколько разрядить обстановку, говорит:— Ну, а если в кувшине, Владыка?

Царствие небесное отцу Константину!.. Повторяю: был он незлобив и наивен, как младенец, и это проявлялось во всем.Перед служением литургии священник спрашивает его:— Вы сегодня приобщаться будете?Протодиакон озабоченно осматривается и произносит:— Надо бы причаститься... Сегодня не в приделе — в главном храме служим...

Надо добавить, что я старого протодиакона любил и всегда старался ему услужить. (Хотя, честно говоря, мне не нравилась его театрализованная манера служить.) Раз, помню, перед службой он обращается ко мне:— Я служебник забыл... Сходи в раздевалку, там у меня в кармане подрясника.Всенощная должна вот-вот начаться, я поспешил, отыскал его подрясник, сунул руку в карман и чуть не вскрикнул от боли — мне в ладонь вонзилось что-то острое. Это был штопор, который находился в кармане вместе с маленьким служебником...

Среди диаконов распространено убеждение. что для лучшего звучания голоса надо непременно выпить спиртного. Это мнение кратко выражено в такой поговорке:— Без бокала — нет вокала.Покойный отец Константин в этом отношении исключением не был, но при том имел пристрастие к каким-то немыслимым “вермутам” и “портвейнам”. И во время всенощных наш протодиакон частенько пребывал в состоянии особливого воодушевления. Не станем, однако же, строго судить его, ибо даже Лесков свидетельствует — и в его время протодиаконы были тех же мыслей.В примечании к шестой главе “Мелочей архиерейской жизни” писатель упоминает о харьковском “случае, когда анафему архиерею хватил посреди собора в День Православия его же соборный протодиакон. Но тут систематического было только то, что прежде чем хватить анафему своему архиерею, отец протодиакон хватил дома что-то другое, без чего будто бы этим особам “нельзя выкричать большое служение”. Епископ Филарет Гумилевский (историк Церкви), которого это ближе всех касалось, однако, очевидно, не считал это ни за что систематическое: он хотя и наказал виновного, но не строго и не мстительно”.В той же главе Лесков пишет и о “соборной истории киевской, когда была провозглашена анафема епикопу Филарету Филаретову (впоследствии епископу Рижскому)”.Любопытно, что обе эти истории произошли в свое время с архиереями, носящими имя “Филарет”, и обе — на Украине. Я готов искать тут некоторую закономерность, ибо мне известна еще одна “соборная история киевская”, происшедшая уже в наши дни. Тамошний протодиакон тоже хватил перед

всенощной то, без чего “нельзя выкричать большое служение”. И вот будучи при этом в какой-то обиде на своего правящего архиерея — Митрополита Филарета, а также на его викария епископа Варлаама, в молитве “Спаси, Боже, люди Твоя...” в числе прочих святых протодиакон помянул также — “Филарета и Варлаама, киевских чудотворцев”. И надо прибавить, был этими “чудотворцами” примерно наказан.

Окончить эту часть повествования мне хочется еще одной подлинной историей. В семидесятых еще годах некий диакон удостоился чести сослужить архангельскому архиерею. После службы Владыка благословил одному монаху, который ездил в собственном автомобиле, отвезти отца диакона по требуемому адресу. Монах этот то ли был унижен самим поручением архиерея, то ли диакон ему очень не понравился, но он поступил следующим образом. Выбрав место весьма глухое и безлюдное, он остановил машину и буквально вышвырнул своего пассажира с такими словами:— На всю жизнь запомни: монашество выше диаконства!Эта отчасти сакраментальная фраза поможет нам перейти к следующей главе — о монашестве, которое иносказательно именуется “образ ангельский”.

Крещеная вера

Хороша бы после этого вышла и вся крещеная вера!
Н.Лесков. Некрещеный поп

Для меня и для многих единомысленных со мною священников самая неприятная, самая тягостная треба — крестины. В нашей Церкви сложилось положение, при котором мы почти всегда вынуждены крестить младенцев у неверующих родителей и при таких же воспреемниках. И переменить это в ближайшем будущем будет чрезвычайно трудно, почти невозможно.Я сам пытался и пытаюсь заниматься катехизацией, но из этого практически никогда ничего не выходит. Люди, приходящие в храм с одной единственной целью — окрестить своего младенца, не понимают, по существу не слышат слов священника о важности этого таинства, об ответственности, которую оно налагает на крещаемого и воспреемников. Не следует забывать, что люди — советские, у них совершенно определенное понятие о некоторых своих правах: они сюда пришли, готовы заплатить (или уже заплатили деньги), а потому священник обязан их “обслужить”.Ты им говоришь:— Ведь вы сами не верите в Бога, зачем же вы хотите крестить ребенка?Они отвечают:— Как же, мы — русские. Надо крестить.Или еще лучше — вторят персонажам Лескова:— Мы все крещеной веры.

По поводу этого распространенного ответа мой приятель священник сделал тонкое замечание:— Вдумайтесь, они говорят о себе совершенно точно: крещеная вера. То есть они верят в некую мистическую силу Таинства Крещения. Они никогда не скажут: Христова вера, поскольку о Христе они ничего не ведают и в Него не верят.Действительно, Таинство Крещения — увы! — окружено суевериями. Широко распространено такое мнение: крещеный младенец болеть не будет, а некрещеный непременно будет.А еще и такое я неоднократно слышал от старых женщин:— Я некрещеного и на руки ни за что не возьму.

Как-то раз подошел ко мне молодой человек и попросил окрестить сына.Я говорю:— Зачем тебе его крестить. Ты же в Бога не веришь...Он отвечал совершенно честно:— У моей жены бабушка говорит: “Я с некрещеным сидеть не буду”. А мы с женой

оба работаем... Вы уж помогите нам, пожалуйста...

Надо сказать, я до этой минуты так и не могу с определенностью решить для себя вопрос — следует ли категорически отказывать в Крещении детям неверующих родителей... Один архиерей, с которым я поделился своими сомнениями, сказал, что отказывать не следует, и прибавил:— За крещеных Церковь молится.

Есть и еще один, так сказать, косвенный довод в пользу этого мнения. Я имею в виду сатанинскую злобу, с которой еще так недавно преследовались у нас те, кто осмеливался крестить своих младенцев. В Ярославле, например, за это выбрасывали из очереди на получение квартиры и прочие “пакости деяху”. Притом от приходов требовалась неукоснительная регистрация всех крестин, родители обязаны были предъявлять свои паспорта и собственноручно заполнять анкеты.

В маленьких сельских храмах можно заниматься катехизацией. Я, например, взрослых крещу не иначе, как если они хотя бы по бумажке читают Символ веры...Но вот несколько лет назад я попал на многоштатный городской приход. Там все это дело поставлено на поток — крестины оформляют за ящиком. И вот ты входишь в комнату, где совершается Таинство, и видишь перед собою целую толпу людей, которые уже заплатили деньги и теперь ждут, чтобы их “обслужили”. И почти все они — нецерковные, стоят даже семидесятилетние старухи, которые лба не умею перекрестить. Обстановка жуткая — помещение тесное, дети плачут, духота... Ты едва успеваешь перекинуться несколькими словами со взрослыми крещаемыми, а уж до воспреемников и младенцев дело не доходит.Подходишь к взрослому парню.— Ты чего вздумал креститься?Он не знает, что сказать.Тут вступает в разговор тот, кто его сюда привел:— А как же? Он ведь русский...— Для Церкви это не имеет значения, — говорю я. — Для того, чтобы креститься, надо верить в Бога. Ты в Бога веришь?По большей части отвечают:— Верю.Иногда услышишь и такое:— В чего-нито верю...Иногда на вопрос о вере в Бога сам желающий креститься вообще не отвечает.Тогда опять-таки вступает в разговор родственник:— Он верит, верит...— Так, — говорю я, — а в какого же Бога ты веришь?Опять недоуменное молчание.Я ставлю вопрос иначе:— Как Имя Того Бога, в Которого ты веришь?И тут многие говорят:— Иисус Христос.(Но так отвечают вовсе не все. Иногда слышишь — “Илья-пророк” или “Святой Николай”. А одна девушка на вопрос о том, как зовут

Бога, простодушно сказала мне: “Батюшка”.)

Довольно часто на вопрос — отчего ты решила креститься? — можно услышать:— Я замуж выхожу.(Это означает, что родственники жениха не позволяют ему жениться на некрещеной.)

Помнится, возвращаюсь я после поездки на требу в храм. Вижу, у входа стоит женщина лет пятидесяти и молоденькая девушка, лет семнадцати, хорошенькая, но с безобразно накрашенной физиономией.Женщина обращается ко мне:— Вот она хочет креститься.Я говорю девушке:— А зачем тебе креститься, если ты в Бога не веришь?— Я верю.— В какого же ты Бога веришь?И вдруг она говорит:— В единого.Эта неожиданная цитата из Символа веры удивляет и радует меня. Я говорю:— Хорошо. Приходи как-нибудь утром, и я тебя окрещу... Только когда в церковь пойдешь, морду не мажь.Она тут же возражает:— У меня — не морда!— Вот придешь ко мне ненакрашенная, тогда скажу, что у тебя — лицо.

В практике современных крестин есть смутительный момент. Перед тем, как подойти к купели, крещаемый должен раздеться, а потом на него надевается чистая рубаха. И тут приходится волей-неволей просить раздеться взрослых женщин и девиц. В некоторых храмах заведены специальные простыни, чтобы они могли на какое-то время завернуться. А кое-где для этой цели сшиты специальные просторные полотняные рубашки.Такие рубашки существовали в Ташкентском соборе после войны, когда епископом там был Владыка Гурий (Егоров). Хранились эти одеяния в специальной комнатке, примыкавшей к крестильному помещению, там же лежали и ризы для совершения треб. Однажды пришла креститься взрослая девушка. Священник привел ее в эту комнатку и сказал:— Разденьтесь, а потом наденьте на себя рубашку. Вон они там лежат.После этого он удалился и стал готовиться к совершению Таинства. Через некоторое время он обернулся и с ужасом увидел за собою девицу, у которой на голое тело была надета священническая фелонь. Она, очевидно, решила выбрать себе “рубашку” понаряднее...

Пришла ко мне в храм молодая женщина.— Батюшка, у меня мама умирает. Рак у нее. Но мы бы хотели похоронить ее по-человечески... А она у нас некрещеная...— В таком случае, — говорю, — ее надо немедленно крестить.— А нельзя ее просто

побрызгать святой водой?— Нет, нельзя. Над нею надо совершить Таинство Крещения.— А как же мы ей скажем?.. Мы ей боимся сказать... Она не знает, что у нее рак...— Да вы ей не говорите о смерти. Вы ее спросите, не хочет ли она креститься?.. Может быть, после этого ей лучше будет...— А если она некрещеная, в Церковь ее приносить нельзя?Тут уже я не выдержал.— Жить по-человечески, по-христиански — вы не хотите. Умирать по-христиански, по-человечески — не хотите! А хоронить своих покойников хотите по-христиански!Тут следует добавить, что в тот раз все совершилось как нельзя лучше. Я пошел домой, наставил, как мог, умирающую, она вполне сознательно крестилась и тут же приобщилась Святых Христовых Тайн.

Весьма любопытные истории случаются при крещении маленьких цыганят. (Тут надобно заметить, что цыгане в массе своей отличаются отнюдь не религиозностью, а сильнейшими суевериями.)ужасом увидел за собою девицу, у которой на голое тело была надета священническая фелонь. Она, очевидно, решила выбрать себе “рубашку” понаряднее...Зимним морозным днем в храм явилось несколько цыган с целью окрестить ребятишек. Начались приготовления к таинству, и по случаю сильных холодов в купель влили подогретую воду — дабы не простудить детей. В этот момент к священнику приблизился старый цыган, он бесцеремонно сунул в сосуд свою руку и решительно сказал:— Ты, батя, мне цыганят не порти. Крести их в холодной воде — крепче будут!

В одну из церквей пришла толпа цыган, желающих окрестить младенца. Треба была оформлена официально, и они заплатили деньги за крещение одного ребенка. Затем вся компания выстроилась перед купелью, и не успел священник приступить к чинопоследованию, как началось то, что можно было бы наименовать “чудесным умножением младенцев”.Цыгане стали переговариваться:— А Васька-то где?.. А Наташка?.. А Ванюшка?..И тут из-под пестрых юбок и еще нивесть из каких мест стали появляться многочисленные “Васьки” и “Наташки”, так что вместо одного ребенка священнику пришлось окрестить едва ли не дюжину цыганят.

Вот рассказ моего знакомого батюшки:— К нам в церковь принесли крестить пять или шесть цыганских младенцев. Но только я начал совершать таинство, дети стали плакать, да так

громко, что я не слышал собственного голоса... И вдруг я заметил, что взрослые все время щиплют ребятишек, а те орут благим матом. Тогда я оторвался от требника и говорю цыганам: “Что вы делаете? Зачем же вы мучаете своих детей?” Они мне отвечают: “Ты, батя, свою Библию читай, а в наши цыганские дела не вмешивайся...” Но я им сказал: “Пока не перестанете щипать детей, я продолжать крестины не буду”. Спрашиваю: “Для чего вы это делаете?” Они мне говорят: “А у нас поверье такое: чем больше они сейчас будут плакать, тем меньше слез прольют в дальнейшей жизни — после крестин”. В конце концов цыгане меня послушались и щипать малюток перестали, но те все равно плакали до самого окончания требы...

И еще одна характерная история. Некоему священнику довелось крестить целую группу цыганских ребятишек. Таинство было совершено, детей одели, и цыгане стали покидать храм... Но тут батюшка вдруг заметил, что с аналоя, стоящего возле купели, исчез напрестольный крест.— Стойте, стойте! — закричал священник. — Верните крест!— Какой крест? — послышались возгласы. — Не видали мы никакого креста!И все цыгане поспешили к выходу.Но батюшка оказался весьма находчивым. Он тотчас же схватил за руку одного из только что окрещенных детей, подвел его к купели и объявил:— Если вы мне сейчас же не вернете крест, я буду вашего цыганенка “раскрещивать”!..И он сделал вид, будто собирается начать некое священнодействие...Одна из цыганок тут же подбежала к купели и выложила на аналой похищенный было крест.(Для несведущих надлежит сделать примечание. Таинство крещения совершается над человеком один раз в жизни и никоим образом не может быть изглажено. Так что угроза находчивого священника была абсолютно нереальной, но, как видим, возымела действие на невежественных святотатцев.)

Теперь я хочу вернуться к недавнему времени, когда власти пытались пресекать крещения, во всяком случае снизить их число до минимума. Неразумная эта политика целей своих отнюдь не достигала, ибо те, кто боялся неприятных последствий, все же находили какой-то выход, и почти всем удавалось крестить своих младенцев нелегально. Кто-то с этой целью отправлялся на дальний деревенский приход, где контроль властей практически отсутствовал, а кто-то приглашал батюшку к себе домой. Эта практика в больших городах была весьма распространена. В Ярославле я знавал по крайней мере двух священников, которые в штате не состояли, но тем не менее безбедно существовали

именно за счет “нелегальных” крестин. На профессиональном поповском жаргоне такие требы назывались “шабашками”.Вот отрывок из монолога такого “шабашника” (записано дословно). Этот священник стоял в коридоре Тамбовского, как помнится, епархиального управления и с жаром рассказывал своим собратьям:— ...а тут староста ведет мне еще целый батальон крестить и говорит: “Батюшка, все деньги ваши...” Ну, я давай их макать!

Существенную проблему для таких шабашников представлял способ получения Святого Мира. (Ибо Таинство Крещения в Православной Церкви совершается вместе в Таинством Миропомазания.) Миро — благовонная жидкость, приготовляемая из оливкового масла, натурального вина и множества прочих душистых ингредиентов, освящается оно самим Патриархом или иным архиереем по благословению Святейшего. Священники получают Миро в епархиальном управлении, часто порядок таков, что его выдает только сам правящий архиерей.Мне рассказывали, как в Ярославской епархии за Миром прибыл один чудаковатый священник. Ему не повезло, он потерял несколько часов, но требуемой святыни так и не получил. Уходя, этот батюшка громко заявил присутствующим:— Ну и не надо мне вашего Мира. Я сам себе сварю. Мое Миро будет лучше вашего.

И еще касательно Святого Мира. Это, повторяю, — великая святыня, и по установлению оно должно храниться в серебряном или хрустальном сосуде в Алтаре, на Престоле вместе со Святыми Дарами.

Протодиакон Ярославского кафедрального собора покойный о. А.Пижицкий рассказывал мне, что они с Митрополитом Иоанном при посещении одного из приходов увидели, что священник хранит Святое Миро в пузырьке из-под одеколона с выразительной надписью — “Жди меня”... На мой взгляд, это имеет даже некоторый эсхатологический оттенок.

“Образ ангельский”

Разве вам нестерпимое монашеское самолюбие неизвестно? Н.Лесков. Заметки неизвестного

Я как-то читал, что профессору В.О.Ключевскому пришлось обращаться с речью к учащимся Духовной академии, часть из которых к этому времени приняла монашество. Знаменитый историк начал так:— Друзья мои! Вы — уже принявшие “образ ангельский”, и вы — еще сохранившие образ человеческий...

Монашествующие, “чернецы”, издавна пользовались у православных русских людей высочайшим уважением. Существенных причин тому по крайней мере две: большая часть святых, подвижников, истинных угодников Божиих на Руси — именно преподобные, монахи, а кроме того, по древнейшей православной традиции епископами могут быть только монашествующие.

Митрополит Ярославский Иоанн рассказывал мне, что в свое время был в дружеских отношениях с протоиереем П.Гнедичем, одним из преподавателей Московской Духовной академии. Они часто сиживали в келии о. Петра и вели беседы. Как-то взялись они рассуждать о “черном духовенстве”. Разговор шел примерно так:— Кем хочет стать иеромонах?— Иеромонах хочет стать архимандритом.— Кем хочет стать архимандрит?— Архимандрит хочет стать епископом?— Кем хочет стать епископ?— Епископ хочет стать митрополитом.— Кем хочет стать митрополит?— Митрополит хочет стать патриархом.— А кем хочет стать патриарх?— А патриарх хочет стать святым.Я когда-то пересказал это архиепископу Киприану.Он улыбнулся, а потом заметил:— Я знавал четырех патриархов — Тихона, Сергия, Алексия и Пимена — и ни один из них не был ханжою. А святым хочет стать только ханжа.

Мне рассказывали о некоем архимандрите, который много лет домогался епископского сана, с этой целью регулярно посещал Москву и вел беседы с одним из членов Синода.В одном из таких разговоров Митрополит ему сказал:— Поверьте, дорогой отец архимандрит, в моем сердце — вы давно уже архиерей...

Рассказывают и такое. Скончался некий архимандрит. В его келье под кроватью обнаружили чемодан, где было аккуратно сложено приготовленное на случай хиротонии архиерейское облачение. А поверх всего находилась каллиграфическим почерком переписанная речь, которую покойный намеревался произнести при наречении его епископом. Первые слова были такие:— Никак не ожидал...

У меня есть знакомый священник, человек довольно крутого нрава. Когда гнев этого батюшки обращается на его матушку, то она смотрит на мужа с кротостию и проникновенно говорит:— В архимандриты рвешься?..

Надо сказать, что монашествующие — даже самые благочестивые из них — с древнейших времен вовсе не чуждались юмора. Есть свидетельства о том, что со своими учениками шутил Святой Антоний Великий, то же самое позволял себе и Преподобный Серафим Саровский...

Как некое наглядное доказательство позволю себе привести здесь старинный церковный анекдот, который, по всей видимости, возник именно в монашеской среде. Некий подвижник шел по пустыне и вдруг заметил, что навстречу ему идет лев. Предчувствуя неминуемую гибель, монах взмолился:— Господи, сделай так, чтобы лев этот стал православным.И чудо свершилось — лев встал на задние лапы, передние воздел к небу и человеческим голосом произнес молитву, которую православные читают перед вкушением пищи:— Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пищу во благовремении, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животно благоволения...

В 1996 году в Москве вышла книга под названием “Отцы-пустынники смеются”. Выпустили ее католики-францисканцы, но речь там идет о великих старцах, которые во времена стародавние подвизались в египетских пустынях. Я не могу отказать себе в удовольствии сделать несколько выписок из этого замечательного издания.

“Один человек сказал великому Антонию:— Ты самый великий монах на всем Востоке!— Дьявол мне это уже говорил, — отвечал Антоний.

Некий мудрец века ссего посетил однажды авву Зенона.— Отче, — спросил он, — можешь ли ты сказать мне, что такое философ?— Философ — это слепец, который ищет в темной комнате черную кошку, когда ее там нет, — отвечал старец.— А кто же тогда богослов?— Богослов это то же самое, но иногда он находит кошку...

Однажды епископ посетил монастырь в пустыне. Братья, жившие там только на хлебе и воде, лезли из кожи вон, чтобы приготовить для епископа подобающую трапезу.В конце обеда, трепеща, они спросили его:— Владыка, как ты нашел нашу козлятину?— Случайно, под листиком салата, — отвечал епископ.

Старец упрекал молодого монаха:— В твоем возрасте я работал по десять часов в день, а еще десять проводил в молитве.Молодой монах отвечал:—Я восхищаюсь твоим юношеским рвением, отче, но еще больше меня восхищает твоя зрелость, благодаря которой ты оставил эти крайности.

Один из старцев Скитской пустыни страшно косил глазами. Однажды на узкой дорожке он толкнул брата, шедшего навстречу, и заметил ему:— Брат, тебе бы следовало лучше смотреть, куда ты идешь.— А тебе, отче, следовало бы лучше идти туда, куда ты смотришь.

Одного старца как-то спросили:— Почему это, отче, всякий раз, когда брат, живущий с тобою в келье, принимается петь псалмы, ты высовываешься в окно?— Чтобы никто не подумал, что я его истязаю.

Один старец сказал:— Адам оказался первым из длинной чреды мужей, жалующихся на пищу, полученную от жены.

Другой старец говорил:— Я помню, прежде женщины, смущаясь, краснели. А теперь они смущаются, если покраснеют.

Авва Филатерий однажды сказал:— Женщины догадываются обо всем. Ошибаются они только тогда, когда думают.

Когда авва Виссарион решил отправиться в пустыню, группа молодых бездельников окружила его.— Куда ты бежишь, Виссарион? Разве ты не знаешь, что дьявол умер?— Примите мои соболезнования, бедные сиротки, — отвечал им святой старец.

Ну, а теперь вернемся к нашим временам.Наместник одного из монастырей рассказывал, что как-то раз явился к нему старый монах, который когда-то подвизался в обители, впоследствии разоренной.— А какое же у тебя там было послушание? — спросил отец наместник.Тот стал двигать руками так, будто дергает веревки, и, имитируя колокольный звон, приговаривал:— Все монахи — воры, воры!.. Все монахи — воры, воры!.. Архимандрит — плут, плут!.. Архимандрит — плут, плут!..

Мне пересказывали грубоватую шутку Митрополита (Патриарха) Сергия. Он поучал какого-то монашествующего, впавшего в плотской грех, и предостерегал его от регистрации брака.— Ты на бабу лезь, на бабу, а не на бумагу!..

Однажды некие клирики провожали своего архимандрита, который ехал на встречу с правящим архиереем. (А архимандрит тот был человек капризный и нрава нервозного.) Одного из провожавших спрашивают:— Ну, как? Проводили отца архимандрита?— Проводили, проводили... Прямо как апостолы Христа...— То есть в каком же это смысле?— “Возвратишася с радостию великою”... (Лк. 24, 52).

Архиепископа Лазаря постригали в монахи в Почаевской лавре. В первые дни после этого события, где бы ни появлялся новопостриженный, братия дружно приветствовала его евангельским возгласом:— Лазаре, гряди вон! (Ин. 11, 43).

А вот шутка, которая возникла в восьмидесятых годах среди братии Оптиной Пустыни.— Какие слои населения наиболее вовлечены в перестройку? Рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция и передовое советское монашество...

По русской традиции при наречении монахов выбираются имена по возможности малоупотребительные. В этой связи мне вспоминается рассказ монахини Надежды, одной из сестер знаменитой в Москве Марфо-Мариинской обители. Священник, который служил у них, отец Вениамин, был в свое время пострижен с именем “Елевферий” и под конец жизни стал Ленинградским Митрополитом. После пострижения престарелая его тетка жаловалась близким:— Венечку-то моего как обидели?.. Ведь какое имя красивое было — Вениамин... А теперь — Елиферь какая-то...

Насельник Троице-Сергиевой лавры архимандрит М. отличается острым языком и изрядным чувством юмора. Однажды он услышал, как опоздавший на трапезу обратился к присутсвующим со словами:— Приятного аппетита.Отец М. задумался на секунду и сказал:— Когда говорят: “Мир всем”, надо отвечать: “И духови твоему”. А когда говорят: “Приятного аппетита”, следует отвечать “И брюхови твоему”.

Про того же архимандрита М. рассказывают и такую забавную историю. Однажды, будучи в Сочи, он сел в такси. А внешность у этого батюшки весьма импозантная — длинная борода, черный клобук, на рясе крест с украшениями.Сочинский шофер, “лицо кавказской национальности”, взглянул на необычного пассажира и с изумлением произнес:— Ты попа?— А ты — ж..., — невозмутимо отвечал архимандрит.— О что такое ж...? — опять спросил возница.— А это то же самое, что и попа, — объяснил батюшка.

С самых древних времен монашествующие на Руси не употребляли в пищу мяса. Этого же придерживаются и монахи на Афоне. Однако же на Православном Востоке во многих греческих монастырях эта традиция не соблюдается. Мне известен курьезный случай, произошедший в 1945 году во время паломничества Патриарха Алексия в Святую Землю. В одном из монастырей русские гости обнаружили за трапезой в своих тарелках мясо. Греки заметили их смущение и, казалось, даже ожидали этого момента.— Заелись у себя в России...— Хоть бы раз прислали икры или осетрины...— Надоело нам это мясо!..

В Ярославской епархии служил замечательный священник — архимандрит Павел (Груздев). В свое время он прошел сталинские лагеря, а под конец жизни принял на себя подвиг юродства. И хотя служил о. Павел на сельском приходе, к нему приезжало множество людей. Как-то привезли туда иностранца — профессора из Соединенных Штатов. Хозяин поставил угощение, а так как дело было Великим Постом, на столе были соленые огурцы, грибы, квашеная капуста...Во время беседы о. Павел спросил у переводчицы:— А почему гость ничего не ест?— Он боится расстройства желудка, — объяснила та.— А! — архимандрит махнул рукою. — Гнилая ж... и пряниками дрищет!.. Ну-ка переведи ему!..

В прежнее время монахи, “чернецы”, жили в монастырях и

при архиерейских домах, а на приходах служили “бельцы”, женатое духовенство... Теперь же, по великой нужде в священнослужителях, многие монашествующие клирики служат на приходах.Люди вовсе не сведущие иногда задают такой вопрос:— Батюшка, вы к какому монашеству относитесь — к черному или к белому?..Е. утверждает, что вопрос этот в наше время уже не так бессмыслен, как раньше. Теперь можно считать так — “черное” монашество — монастырское, а “белое” — приходское.

Вот забавный отзыв об одном монашествующем клирике:— Он не столько прозорливый, сколько озорливый, и не столько прозорливый, сколько прожорливый.

Коли речь зашла о монашестве, невозможно не заговорить и о “старчестве”. Это — явление древнейшее, пожалуй, столь же старое, как и само монашество. Однако же по мере оскудения духоносными мужами старчество почти исчезло из монастырской жизни. Возродилось оно лишь в Православной России, в знаменитой Оптиной Пустыни. Теперь с возобновлением этого монастыря и в связи с канонизацией тамошних подвижников старчество прославляется и популяризируется в церковной и даже в светской печати.К сожалению, почти никто не говорит и не пишет об оборотной стороне этого явления. Еще Святитель Игнатий (Брянчанинов) в прошлом веке предостерегал от “старцев, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований”. (Приношение современному монашеству, гл. XII). Увы! — предостережение это тогда так и не было услышано. И свидетельством тому последствия весьма трагические — появление в петербургских гостиных, а затем и в императорском дворце “святого старца”, “чудотворца” и “провидца” Григория Распутина.В наши, совсем уже бедственные времена, существенно сократилось и без того небольшое число истинных праведников, а вместе с тем среди значительной части верующих возросла жажда мистических откровений и чудес — “род лукавый и прелюбодейный ищет знамения” (Мтф. 12, 39). В результате теперь “старчествуют” уже не только “чернецы”, но и некоторые “бельцы”.

В свое время на меня сильное впечатление произвела нижеследующая трагикомическая история, связанная с духовничеством. Еще при жизни Сталина (и Берии!) в Московскую Патриархию управляющему делами протопресвитеру Н.Колчицкому позвонили с Лубянки. Сообщили ему следующее.

Была задержана женщина, которая на коленках ползла вдоль Кремлевской стены. Будучи допрошенной, она отвечала:— Мой старец дал мне такую епитимию — три раза на коленях проползти вокруг Кремля.

Особенно льнут к нынешним “старцам” те из верующих, кто боится ответственности за свои поступки и стремится переложить возможную вину за принятые решения на своего духовного отца. В этом отношении современные духовники заслуживают самого искреннего сочувствия — какими пустяками им то и дело приходится заниматься!Некий православный христианин, москвич, иногда выражал желание пожить уединенно в загородном доме. И вот такая возможность представилась — хозяева одной дачи должны были уехать, и ему предложили там пожить бесплатно.— Ну, — вдруг сказал этот человек, — я это так решить не могу. Я должен съездить в Троице-Сергиеву лавру, взять благословение у своего духовного отца.Через несколько дней, после поездки туда, он объявил:— Нет, мой старец не благословил мне жить за городом. Он говорит: “Как это можно, бросить в московской квартире одинокую, больную старуху мать...”Вот какого типа “проблемы” приходится “разрешать” нынешним нашим “старцам”.

Очень многое из практики современного “старчества”, да и “послушничества”, выражено в одной тонкой шутке. Некто в этой связи вспомнил один из запевов на девятой песне канона в День Сретения Господня:— Не старец Меня держит, а Я его держу.

Весьма умилил меня рассказ об одном прославившемся высотою своей жизни архимандрите. Собеседник назвал его “старцем”. Тут батюшка ужасно смутился, замахал руками и торопливо проговорил:— Нет! Нет! Не старец! Не старец!.. Старичок...

Я слышал любопытный отзыв Митрополита Алма-Атинского Иосифа (Чернова) об одном из самых популярных нынешних старцев:— Он такой добрый, он так вас любит, что готов всех вас в Рай вилами затолкать!..

Одним из результатов гонений на веру и Церковь стало широкое распространение тайного монашества, в особенности среди верующих женщин. Архиепископ Киприан шутя называл их: кустовые монахини.(Т.е. пострижение происходило в лесу, под кустом.)

Иногда “тайное монашество” приобретает даже очень явные формы. Мне рассказывали, как в Троице-Сергиевой лавре под руки ведут старуху к Святой Чаше для приобщения, и сопровождающие возглашают на весь храм:— Пропустите тайную монахиню Феодосию!..

Я ни в коем случае не хочу бросить тень на всех монашествующих, но известны случаи, когда “образ ангельский” принимают люди не вполне достойные.Мне рассказывали, как две женщины просили пострижения у наместника Псково-Печерского монастыря, но он категорически им в этом отказал. Через некоторое время ему сообщили, что обе искательницы своей цели достигли. Тогда о. архимандрит попросил:— Узнайте мне, пожалуйста, кто их постриг и за сколько?

Последний вопрос несколько проясняет ситуацию с “тайным монашеством”. Мне, например, рассказывали о некоем архимандрите, который совершал пострижения за 600 рублей. А поскольку сумма довольно значительная, то некоторых постригал, так сказать, в рассрочку.У паствы своей этот батюшка пользовался необычайным почитанием и имел репутацию “старца”. Мой приятель видел пододеяльник, который преподнесли этому архимандриту его почитательницы, там красными нитками была вышита затейливая надпись:“Спи спокойно, дорогой отец Борис!”

И в заключение сей главы приведу записанное мною стихотворение — образец современного монашеского фольклора.

Новопостриженным инокам поучение

Отныне, братие, есте монахи!К чему, скажите, охи-ахи?Монах парень простой,Хоть лоб у него пустой,Зато карман вельми богатый,Да и вид зело нагловатый.Искони земля Российская познала,Чем ее монашество преславно стало:Прегустыми бородами,Да предлинными косами,Благодатными пузамиДа большими кошельками.Славу сею, братия, преумножайте,Да меня благодарить не забывайте.Не удобствует монаху от пьянства бесноватисяИ под мухой нагу сущу по улице шататися.Монах по улице не бегает наг,А ходит в ряске и голубых штанах.Егда же в келии бывает,Коньячок потребляет,Телевизор бачитИ о грехах своих плачет.Ныне же, братие, ступайте,Радость монашества познайте,Кушайте пряники, да варенье —И вот вам мое

благословенье!

Советская “бурса”

Инспектор духовного училища, исключивший Ахиллу Десницына из синтаксического класса за “великовозрастие и малоуспешие”, говорил ему:

— Эка ты дубина какая, протяженно сложенная!

Н.Лесков. Соборяне

Духовные школы не существовали в нашей стране двадцать с лишним лет. Но когда они вновь открылись после войны, в них немедленно проявилось многое из того, что было свойственно дореволюционной “бурсе”. Они именно возродились, несмотря на совершенно новые условия и на то обстоятельство, что в отличие от старых времен дети клириков составляют в нынешних семинариях незначительный процент. Быть может, главный признак, который роднит старые и новые духовные школы, — юмор, веселый “бурсацкий” фольклор.

К сожалению, семинарские шутки старого времени почти все забыты, их, по-видимому, никогда никто не записывал. Лишь некоторые крупицы этого своеобразного юмора сохранились в современной духовной среде. Ну, например, такие возгласы:— Глас пятый — бери лопаты!— Глас шестый — принимай в шесты!

Существует прокимен седьмого гласа:“Возвеселится праведник о Господе и уповает на Него”!“Бурсаки” в свое время пародировали это так:— Прокимен, глас девятый: “Возвеселится пьяница о склянице и уповает на нее”.

Или такая забавная история времен старой “бурсы”. За какую-то общую провинность семинаристов на некоторое время лишили вечернего чаю. На первой же литургии, где пел семинарский хор, “бурсаки” решили выразить свой протест. Во время пения Символа Веры, который оканчивается словами — “чаю воскресения мертвых и жизни будущего века”, они громко воскликнули слово “чаю!”, а затем сделали долгую паузу...”Во избежание дальнейших кощунственных выходок наказание было в тот же день отменено.

Однако же обратимся к “бурсе” современной. И начнем с

подлинной истории, которая в свое время была весьма популярна в среде московского духовенства. Сразу же после возобновления семинарии в Троице-Сергиевой лавре туда были приняты два молодых человека – братья Жеребцовы. При этом поступали они врозь, с разницею в год.Был погожий солнечный денек 1 сентября. Окна аудитории, где собрались только что принятые семинаристы, были открыты, там виднелся зеленый лужок, на котором паслось несколько лошадей.Преподаватель знакомился с учащимися и вызывал их всех по списку.— Жеребцов, — сказал он.Молодой человек встал.Преподаватель посмотрел на него и сообразил, что это, должно быть, брат того, который уже учится во втором классе.— Это не ваш брат... – начал педагог и машинально указал большим пальцем в сторону окна... Он не успел договорить фразы и окончить жеста, как с улицы донеслось громкое ржание лошади...Тут “бурсаки” и сам преподаватель залились веселым смехом. Класс долго не мог успокоиться.Эпизод этот стал известен не только в семинарии, но и во всем монастыре. Об этом рассказали даже Патриарху Алексию, который в эти дни пребывал в Лавре.Протекли годы. Оба брата Жеребцовы давно окончили семинарию, женились и оба стали московскими священниками. И вот уже в середине пятидесятых годов управляющий делами Синода о. Н.Колчицкий был с докладом у Патриарха Алексия. Речь зашла о вакансии в каком-то столичном храме. Протопресвитер сказал Святейшему: —Я предлагаю назначить туда священника Жеребцова.Услышав эту фамилию, старенький Патриарх стал что-то такое припоминать, потом улыбнулся и проговорил:— Жеребцова? Жеребцова... А-аа... Это – который ржал, когда сено подешевело?..Реплика эта в тот же день стала известна всем клирикам Москвы.

Я уже упоминал о том, что в семинариях до сих пор составляются пародийные акафисты, высмеивающие начальствующих и преподавателей. Но вот шутка с политическим оттенком, и в семидесятых годах, когда она была в ходу, ее “авторы” и “исполнители” могли за нее поплатиться. К сожалению, в записи это сильно проигрывает, тут все надо произносить вслух с соответствующими интонациями.Д и а к о н: Вонмем!Ч т е ц: Прокимен, глас четвертый. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!Х о р: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Ч т е ц: Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма.Х о р: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!Ч т е ц: Пролетарии всех стран...Х о р: Соединяйтесь!Д и а к о н: Премудрость!Ч т е ц: Соборного послания Леонида Брежнева чтение!Д и а к о н:

Вонмем!Ч т е ц: До-ро-гы-я то-ва-ры-щы...

В пятидесятых годах в Московской Духовной академии обучались два студента. Один из них был араб, а другой русский, и жили они вдвоем в одной комнате. Были они молодые и здоровые, а потому Великим Постом постоянно чувствовали приступы голода. А тут, как на грех, студента-араба посетили родственники и тайно передали ему сырую курицу. Получивши этот дар, он сумел уговорить своего соседа по общежитию тайно зажарить птицу и съесть. Они раздобыли электрическую плитку, сковородку, заперлись в своей келии и приступили к стряпне... Запах жареного скоро проник в коридор, и это учуял один из преподавателей. Он подошел к двери, из-под которой несло скоромным, постучал и потребовал немедленно открыть. Войдя в комнату, преподаватель указал на плитку со сковородкой и грозно спросил:—Что это у вас?— Курица, — обреченно отвечал русский студент.— Но – на оливковом масле! — с вызовом добавил араб.

“Бурсак” забежал на семинарскую кухню. Увидев кусок сыра, он схватил его и отправил в рот.— Ты что? — возмутилась повариха. – Ведь сегодня среда!— Разве?.. А я думал, что пятница...

Еще о посте. В семинарию поступил мальчик, как видно, из семьи от Церкви далекой. Через несколько дней он объявил своим новым товарищам:— Я поститься не могу. Я буду ходить в к о к л е т н у ю...

На экзаменах по гомилетике (искусство проповеди) бывают такие вопросы – сказать слово на заданную тему. Например, первое обращение к пастве священника, только что назначенного на приход. (Мне самому довелось на экзамене произносить такую проповедь.) Так вот бурсаки сочинили небольшой стишок – первое слово пастыря к пастве.*Благословен Бог наш* –

Я – поп ваш.
И ныне и присно –
Владыкой присланный.
И во веки веков –
Учить вас, дураков.

Вообще же гомилетика многим “бурсакам” дается с большим трудом. Искусство говорить публично – вещь сложная, и тут возникает множество забавных историй. Вот одна из них.

Некоему учащемуся назначено было говорить проповедь в академическом храме. Выйдя на амвон, он увидел преподавателей, своих товарищей и одну старую монахиню. А посему начал свою речь таким обращением:— Отцы, братья, сестры и матушка Матрона...Раздался общий смех, и проповедь не состоялась.

Рассказывали мне о подобном эпизоде, который произошел в Ленинградской семинарии. Некий “бурсак” приготовил проповедь и выучил ее наизусть. Но как только вышел на амвон, от волнения забыл все, что должен был сказать.— Братья и сестры, — начал он, потом беспомощно повторил, — братья и сестры...После этого “проповедник” некоторое время помолчал, силясь вспомнить текст, но безуспешно... тогда он в третий раз возгласил:— Братья и сестры... спасайтесь, кто как может!И с этими словами убежал из храма.

Весьма своеобразные фигуры бывают и среди семинарских преподавателей. Например, протоиерей Зотик Я. Его предмет – церковное пение, и предан он ему до самозабвения. У меня до сих пор в памяти стоит его вдохновенное лицо. Он буквально вещает: — Интервалы! Интервалы! Да вы знаете, что такое в музыке интервалы?.. Кто бы мы с вами были без интервалов?.. Мы бы были – лишние люди!..Или:— Кварта! Да вы знаете, что такое кварта?.. Это такой интервал, с которого начинается гимн Советского Союза!..Помнится, я сочинил коротенькую эпиграмму на него, но – увы! — среди соучеников моих почти никто не мог оценить ее по достоинству.*Экзамен Отца Зотика*

-Чистейшая экзотика!

Совершенно замечательно проводит экзамены профессор Московской Духовной академии А.И.Осипов. Я сам, помнится, сдавал ему апологетику. На том экзамене он заметил, что некий батюшка имеет слабое понятие об Исламе, и тут же сказал ему:— Вот две религии – Магометанство и Ислам. Какая между ними разница?.. Или даже так: три религии – Ислам, Магометанство и Мусульманство... Что вы можете сказать об их различиях?Этот профессор, бывало, усаживал двух экзаменующихся рядом и говорил им:— Вот вы – православный священник... А вы – мулла... Теперь начинайте доказывать друг другу истинность своей веры.

А.И.Осипову принадлежит, на мой взгяд, превосходная метафора.— Выдвигать в качестве аргумента против существования Бога то, что Его не видели космонавты, то же

самое, как если бы некто бегал бы с ложкой по берегу океана, черпал бы время от времени воду и кричал: “Видите? Китов в океане нет! Видите? Нет китов!..”

Прежде чем продолжить тему экзаменов, я хочу сказать несколько слов о так называемом “заочном секторе” духовной школы. Вот это — дело совершенно новое, невозможное для старой России. Теперь же, когда нужда в священнослужителях не может быть удовлетворяема за счет нескольких семинарий и академий, многие люди принимают священный сан, не имея специального образования, а потом поступают на “заочный сектор”. И по возрасту своему, и по развитию они в массе недалеки от тех “бурсаков”, которые обучаются и живут в стенах учебного заведения.Помню одно из самых первых моих впечатлений о заочном секторе. Первый класс. Экзамен по Новому Завету. “Бурсаки”-заочники сидят в аудитории, шуршат страницами книг и конспектов — вот-вот появятся экзаменаторы.Неподалеку от меня сидит совсем молодой батюшка с удивительно чистым и наивным лицом. Вот он оторвался от книги и вслух произносит:— Тут сказано, что на восьмой день было обрезание. А что там такое обрезали? Раздается общий смех.Мне его жалко, я говорю ему:— Если тебе это достанется, скажи только, что на восьмой день было обрезание. Уверяю тебя, экзаменатор больше ничего не спросит...— А вдруг спросит?..

В семинарии (и в заочном секторе) всегда учится много украинцев, в особенности из западных областей. У этих учащихся бывают довольно странные для русского уха фамилии. Со мною, например, обучался батюшка по фамилии Дубина. Надо сказать, что знания его вполне соответствовали этому наименованию. Помнится, на одном экзамене он отвечал так мучительно и долго, что преподаватель, в конце концов, даже запамятовал его выразительную фамилию.— Так, так, — сказал экзаменатор, — значит, как вас зовут?— Дубина, — напомнил батюшка.Тут раздался общий смех, и преподаватель решился слегка утешить экзаменуемого.— Ничего, ничего, — сказал он, — со мной в семинарии учился один по фамилии Тупица.

А вот более драматический эпизод. Один батюшка, заочник из первого класса, должен был произнести наизусть тропарь празднику Преображения Господня. Он сказал:— Преобразился еси, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху; да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный,

молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе...Он прочел тропарь правильно, но пропустил два слова “на горе”, следовало начать так: “Преобразился еси на горе...”Экзаменатор решил подсказать ему:— Это все так. Только где это произошло?— То есть как — где?— Ну, где именно произошло Преображение? В лесу? На болоте?Батюшка взглянул на экзаменатора с удивлением и сказал:— Ты что — дурак?За свою непосредственность он поплатился — был отчислен из семинарии.

На экзамене по Ветхому Завету семинарист рассказывал историю праотца Лота (Бытие, гла 19). Преподавателю приходилось буквально вытягивать из него слова:— Ну, а что дальше было?— А потом Лот с дочерьми вышел из Сигора...— А дальше?— А дальше он стал с ними жить в пещере...— Ну, а потом?— А потом он их обрезал...

Экзамен по Новому Завету. Семинарист говорил о том, как Господь был взят под стражу в Гефсимании:— И тут раб по имени Малх вынул меч и отсек ухо Апостолу Петру... (Смотри Евангелие от Иоанна, глава 18).

Как-то такое “бурсак” оговорился: вместо того, чтобы сказать, что Господь пятью хлебами накормил пять тысяч человек, он сказал:— Пять человек съели пять тысяч хлебов и насытились...Преподаватель переспросил:— Пять человек съели пять тысяч хлебов? Это в своем роде — тоже чудо.

Справедливости ради надлежит заметить, что юмор в семинарии не всегда возникает по вине “бурсаков”, иногда его привносят и сами преподаватели. Вот два примера, позаимствованные мною из книги “Семьдесят семь православных коанов”.Преподаватель на уроке Ветхого Завета говорит:— На Синайской горе у Моисей с Богом произошла встреча на высшем уровне...На уроке разбирают евангельский отрывок о блуднице, пойманной фарисеями и приведенной ко Христу. Вопрос из класса:— А куда девался мужчина — тот, который с ней согрешил?Преподаватель ищет в тексте.— Нет тут никакого мужчины. Убежал, наверное...

И еще одна, на мой взгляд, самая забавная история.Шел экзамен по предмету катехизиса. Преподаватель спрашивает:— Какая заповедь была дана прародителям в Раю?Семинарист невозмутимо говорит:— “Плодитесь и

размножайтесь".Удивленный преподаватель даже переспросил:— Как? Как?— "В поте лица своего", — отвечает "бурсак".(Для несведущих тут требуется пояснение. Заповедь божия Адаму и Еве — не есть от древа "познания добра и зла" (Быт. 2, 16). Что же касается слов "плодитесь и размножайтесь", то это никакая не заповедь, а Божие благословение (Быт. 1, 28). "В поте лица своего" должен был есть хлеб Адам по изгнании из Рая, в наказание за нарушение заповеди (Быт. 3, 19).

Скудельные сосуды

Женщина... слабая... немощный сосуд — скудельный...Н.Лесков. Владычний суд

Мне рассказывали об одном архиерее, вернее, о проповедях его особенных, которые он говаривал дважды в год. Первая была — в Неделю жен-мироносиц. В этот день Владыка возвеличивал женщин, говорил о том, что именно они не покинули Господа Иисуса и тогда, когда мужчины — апостолы — в страхе разбежались. О том, что за верность свою жены-мироносицы первыми удостоились принять весть о Воскресении Христовом. И вся церковь, весь храм, разумеется, заполненный почти сплошь женщинами, все — плакали от умиления...Но совсем иная проповедь бывала на День Усекновения Главы Святого Иоанна Предтечи. Тут Владыка говорил о женщинах совсем иное. Он проклинал Иродиаду и дочь ее, винил их в убийстве величайшего праведника, бичевал женское распутство и коварство, говорил о бесчисленных преступлениях, которые совершались самими женщинами или мужчинами по их внушению... И опять вся церковь рыдала навзрыд...

Мой друг протоиерей Б. Г. в пятидесятых годах служил в Преображенском соборе, который был впоследствии снесен. Это был кафедральный храм тогдашнего Митрополита Крутицкого и Коломенского — Николая (Ярушевича). Отец Б. рассказывал мне, что всякий год в Прощеное воскресение Митрополит приглашал все соборное духовенство в один из кабинетов ресторана при гостинице “Ленинградская” (высотный дом на Каланчевке). Происходило это за два часа до вечернего богослужения. Стол был довольно обильный, но без спиртного — блины, соленая рыба, икра, чай, пирожные, конфеты... И каждый раз во время этого застолья Владыка говорил со своими клириками на одну и ту же тему.— Завтра начинается первая седмица Поста. В это время враг (сатана) особенно лютует, и его нападению прежде всего подвергнутся женщины... Так что я вас всех призываю быть внимательными к ним и снисходительными, чтобы и вам не искуситься, не впасть в гнев и раздражительность...И по

свидетельству отца Б. предупреждение это не бывало лишним. С началом Поста даже алтарницы — старые монахини — из смиренных и покорных становились фуриями...

Как-то такое был у меня доверительный разговор с одной советской начальницей, она занимала должность секретаря Ярославского райисполкома, и в ее ведении были все тамошние церкви, в том числе и та, где я служил. Она рассказывала мне о своих посещениях храмов, о том, как безобразно ведут себя там верующие женщины — переругиваются, едят и пьют прямо в храме...— Как же это можно? — говорила она. — Где же у них вера? Ведь церковь это место, которое должно быть для них святым...В ответ я ей рассказал такую историю.— Как-то раз на правительственном приеме Сталин вдруг заметил Д.Поликарпова и спросил его: “Как дела?” А Поликарпов в то время был руководителем Союза писателей, и он стал жаловаться Сталину на своих подопечных: они мало пишут, пьянствуют, не платят партийные взносы, ведут себя аморально и пр. и пр. Сталин все это выслушал до конца, а потом сказал: “Других писателей у меня нет”. Вот так и я вам могу сказать, — говорил я секретарю райисполкома, — других верующих у нас нет... Они ведь к нам не с неба опускаются. Это — советские люди. Они воспитываются в очередях, в магазинах, на автобусных остановках, на вокзалах и в поездах. Уверяю вас, это не мы и не религия сделали их такими, а вся советская жизнь...

Продолжая эту тему, можно сказать, что не одна эта ярославская начальница сетовала на невоспитанность и грубость в наших церквах. На это жалуются очень многие люди, которые случайно заходят в храм. Там на них волчицами и тигрицами накидываются старухи: “В брюках женщинам нельзя!.. С накрашенными губами — нельзя!..” Притом и старух этих можно понять — церковь их собственный, обособленный мирок, и они инстинктивно не хотят допускать туда посторонних. Этих темпераментных блюстительниц наружного благочестия великолепно наименовал Митрополит Сурожский Антоний (Блум):— Наши православные ведьмы.

В хрущевском гонении на Церковь был один особенно неприятный или даже, можно сказать, циничный момент. Я имею в виду то обстоятельство, что священнослужители (мужчины!) почти всюду оказались подчинены женщинам. (Ибо возглавители тогдашних общин, т.н. “старосты”, в подавляющем большинстве своем — женщины.) Кое-кто из них сумел сохранить

субординацию по отношению к клирикам, но у великого числа “ктиторов” в юбках самолюбие и желание управлять возобладало над религиозностью, и бедные наши батюшки бывали в весьма неприятных и даже унизительных положениях.При мне одна староста говорила про своего настоятеля:— Он у меня пятый год служит.Управляющий делами Московской Патриархии Митрополит Ростовский Владимир (Сабодан) упоминал в докладе старосту на Псковщине, которая за годы своего управления приходом “сменила” 22 настоятеля.

Проблема эта вовсе не нова. Святитель Иоанн Златоустый еще в IV веке сетовал на то, что женщины вмешиваются в управление Церковью. Мне передавали слова протоиерея Валентина Свенцицкого, который говорил так:— Католичество страждет от “папства”, а Православие — от “бабства”.

Вспоминается мне мысль все того же Святителя Иоанна Златоустого. Звучит она приблизительно так: Господь создал мужчину для дел общественных, а женщину — для домашних, и горе будет тем временам, когда это положение переменится.

Как-то сидел я в приемной епархиального управления.Посетители шли к секретарю Владыки — архимандриту. Неподалеку от меня сидели и потихоньку переговаривались три женщины. Как я понял, они приехали просить обратно своего батюшку, которого перевели от них в другой храм. Через некоторое время одна из женщин встала, сложила руки лодочкой и подошла ко мне, чтобы взять благословение. При этом она сказала:— Батюшка, благословите на мирную встречу с отцом архимандритом.

Маститый протоиерей В. Б. рассказывал мне об одной замечательной сцене, которой когда-то был свидетелем. Произошло это в начале шестидесятых годов. По какому-то делу он пришел к епископу Леониду Можайскому, викарию Московской епархии. Впоследствии — Митрополит Рижский и Латвийский (Поляков). И тут вдруг к Владыке явилась целая депутация женщин из какого-то подмосковного прихода.— Владыка, пришлите нам другого батюшку.— А ваш-то чем плох? — спрашивает епископ. — Пьет он, что ли?— Нет, он у нас в рот спиртного не берет.— Плохо служит?— Служит хорошо, проповеди нам читает...— Так в чем же дело? Почему вы его не хотите?— Уж очень мал ростом...Тут архиерей рассвирипел:— Вон отсюда, нахалки!.. Я вам по росту еще подбирать буду!

В 1982 году Ярославский Митрополит Иоанн перевел меня с одного прихода на другой. Народ на новом месте привык ко мне довольно быстро, но там была группа, которая желала возвращения моего предшественника.И вот как-то вызывает меня к себе секретарь Митрополита и показывает мне письмо, в котором некоторые мои прихожанки просят меня убрать и вернуть им прежнего священника.— Берите это письмо, — говорит мне секретарь, — они все тут подписались, и вы их возьмите себе на заметку...— Нет, — говорю, — батюшка, я этого письма брать не буду...— Как? — удивляется он. — Почему?— А потому, что это — женщины. Сегодня они очень любят его, а завтра точно так же будут любить меня...И, конечно же, вышло по-моему.

Чтобы читатель не принял вышеизложенное за хвастовство или самовозношение, я приведу здесь слова одного старого батюшки, который, бывало, говаривал:— Если березовое полено облачить в фелонь, а сверху надеть на него камилавку — у него сразу же появятся поклонники.(Читай — поклонницы.)

Известно, что на Руси самый почитаемый угодник Божий — Святитель Николай Мирликийский. Это относится и к нашим бедственным временам, а среди тех, кто питает к Святому особенное доверие, есть не только церковные, но и совсем дикие люди.(Тут надобно заметить, что у этого Святителя два дня празднования — день преставления (6/19 декабря), т.н. “Никола зимний”, и день перенесения мощей (9/22 мая), т.н. “Никола летний”.) И вот некая женщина заявила священнику:— Я никакого Бога не знаю... Я верю только в “Николу летнюю” и в “Николу зимнюю”, и обе мне помогают.

Зашли как-то к деревенской старушке два бродячих художника, которым очень надо было подработать. Поглядели они на божницу и говорят хозяйке:— А икона Николы у тебя есть? — Как же! Есть, родимые, вот она...— Так ведь это у тебя — “Никола летний”. А где же у тебя “Никола зимний”?Бабка всполошилась, а они говорят:— Давай мы тебе напишем икону, будет “Никола — зимний”.— Сделайте милость...И вот они написали ей Святителя Николая в шубе с меховым воротником и в шапке.Бабка радехонька, заплатила им, а “образ” на божницу поставила. Зашел как-то раз к ней местный священник, посмотрел и изумился:— Это что же у тебя тут такое?— Это, батюшка, у меня — “Никола — зимний”... Вот “летний”, а этот — “зимний”...

— Сними, — распорядился батюшка, — и в печке сожги.

В одном храме была большая икона — “Страшный Суд”. Господь — грозный Судия. Ангелы, сонм праведников, толпы грешников, влекомых в Ад, черные фигурки падших духов, словом, сюжет известный. И вот заметили, что некая старушка ставит перед этой иконой свечку таким образом, что она горит прямо перед одной из черных фигурок...— Ты кому это свечку ставишь? — спросили ее.— А что? — старушка даже и не смутилась. — Еще неизвестно, куда попадешь... Может, и в Ад угодишь... А своего “человечка” везде иметь надо...

— Здравствуй, батюшка, я пришла.— Здравствуй. Очень хорошо, что пришла. Что скажешь?— Я объявляю голодовку.— Как? Для чего? Против кого?— Против Бога.— А ты что — очень рассердилась на Бога? Обиделась?— Нет: просто похудать хочу.

К священнику подходит прихожанка и говорит:— Батюшка, благослови меня на подвиг юродства.А батюшка, который ее довольно хорошо знал, говорит ей с предельной откровенностью: — А зачем тебе подвиг юродства? Ты и так дура.Женщина обиделась и нашла себе другого духовника.

В книге, которую я уже цитировал, “Семьдесят семь православных коанов”, есть несколько эпизодов, вполне пригодных для этой главы. Например, такие монологи и диалоги:Прихожанка рассказывает:— Я уже давно заметила: как пойду на всенощную в день Преподобного Серафима Саровского, так меня Бог всегда наказывает...

Две бабушки разговаривают в храме:— Порасселись тут, узлов понаставили...— Спаси ж тебя Господи!— Нет, это тебя спаси Господи!..

— Хотели мы съездить одну болящую помыть, да вовремя вспомнили, что в тот день Казанской иконы праздник — грех большой работать, ну и не поехали...

— Вначале ее в церковь затащили, и ей там жутко понравилось. А потом она меня туда затащила, и мне там тоже жутко понравилось...

Женщина средних лет с клироса:— А вчера на меня такая тоска напала — замуж хочу!Матушка-алтарница:— Терпи, Господь за нас как терпел! Какие Ему гвозди вбивали в руки!..

Диалог двух женщин в притворе семинарского храма:— Ты куда идешь? Там людей нет — одни семинаристы.— Я причаститься.— Да у них и причастие учебное...

Когда я служил на сельских приходах в Ярославской епархии, мне довелось познакомиться с одной замечательной в своем роде песней. Надо сказать, ее помнили наизусть практически все мои немолодые прихожанки. Я не поленился и записал слова этого своеобразного “шлягера”, он представляется мне любопытным свидетельством о вкусах и нравах отдаленной эпохи.

Вот этот текст.

В небе сияла луна серебристая,
Ветер слегка поддувал,
Речка тихонько журчала волнистая,
Лес будто что-то шептал.

Мы в этот миг с ней сидели в объятиях,
Слушали песнь соловья,
Мне не забыть этих милых лобзаний,
Я буду их помнить всегда.

Долго мы с ней под сиренью сидели,
Быстро пред нею я встал,
Щечки у ней, словно розы, алели,
Пред ней на колени упал.

Правую руку на сердце положил,
“Я вас люблю”, прошептал.
Горячее сердце в тот миг встрепенулось,
Я горько пред ней зарыдал.

“Не плачь, друг мой милый, тебя умоляю,
Ведь я тебя тоже люблю.
Давно, уж давно по тебе я страдаю,
А быть я твоей не могу.

Отец мой священник, ты знаешь прекрасно,
А ты, милый мой, коммунист,

Советскую власть он не любит ужасно,
Он ярый у нас монархист.

Твоею он быть не позволит, я знаю,
Перечить отцу не хочу.
Отца своего я люблю, уважаю,
Покинуть его не могу".

"Ой же ты, девица милая, красная,
Брось, позабудь ты отца!"
"Ты просишь, мой милый, но просьба напрасная,
Не брошу отца никогда!"

"Последнее слово скажи, дорогая,
Ты будешь моей или нет?"
"Твоей я не буду, еще повторяю,
Последний мой этот ответ".

И впала мне в голову мысль таковая:
Убью я ее и себя,
Пусть примет в объятья земля нас сырая,
Тогда и забудет отца.

Тогда же я быстро достал из кармана
Свой черненький новый наган,
И тут совершилась ужасная драма,
По сердцу прошел ураган.

Револьвер она увидала, вскочила,
Должно быть, хотела бежать...
Горячая пуля в висок угодила,
Пыталась она закричать.

Рану руками она ухватила
И пошатнулась слегка,
Горячею кровью себя окатила
И, бедная, тут умерла.

Я оглянулся — все было спокойно,
Лишь месяц сиял над рекой,
Револьвер направил в висок я проворно
Привычною правой рукой.

Руки ослабли, в глазах потемнело,

И я в этот миг задрожал,
Револьвер упал на холодное тело,
Я память тотчас потерял.

Очнулся в больнице, и врач предо мною,
Он в белой одежде стоит,
И что-то он делает тут надо мною,
И молча в глаза мне глядит.

Судите, пред вами всю правду открою,
Судите — виновником я!..
Вяжите, товарищи, руки цепями
Священнику вы за меня.

А мне, как партийцу, расстрел присудите
За то, что закон нарушил,
И рядом с красоткой меня положите,
Которую крепко любил.

Ко мне в храме подошла женщина и говорит:— Мне дочка консервы привезла: рыба кит. Только я сомневаюсь, можно ли ее есть?— А почему же нельзя?— Да ведь кит-то святая рыба.— С чего это ты взяла?— А как же? Ведь она пророка Иону выплюнула.

Ну, а теперь о том, какими крепкими оказываются порой наши “скудельные сосуды”.В храме под Ярославлем, где я прослужил пять лет, была старушка староста. (Когда я там появился в 1982 году, ей было уже далеко за 80.) Мне рассказали, как она сохранила для своего храма звон, да такой, какого нет во всей епархии. В пору хрущевских гонений ее вызвал областной уполномоченный и приказал колокола снять. А она твердо сказала:— Когда меня из храма вынесете, тогда и колокола снимите.И в конце концов от нее отступились — так и звонят там колокола по сию пору.

Среди тех, за кого я молюсь на каждой литургии, покойная монахиня Мария. В миру ее звали Анной, она была алтарницей в Скорбященском храме на Большой Ордынке. Родом она откуда-то из-под Костромы. В их селе, судя по ее рассказам, был замечательный священник, который, между прочим, не благословлял своих духовных чад вступать в колхоз. По этой самой причине Анна и уехала в Москву, долгие годы была домашней работницей, а потом получила комнату и стала трудиться в храме. Под конец у нее стали болеть ноги, ничего

делать она уже не могла, но в церковь добрые люди ее еще приводили.Вот, помню, в Великую Субботу сидит она в пустом храме на табуреточке перед иконой Божией Матери и плачет горькими слезами. Я подхожу к ней:— Что ты плачешь?— Как же не плакать-то?.. Ведь я в этот день всегда и в алтаре и в храме прибиралась, а теперь вот не могу... Другие делают, а я не могу...В конце концов ноги у нее отнялись совершенно. Помогать ей и убираться к ней приходили, но большей частью она лежала на своей кровати совсем одна.Я, помнится, навестил ее и говорю:— Тяжко тебе все время в одиночестве?— Нет, — говорит, — не тяжко...Потом помолчала и добавила:— Я — человек малограмотный... Вот другие проповеди в книжках читают, а мне это трудно... Я все жития любила читать — это мне понятно... Вот помню, читала я житие одного Преподобного. Его привязали к лошадям и волокли по каменистой дороге. А он в это время только молился: “Господи, умножь во мне веру”. Вот так и я лежу здесь и потихоньку молюсь: “Господи, умножь во мне веру”.Свидетельствую: и мужество и веру сохранила матушка Мария до последнего своего вздоха.

Из той же самой костромской деревни, что и эта монахина, была еще одна замечательная женщина — просфорница Екатерина. Она тоже трудилась в храме на Ордынке. Так и вижу ее лицо — застенчивое, кроткое, благоговейное... Ей Господь благословил исполнять свое послушание едва ли не до последнего дня жизни. Помнится, привел меня Бог в храм на Ордынку, когда ее отпевали — я уже был в сущем сане и служил под Ярославлем. Помню разговор с ее родной сестрой.— Хорошо, — говорю, — что Катя почти не болела, так и померла на ногах.А она мне:— Нет, батюшка, жалко.— Чего же тебе жалко?— Жалко, что уж совсем не поболела. Даже ни одного месяца не дала за собою поухаживать...Вот какие это люди.

На орлах стоящие

Правильно и основательно говоря, надо сознаться,
что русские своих архиереев совсем не знают.
Н.Лесков. Мелочи архиерейской жизни
...стоять на парящих орлах и дух воздымать в превыспренные...
Н.Лесков. Заметки неизвестного

“Русские своих архиереев совсем не знают”. И это было сказано сто с лишним лет тому назад. А что же тогда сказать о нынешних русских, вернее, советских?.. Эти не то чтобы архиереев не знают, они порой не подозревают о самом существовании архиерейского сана.Лесков с горечью писал о вынужденной изоляции, в которой находились епископы в его время. А что же сказать о нынешних временах, когда изоляция эта стократно усилилась? Да к тому же она сопровождается двойственностью положения: с одной стороны — почитание верующего народа и подобострастие духовенства, а с другой — равнодушие, а то и враждебность со стороны нецерковных сограждан, которые составляют подавляющее большинство.

Не без “страха и трепета” я приступаю к изображению тех, “кто дух воздымает в превыспренные”. И тут единственное мое преимущество перед великим предшественником (наличие священного сана) решительно превращается в свою противоположность. Как сказал мой любимый поэт, современник Лескова —*Ходить бывает склизко*
По камешкам иным...

И все же, преодолевая “страх и трепет”, начну эту главу со старинного народного анекдота. Как на некое косвенное оправдание своей фривольности, сошлюсь на то, что один из самых видных наших иерархов — Митрополит Ленинградский Никодим (Ротов) анекдот этот весьма ценил и частенько рассказывал.Итак, преддверие Рая. Тут толпятся души многочисленных праведников, которых не весьма спешно туда

пропускают. И вдруг слышится благолепное пение, к вратам приближается торжественная процессия — на пышном одре в Рай несут почившего архиерея...Некий простолюдин, которому вместе со всею толпою приходится посторониться, в сердцах говорит Апостолу Петру:— И у вас тут справедливости нет... Как архиереям на земле почет, так и тут их вносят без всякой очереди...— Знал бы, что говоришь, — отвечает ему Апостол. — Из вашего брата каждый второй в Рай попадает, а из них — один на тысячу...

А теперь обратимся к нашим временам.Некий архипастырь был назначен на новую кафедру. Первая служба его в соборе была всенощная. И, как на зло, клирики вышли встречать нового Владыку несколько позже того момента, когда он прибыл. Архиерей вошел в Алтарь в раздраженном состоянии и немедленно приказал всем от настоятеля и до последнего пономаря выйти на солею и сделать по двадцать земных поклонов. Те повиновались...Молящиеся, увидев, что духовенство бьет земные поклоны, тоже принялись всей церковью кланяться... Когда исполнилось требуемое число, клирики вернулись в Алтарь, а прихожане все продолжали кланяться, да так, что остановить их не было никакой возможности, и всенощная началась с опозданием чуть ли не в полчаса.

Мне рассказывали, что в пятидесятых годах в городе Запорожье был весьма строгий Владыка по имени Андрей. Тогда на Украине все священнослужители ходили только в рясах. И вот в Запорожье произошел такой забавный случай. Некий священник, идучи по улице в рясе и с крестом, нос к носу столкнулся со своим Владыкой, который, как на зло, шел в гражданском костюме. Батюшка на мгновение растерялся — подходить ли в таком случае под благословение?.. Чтобы замять неловкость, архиерей сам поспешно схватил его за руку и сказал: — Здравствуйте, отец Василий.Наблюдавший эту сцену горожанин сделал ему замечание:— Как не стыдно? Старый человек, а батюшку, как положено, поприветствовать не можешь — взял бы благословение!..

Где-то на Украине служил священник, который очень боялся холода и простуды. В теплой шапке, разумеется, он не мог совершать богослужения, а потому заматывал голову шерстяным платком. Как-то в его храм заехал правящий архиерей и увидел со спины фигуру перед Престолом — в фелони и в головном платке. Владыка так и ахнул:— Баба служит!В результате этого

теплолюбивого батюшку перевели с городского прихода в сельский.

Некий Митрополит при посещении прихода обнаружил у батюшки в Алтаре одиннадцать камилавок — всех цветов. (Обычно этот бархатный головной убор бывает лилового, синего или красного цвета.) А тут — такое многообразие. Владыка полюбовался камилавками и, указавши на белую, распорядился: — В этой не служи.(Ибо белая камилавка весьма напоминает митрополичий клобук.)

Вот рассказ покойного Тверского Митрополита Алексия. На Пасхальной седмице ему довелось служить в небольшом сельском храме. Его облачили, и он восседал посреди церкви на возвышении. Псаломщик в это время должен был петь пасхальные часы, которые начинаются с тропаря “Христос воскресе из мертвых...” Однако же пение не начиналось, тогда Владыка со своего места решился подсказать псаломщику первые слова и, глядя на него, потихоньку запел:— Христос воскресе...Псаломщик не понял, что это подсказка, и громко, на весь храм ответил архиерею:— Воистину воскресе!

Некий архиерей погожим летним утром ехал по пределам своей епархии. Издали он увидел сельский храм и приказал шоферу свернуть. Церковь оказалась открытой, там стоял гроб, а священник совершал заупокойную литургию. Владыка вошел в Алтарь, благословил настоятеля и стал дожидаться окончания службы. При этом он с удивлением заметил, что по случаю жаркой погоды батюшка служил в резиновых пляжных тапочках, т.н. “вьетнамках”. Когда литургия отошла, архиерей сделал по этому поводу замечание. Находчивый клирик отвечал так:— Владыка, а я сколько икон и картин помню, всегда у Спасителя и у апостолов пальчики на ногах видно...

Секретарь епископа одной отдаленной епархии рассказывал, как он со своим Владыкой посещал некий сельский приход. Телеграмма об их приезде, как видно, не дошла. Выйдя из машины, архиерей со своей свитой обнаружил запертый храм. После чего все направились к церковному дому, который тоже был заперт, но изнутри. Стучались довольно долго... Наконец, послышались шаги босых ног по дощатому полу. Дверь распахнулась, и в проеме появилась фигура батюшки в одних трусах. Спросонья он некоторое время с удивлением глядел на прибывших... Когда же он сообразил, кто перед ним стоит, глаза

его округлились и он истошным голосом завопил:— Машка!.. Тревога!.. Архиерей приехал!..

В своем очерке “Архиерейские объезды” Лесков великолепно изобразил психологическое состояние священника, который ожидает приезда правящего Владыки и принимает его у себя на приходе. Дневник о. Фоки Струтинского, приведенный писателем, — документ вполне достоверный и весьма выразительный. Настоятель находится в беспрестанных хлопотах и заботах — как встретить, как принять, как угостить высокого гостя и его свиту и, главное, как их вознаградить, чтобы не было неудовольствий и обид.Это предисловие необходимо, чтобы люди нецерковные могли хотя бы в какой-то мере оценить по достоинству случай на одном из приходов, где как-то служил архиерей.Во время литургии епископ стоит перед Престолом, а сослужащие ему священники по сторонам, и он благословляет их поочередно произносить возгласы. Он обращается к каждому и потихоньку произносит начальные слова. Ну, например, так:— Отец Иоанн, “яко Твоя держава”...И батюшка в нужный момент возглашает:— Яко Твоя держава, и Твое есть Царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.В последовании литургии есть и такой возглас:— И даждь (т.е. дай) нам единеми усты и единем сердцем славити и воспевати пречестное и великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.Так вот во время литургии, которую служил архиерей на одном из приходов своей епархии, возглас “И даждь нам...” достался настоятелю храма. Владыка взглянул на него и как обычно сказал:— Отец Василий, “и даждь нам...”Батюшка воспринял это буквально и поспешно ответил:— Сейчас же после литургии, Владыка...

Вообще же архиерейское богослужение, когда есть хороший протодиакон, когда слаженно поет хор, само по себе весьма впечатляет. Недаром предание гласит, что послы Святого князя Владимира, побывавши на богослужении в константинопольском храме Софии, не могли после этого опомниться. Если принять это за истинное происшествие, то можно утверждать, что русские предпочли Православие, именно восточный обряд — за красоту.Сейчас торжественность и стройность — увы! — идет на убыль, но в монастырях и в некоторых соборах все еще можно увидеть архиерейскую службу во всем блеске и великолепии. Не перевелись еще и своеобразные церковные эстеты. Один из них, помнится, говорит другому во время каждения на литургии:— Чувствуешь, как запах этого ладана подходит к мелодии этой

“херувимской”?..

Однако же вернемся к теме “и даждь”. Это “и даждь” относится к весьма старинной русской традиции. Во времена, когда я еще не был знаком с реальной жизнью приходов и епархий, я по наивности спросил одного батюшку:— А все ли архиереи, служа на приходах, “берут”?Батюшка мой призадумался, улыбнулся и сказал:— Ну, может быть, Святитель Иоасаф Белгородский не брал...

Читатель, не суди строго архиереев за то, что они соблюдают старинную традицию “и даждь”... У епископов наших жизнь совсем особенная. Я, например, знаю Владыку, который каждому из своих ставленников за свой собственный счет шьет подрясник. Покойный Митрополит Иоанн в Ярославле всем своим прислужникам давал деньги на свадьбу...Вот вполне достоверная история из недавнего времени. В некоей епархии неподалеку от Москвы был лютый уполномоченный совета по делам религий. Он не скрывал своего враждебного отношения к Церкви и не позволял епископу ни рукополагать новых клириков, ни совершать необходимые перемещения, словом, всячески мешал и чинил препятствия.Но в эту самую епархию был назначен новый архиерей — весьма разумный, обходительный и дипломатичный. Новый Владыка сразу оценил обстановку и предложил строгому уполномоченному совершить совместную поездку по городам епархии. Тот согласился.В одном месте духовенство приняло их весьма гостеприимно, в другом, в третьем... Обеды с коньяком, чаепития... Словом, к концу поездки уполномоченный утратил свою суровость и вернулся в областной центр куда более сговорчивым. А тут, как нарочно, дали ему новую квартиру, и Владыка предложил отделать ее за счет епархиальных средств. Положили дубовый паркет, наклеили заграничные обои... И через несколько месяцев архиерей делал в епархии все, что хотел, — никаких препятствий со стороны уполномоченного не было.

Справедливости ради следует заметить, что не все батюшки при внезапном появлении архиерея бьют “тревогу”. Мне доподлинно известна такая история. Правящий епископ нежданно-негаданно появился в одном из храмов. Служба только что отошла, и в церкви был народ. Отец-настоятель приветствовал архипастыря, принял от него благословение.Архиерей указал батюшке на хор и вопросил:— А почему они не поют “ис полла”?(По-гречески “на многая лета”, так положено приветствовать архиерея.)Священник сказал:— Они

этого не поют, поскольку вы приехали без предупреждения. “Ис полла” — не “Господи, помилуй”. Если бы мы ждали вашего приезда, я бы их подготовил...— Евангелие требует от нас постоянной готовности, — проговорил епископ. — “Се жених грядет в полунощи...”Настоятель на это отвечал:— Владыка, вы мне — не жених, а я вам — не невеста. Здесь уместнее другое уподобление — “яко тать в нощи” (1 Сол. 5, 2).

Некоему священнику в свое время довелось встречать на приходе знаменитого иерарха Митрополита Антония (Храповицкого). Настоятель приготовился сказать целое приветственное слово и начать его так:— Владыка, епископ в Церкви — “столп и утверждение Истины”.Однако же при появлении архиерея оратор пришел в большое смущение и сказал только:— Владыка, епископ в Церкви — столп...После чего батюшка умолк, ибо все прочее из памяти улетучилось.— Так что вы для нас, Владыка, столп... — беспомощно повторил он, — поскольку епископ в Церкви это — столп...— А ты — пень! — не выдержал Митрополит.

Вообще же, рассказывают, Владыка Антоний (Храповицкий) был весьма остер на язык. Как-то спросили его мнения по поводу сомнительной с православной точки зрения книги о. Павла Флоренского “Столп и утверждение Истины”. Митрополит ответствовал словами 103 псалма:— Сие море великое и пространное, тамо гади, ихже несть числа...Во время гражданской войны, будучи в Крыму, Владыка Антоний посетил генерала Врангеля. (Тут надобно заметить, что в те далекие времена митрополитов, т.е. таких архиереев, которые носят белый клобук, можно было бы перечесть по пальцам одной руки.)Адъютант главнокомандующего был, как видно, не семи пядей во лбу, а потому почтительно осведомился у прибывшего иерарха:— Как прикажете доложить?— Скажи генералу, — невозмутимо отвечал Митрополит, — пришла Марь Иванна в белой шляпке...

Уже в эмиграции, в одной из церквей Белграда во время литургии, которую совершал Митрополит Антоний, произошел трагикомический случай. На малом входе протодиакон, шедший с Евангелием в руках, оступился и упал с амвона. Богослужебную книгу он при этом не выронил, а продолжал держать на вытянутых руках. Бедняга никак не мог подняться и, чтобы сгладить неловкость, из своего горизонтального положения возгласил уставное:— Премудрость!— Какая “премудрость”? — отвечал ему Митрополит. — Вставай, дурак!..

Покойный Митрополит Ленинградский Антоний (Мельников) говаривал:— Ленинградская епархия неплохая. Только нужно было бы хотя бы маленький монастырек, чтобы можно было кормиться...

И вот забавная история, которую рассказывал Владыка Антоний. Он был в составе делегации Русской Православной Церкви на экуменической конференции, которая проходила в Эфиопии. В какой-то день участников этого мероприятия повезли в глухую деревушку, где они посетили местный храм. Собравшиеся там эфиопы, вообще имеющие предубеждение по отношению к белокожим, смотрели на этих гостей с недоверием и даже страхом. Местный священник, чтобы разрядить обстановку, обратился к своей настороженной пастве с такими словами:— Вы не пугайтесь, вы не бойтесь... Наши гости только снаружи такие белые... Душа у нах такая же черная, как и у всех нас.

Самыми бедными епархиями на территории страны по праву считаются прибалтийские. Церквей открытых там много, ибо гонений двадцатых и тридцатых годов не было, но православных среди местного населения весьма мало. Литовцев и латышей православных почти нет, есть какое-то число только среди эстонцев. Однако же о них выразительно отозвался один русский священник, долгие годы служивший в Таллинской епархии:— Протестанты восточного обряда.

Кафедру Рижскую и Латвийскую много лет занимал весьма уважаемый иерарх Митрополит Леонид (Поляков). Церкви там такие бедные, что священник служит в трех, а то и в четырех приходах. Самым посещаемым, а потому и доходным местом во всей Латвийской епархии является Преображенский монастырь, т.н. “пустынька”. В особенности процветала она, когда настоятелем там был покойный архимандрит Таврион — священник, известный всей православной России.Близкий о. Тавриону человек рассказал мне такую историю. Во время очередного визита в “пустыньку” Владыка Леонид говорит настоятелю:— Ко мне в гости приезжает Грузинский Патриарх Илия. Я его помню с тех времен, когда он еще учился в Духовной академии. Мы с ним у тебя послужим.Отец Таврион представил себе все хлопоты, связанные с приездом столь высоких лиц, а потому откровенно сказал своему архиерею:— Нет, нет, нет!.. Не надо, не привози его сюда. Вот тебе четыре тысячи, и гуляйте с ним в Риге, как хотите...

После архиерейского служения на приходе обыкновенно бывает для гостей обед. Если епископ по характеру живой и нечванливый, обед может проходить и весьма оживленно. Рассказывали мне об одном курьезном случае за подобной трапезой. Когда уже выпили за здоровье Владыки, один из батюшек, отличавшийся непосредственностью, вдруг сказал:— Давайте выпьем за мою матушку... Очень я ее люблю...

Непосредственность клириков может простираться и много далее. Мне рассказывали, как архиерей обедал у одного священнослужителя, человека довольно молодого, отца двоих детей. Владыка в шутливом тоне заговорил с хозяином на ту тему, что у них с матушкой могут быть и еще дети. Хозяин встал из-за стола, приблизился к архиерею, сложил руки лодочкой и совершенно серьезно сказал:— Благословите зачать...И тут уж Владыка не знал, куда деваться...

А вот довольно известный анекдот, связанный с приемом архиерея. Некие клирики угощали своего Владыку обедом. Но при этом им кто-то дал знать, что епископ в рот не берет спиртного и терпеть не может пьющих. Тогда батюшки решились на такую хитрость. На скатерть не было поставлено ни одной бутылки, все они поместились под столом таким образом, чтобы обедающие могли потихоньку наливать себе в стаканы.И вот архиерей появился у накрытого стола. Он сразу же все заметил, но в первые минуты виду не подал. Клирики пропели “Отче наш” и, как полагается в таких случаях, — “Преосвященнейший Владыка, благослови”.— Христе Боже, благослови ястие, — с этими словами архиерей широким жестом перекрестил накрытый стол.Тут он сделал паузу, левой рукой приподнял край скатерти, а правой благословил пространство под нею и закончил:— ...и питие рабом Твоим...

Однако же отнюдь не всякий архиерей является заклятым врагом бутылки. Свидетельством тому — застольный рассказ “Архиерейский обед”. Увы! — в записи он много проигрывает, ибо все это должно произноситься вслух, по-протодиаконски — голосом низким и с обилием пауз.— *Вни-ди, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Благо-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, стол... Вос-сядь, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Благо-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, конь-як... Воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Ис-пий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-*

ший Вла-ды-ко, за-кус-ки си-я... За-ку-си, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, вод-ку... Воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Ис-пий, Вы-со-ко-пресыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки ис-пий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, суп... Вку-си, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, са-мо-гон... Воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Ис-пий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки ис-пий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки и па-ки воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки и па-ки ис-пий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, по-ро-ся... По-ро-ся, по-ро-ся, пре-вра-ти-ся в ка-ра-ся... Вку-си, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, чай с баль-за-мом... Воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, чайвбаль-зам... Ис-пий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки воз-лий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки ис-пий, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Воз-ляжь, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Вос-стань, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки воз-ляжь, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки вос-стань, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки и па-ки возляжь, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, подъя-ти тя... Несется ар-хи-е-рей Бо-жий, рас-сту-пи-те-ся, лю-дие...Бла-го-сло-ви, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко, уни-таз... Воз-блюй, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки воз-блюй, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... Па-ки и па-ки воз-блюй, Вы-со-ко-пре-сыщенней-ший Вла-ды-ко... А-минь, а-минь, а-минь...Ис-пол-ла е-ти дес-по-та!

А вот история более реалистическая. Некий епископ со своим протодиаконом пришел на обед к одному из священников. Уселись за стол. Батюшка с подобострастием произносит:— Владыка, благословите по первой...Выпили, закусили...Хозяин снова наполнил рюмки.— Владыка,благословите по второй...Еще раз выпили.Батюшка опять:— Владыка, благословите по третьей...Тут епископ посмотрел на протодиакона и говорит:— Пойдем отсюда, отец. Здесь — считают.

Некий правящий архиерей во время обеда в назидание своим клирикам прочел подлинное письмо, полученное им с одного из приходов:“Дорогой владыка! Сейчас идет Петровский пост, а у

нашего батюшки по бороде течет мороженое. Что нам делать?"(Я на свой вкус ответил бы так: "Прежде всего вытереть батюшке бороду".)

Вот дословная цитата еще из одного письма, которое получил в недавнее время правящий архиерей:"Дорогой Владыка! Наш батюшка все время удит рыбу. Мы знаем, что апостолы тоже ловили рыбу, но они ловили ее сетями, а на уду ловит диавол. Нас это вводит в смущение".

В некоей епархии священник после долголетнего служения на приходе был переведен на другое место. Указ об этом ему вручал секретарь Владыки. Батюшка, который не чувствовал за собою никакой вины, потребовал объяснений. Секретарь указал на висящий портрет правящего архиерея и проговорил:— Это вот чья воля.Тогда священник указал ему на икону Спасителя и молвил: — А вы бы вот Чью волю исполняли.

Один священник, некоторое время служивший в Архангельской епархии, сам рассказывал о себе такую историю. Как-то он пришел к своему епископу. Владыка принял его по-домашнему, сам угощал и, в частности, вынул из холодильника семгу и отрезал для гостя несколько кусочков. Батюшка съел это с аппетитом и сказал:— Очень вкусно. Владыка, а нельзя мне еще немножко?..Владыка отрезал ему еще.Священник съел это и уже вовсе насытился. После того он сказал:— Владыка, ведь вам еще семги принесут... Отдайте мне то, что у вас осталось...Архиерей безропотно завернул в бумагу последнюю часть рыбины и подал батюшке с такими словами:— Скромности в тебе мало...

Некий только что поставленный епископ был отправлен на послушание в Дамаск, как представитель Патриарха Московского при Антиохийском Первосвятителе. Не успел он там пробыть и нескольких месяцев, как на Ближнем Востоке разразилась очередная война. Владыка немедленно сел в самолет и прибыл в Москву. Когда же Патриарх выразил ему свое неудовольствие по случаю самовольного возвращения, епископ отвечал ему буквально следующими словами:— Ваше Святейшество, ведь пуля — дура. Она не разбирает, кто араб, кто еврей, а кто — русский архиерей.

Алма-атинский Митрополит Иосиф (Чернов) как-то прогуливался возле своего дома. К нему подошла маленькая девочка и сказала:— Дедушка, а я что знаю...— Что же ты знаешь,

детка?— А человек произошел от обезьяны...— Неужели?.. Ну, ладно... А как твою маму зовут?— Наташа.— Ну, хорошо. Кланяйся своей Наталье Обезьяновне...— Моя мама — не обезьяновна!..— Как же не обезьяновна? Если человек произошел от обезьяны, значит и она — обезьяновна.— Нет, нет! Моя мама — не обезьяновна! Нет!На том разговор и закончился.

Знаменитый Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) гулял по какому-то садику, где играли дети. Был он, разумеется, в рясе и клобуке. Владыку увидел милиционер и буквально набросился на него:— Гражданин, почему вы тут гуляете в таком виде?.. Здесь же дети! Подумайте, какой вы им пример подаете?..Владыка отвечал:— А по-вашему так: если бы я нацепил кобуру с пистолетом, это было бы для них лучшим примером?..

Я когда-то заметил некую сообразность, некое соответствие между возглавителями советского государства и современными им первоиерархами Русской Православной Церкви. Патриарх Тихон был достойным партнером Ленина, Митрополит (Патриарх) Сергий — соответствовал Сталину, Патриарх брежневских времен — Пимен вполне может быть наименован “застойным”... Эта закономерность не распространяется лишь на Патриарха Алексия I, первосвятительство которого началось при Сталине, продолжалось при Хрущеве и окончилось уже при Брежневе. Дворянин хорошего рода, лицеист, он никогда не стремился к высшим должностям, но обстоятельства складывались таким образом, что он, сам не домогаясь этого, возвышался и возвышался... Когда он был избран на Первосвятительский престол, ему было уже 68 лет, и более молодые претенденты полагали, что Святейший не протянет особенно долго. Однако же Бог распорядился таким образом, что Патриарх Алексий дожил до 93 лет, а все его завистники умерли гораздо раньше.

Вот дословный рассказ Владыки Киприана (Зернова).— Меня только что посвятили в епископы, и мне пришлось сослужить Патриарху Алексию. С нами служил еще и Владыка Леонид (Поляков), его тоже только что поставили... Служим втроем... В какой-то момент Святейший сел. Мы тоже уселись... Тогда Патриарх посмотрел на нас и кротко так говорит: “Я сел потому, что очень ноги болят. А вы почему сели?” Мы с Леонидом вскочили как ошпаренные!

Некоторые из диаконов носят бороды, но есть и такие,

которые бреются. Архиепископ Киприан полагал, что это допустимо, ибо, по его мнению, если священник в определенные моменты богослужения уподобляется Спасителю, то диакон — ангелу, а посему вполне может быть безбородым. Однако же Патриарх Алексий был противоположного мнения.В Егорьевске долгое время служил протодиакон о. Павел Васильев. Как-то раз в Москве в храме Пимена Великого его подвели к Патриарху Алексию и представили. Святейший сказал:— Скажите, отец Павел, а у вас в Егорьевске все диаконы бород не носят?— Ваше Святейшество, — отвечал тот, — я уже три раза бороду отпускал, но очень становлюсь похож на Израиля.Патриарх посмеялся и сказал:— Ну, на Израиля так на Израиля... А бороду все-таки носить надо...

Вот подлинный рассказ Патриарха Алексия.— В сороковых годах был у меня в соборе ключать — ужасный карьерист. А тут сразу же после окончания войны мы отправились с паломничеством в Святую Землю. Улетали мы на самолете... И вот я сижу возле иллюминатора и смотрю на провожающих... А среди них стоит этот ключарь, и вдруг я вижу, что он делает какие-то движения руками, что-то мне показывает... Как будто изображает геометрическую фигуру — ромб... Я ничего не понял, но на всякий случай жестом послал ему благословение... Когда же мы вернулись из паломничества, я вдруг вижу, что он служит с палицей... Я спрашиваю: “Кто же вас наградил?” А он говорит: “Вы сами, Ваше Святейшество”. — “Как? — говорю. — Когда?” — “А помните, вы в самолете сидели, а я на аэродроме стоял и еще руками вам ромб изобразил... А вы меня из окошечка благословили...” А палица-то — ромбовидная...

Однажды к Патриарху Алексию обратились с просьбой удалить за штат московского священника.— А почему его надо увольнять? — спросил Святейший.— Он очень старый...— А я? — спросил Патриарх.На этом разговор был окончен.

Архиепископ Киприан в бытность свою управляющим делами Патриархии всякий раз сопровождал Святейшего Алексия, когда тот бывал зван на официальные кремлевские приемы. Там всегда происходило одно и то же: к Святейшему приближался Ворошилов и пел тропарь перенесению мощей Святителя Николая: “Приспе день светлого торжества, град Барский радуется...” (Тропарь он помнил с детства, ибо тогда пел в хоре Никольского храма.) Эта повторяющаяся сцена была тем забавнее, что оба они — и Патриарх и Ворошилов — были уже дряхлые и

почти глухие...

Скончался Патриарх Алексий 17 апреля 1970 года, в ночь под Лазареву Субботу. Я хорошо запомнил рассказ о том, как прошли его последние минуты. Святейший укладывался спать и уже сидел на своей кровати. Перед ним стоял его секретарь Д.А.Остапов. Вдруг Патриарх снял с себя образок, который всегда носил на теле. (Эту иконку Д.А. когда-то привез ему в ссылку.) Сняв образок, он протянул его Остапову и сказал:— Возьми...— Как? — удивился тот. — Зачем?— Он мне уже не нужен, — проговорил Патриарх. — Вот идут архимандриты меня встречать...И тут он стал называть имена уже покойных священнослужителей.Его уложили и тут же вызвали “скорую помощь”.Все это происходило в Переделкине, и машина из “кремлевской” кунцевской больницы примчалась через 11 минут... Однако врачам тут уже было делать нечего.

Про покойного Патриарха Пимена Владыка Киприан говорил: — Он — церковник до мозга костей.По этой причине Святейший в высокой степени обладал своеобразным сословным юмором.В бытность его Митрополитом Крутицким служил он в одной московской церкви. Там был диакон, как видно, только что принявший сан и по этой причине чрезвычайно затягивающий службу. Когда же он вместе с народом запел Символ веры, Владыка Пимен без всякой улыбки спросил настоятеля храма:— А у вас в Алтаре есть раскладушка?— Нет, Владыка, — растерялся батюшка.— Жаль... Я бы поспал, пока он поет “Верую”...

Как-то такое Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен прибыл в московскую гостиницу “Украина”. Швейцар помог иерарху снять зимнюю рясу и принял из его руки епископский посох. Но при этом то ли от почтительности, то ли по небрежности посох уронил, да так, что при падении от трости отлетел набалдашник. Швейцар в смущении поднял то и другое и сказал Митрополиту:— Прости, батюшка... Клюшку твою сломал...— Какую клюшку?! — взъярился архиерей. — Что я тебе — хоккеист?!

В день ангела Святейшего Патриарха Пимена пришли поздравить многочисленные клирики. Каждый из них преподносил имениннику просвору. Один из батюшек решил выделиться и подал Патриарху просвору размером с кастрюлю. Святейший принял ее, благоговейно приложился к изображению креста, а потом вернул поздравлявшему с такими словами:— А

теперь, батюшка, съешьте-ка ее!..

Один из клириков патриаршего собора был художником-любителем. По договоренности с настоятелем и старостой он написал над дверями, через которые ходил Патриарх, икону Святителя Московского Алексия, чьи мощи почивают в этом соборе. Когда икона была готова, ее решили продемонстрировать Святейшему. Когда он приблизился к дверям, ему указали наверх:— Вот, Ваше Святейшество, написали нам икону Святителя Алексия...Патриарх взглянул и проговорил:— Кто же это такого деда Мороза нарисовал?..

И еще такой эпизод. Как-то летом, находясь на своей даче в Одессе, Святейший Пимен загорал, сидя у моря в шезлонге. Мимо него по какой-то надобности шли три иподиакона. Увидев обнаженного Патриарха, они пошли гуськом, демонстративно отвернувши от него свои головы. Заметив этот маневр, Святейший проговорил:— Ну что выстроились, как на малом входе?(“Малый вход” — священнодействие, бывает на литургии и на вечерне.)

А вот самый последний анекдот, связанный с именем Патриарха Пимена. (Это произошло недели за две до его кончины, в апреле 1990 года.) В Чистый переулок, в здание Патриархии, пришел деловитый мужчина и обратился к секретарше:— Могу я видеть Всевышнего?(Он, конечно, имел в виду “Святейшего”, т.е. Патриарха. Секретарша, разумеется, это поняла и отвечала ему по существу дела, а потому диалог их с богословской точки зрения получился совершенно удивительный. Всевышним мы именуем Самого Бога.)— Могу я видеть Всевышнего?— Он плохо себя чувствует, — отвечала секретарша.— А есть у него заместитель по хозяйственной части?— Есть, — отвечала секретарша и указала посетителю путь в хозяйственное управление.

“Неуемные” архиереи

Архиерей наш Никодим
—Архилютый крокодил...
Н.Лесков. “Мелочи архиерейской жизни”

Самое словечно “неуемные” я заимствовал у Лескова. Но, разумеется, он не сам его выдумал, а услышал в среде современного ему духовенства. И хотя наши печальные времена вовсе не похожи на лесковские, “неуемные” архиереи до сей поры не перевелись на Руси.

В пятидесятых и шестидесятых годах самым известным из подобных “святителей” был Преосвященный Антоний (Кротевич). В “Записках сельского священника”, принадлежащих перу протоиерея Георгия Эдельштейна, я обнаружил любопытнейшие сведения о “злохудожествах” этого самодура.

“Многие черты заставляли думать, что Владыка Антоний вряд ли был психически нормальным человеком. Священники старшего поколения Костромской, Тульской, Ивановской епархий могут часами рассказывать о его безобразиях. Ни один архиерей не оставил после себя такой неувядаемой “славы”. Теперь, правда, эти батюшки весело смеются, а лет 45 назад, если вызывал кого-нибудь этот епископ, служили молебен не о “в путь шествующих”, а о “ненавидящих и обидящих нас”. Вызываемый просил прощения у жены и у родителей, благословлял перед дорогой детей и ехал в епархию словно в ставку монгольского хана. Управу на Преосвященного Антония искать было бесполезно: где-то там, в самых верхах, у него была мощнейшая “рука”.

“Вызывает меня Владыка Антоний в Тулу, — рассказывал мне огромный тучный архимандрит Василий, — сразу, с порога, без предисловий, без благословения говорит мне: “Ты — осел, глупый, безмозглый осел! Тебе нельзя ездить ни на поезде, ни на автобусе! Теперь тебя будут возить по Туле на осле, чтобы все видели, кто ты есть”. Дал иподиаконам по сколько-то денег,

велел нанять на рынке осла с тележкой (на них тогда все с рынка возили), велел усадить меня в эту маленькую тележку (а я и тогда крупный был мужик, хоть брюхо было поменьше) и два часа меня возить, да непременно по центральным улицам. А за что — про что такая милость, архиерей даже словом не обмолвился. Я, конечно, тоже не спрашиваю: еще пуще рассвирепеет. “Как благословите, говорю, — Владыка”. Но как только за угол завернули, и Антонию из окна нас не стало видать, я обоим иподиаконам по красненькой в зубы… Один, правда, покуражился для порядка, мало ему показалось, но я больше не дал, он и успокоился. В центр везти не стали, а закоулочками, да переулочками за базар завезли. Там сколько надо постояли, один за пивом сбегал… А потом вернулись в епархию и доложили, что весь народ надо мною, ослом, всю дорогу животики надрывал”.

“Как только Антоний меня вызывает, я первым делом к Константину Арбузову, это его протодиакон и секретарь, — рассказывал мне заведующий канцелярией Саратовского епархиального управления о. Всеволод, много лет прослуживший в Тульской епархии. — Этому Арбузову Антоний как-то в порыве гнева весь рот раскровянил прямо в Алтаре… Но очень ему доверял всегда. Если протодиакона Арбузова дома нет, я там чего принес — мед или грибочки — оставлю, а сам — в собор. Если там не найду, подкрадусь на цыпочках к калитке епархиального управления — оно там от собора совсем неподалеку — и в дырочку в воротах заглядываю. Увижу кого-нибудь знакомого во дворе, Арбузова вызову, разузнаю, что к чему, зачем Владыка вызывает, а потом уж иду. Когда — сразу, когда — после обеда, чтобы он на ком-нибудь другом зло сорвал. Один раз стал подкрадываться, а он меня издали в окно увидал, сам со двора к калитке подобрался (он шустрый был такой, на месте никогда не сидел, десять раз за день все кругом обежит), вдруг калитку распахнул и меня посохом по башке — раз! Я развернулся и деру вниз по улице к базару… А он в азарт вошел да за мной со своим дрыном, подрясник развевается… “Держи! — вопит, — Держи мерзавца!” На улице, вроде, никого не было, да я и не заметил бы никого… Полквартала бежал и орал, но я, конечно, помоложе, да ведь и шкуру спасал — не догнать ему меня. Через месяц, гляжу, опять зачем-то вызывает. Оказалось — насчет оформления разных треб. О прошлом даже не вспомнил, так и не знаю, почему бегали”.

И наконец, еще история совершенно в лесковском духе, которую записал я сам. На краю Владимирской области, на

границе ее с Московской стоит неподалеку от шоссейной дороги храм. В семидесятых годах служил там некий батюшка, проживал он в церковном доме вместе со своим помощником — псаломщиком. Как-то раз, дело было зимою, отслужили они воскресную службу, пришли домой и с аппетитом пообедали. Покушали на славу, да так, что совершенно не осталось у них никакой провизии. И решено было, что кто-то из них ранним утром отправится в Москву за едою...Но тут псаломщик возьми да и скажи:— А что как сегодня к нам Владыка заедет?— Типун тебе на язык, — отвечал батюшка, — Даст Бог, не заедет...А тут надобно заметить, что занимавший в те годы Владимирскую кафедру Архиепископ С., отличавшийся неуемным нравом, изрядной тучностью и отменным аппетитом, нет-нет, да и заворачивал с московской дороги на этот приход — отдохнуть и несколько подкрепиться в пути.Увы! — так и на этот раз. Услышали хозяева громкий стук в дверь и, отворивши ее, увидели перед собою архиерейского келейника.— Идите Владыку встречать!Растерянные хозяева поспешили к стоящей у крыльца “Волге”, помогли незванному гостю высадиться... И вот уже огромный, тучный архиерей встал посреди прихожей, где с него почтительно сняли зимнюю рясу.— Обедом покормишь? — спросил он батюшку.— Владыка, ради Бога простите, — отвечал тот, — у нас, как на грех, вся провизия кончилась... Нечем вас угостить...— Ну, хоть картошки свари, — сказал архиерей.— И картошки не осталось... За картошкой надо в деревню идти, два километра...— Тогда чаю давай.— Чаю сейчас заварим, — засуетился батюшка, — чай, сахар, все есть...И незадачливые хозяева бросились ставить чайник на плиту. Но тут к ужасу своему они увидели, что газ в баллоне почти кончился — синенький огонек едва теплится...А тем временем архиерей, уже восседающий за столом, громко произнес:— Скоро вы там?— Сейчас, сейчас, Владыка... У нас тут газ кончается...— Еды у тебя нет, газ кончается, — сварливо проговорил важный гость. — Ну, вот что: наливай мне чай, какой есть!Он с отвращением выпил полстакана теплохладной жидкости, встал из-за стола и приказал священнику:— Проводи меня в туалет.(Псаломщик, который излагал мне этот драматический сюжет, тут прервал свой рассказ и пояснил:— А туалет-то у нас какой? Выгребная яма... А пол-то — досточки ходуном ходят... Сколько раз я старосте говорил: “Надо пол укрепить, не дай Бог, пойдет в туалет Владыка... А в нем весу полтораста килограмм...И как в воду псаломщик глядел.)Не успел архиерей закрыть за собой дверь, как послышался треск досок и страшная ругань... Подоспевшие на помощь келейник и хозяева увидели, что Владыка руками

уцепился за стены кабины, а нога у него ушла под пол...После того, как его с превеликими трудами извлекли из сортира, архиерей перестал изрыгать проклятия. Он немедленно облачился в свою рясу, ударил посохом в пол и возгласил:— Ноги моей здесь больше не будет!С этими словами он вышел на крыльцо и громко хлопнул дверью.И псаломщик мне подтвердил: слово свое Владыка сдержал — он ни разу больше не заехал на этот приход. А потом его перевели в далекую южную епархию.

Молва передает такой случай. Некий “неуемный” архиерей, очень строгий по отношению к подчиненным, в день Тезоименитства получил от своих клириков подарок — изящную и дорогую панагию. Подношением этим Владыка был весьма доволен до той минуты, пока не разглядел на оборотной стороне панагии гравировку. Там были слова из какого-то будто бы акафиста Божией Матери:“Радуйся, зверонравных владык сердца умягчающая!”

Младенец в митре

Поверьте, что, может быть, ни в какой другой русской среде, особенно в среде так называемых “особ”, вы не встретите такого процента людей светлых и вполне доброжелательных, как среди епископов, которые, к сожалению, большинству известны только с сухой, официальной их стороны.Н.Лесков. Мелочи архиерейской жизни

В декабре 1979 года мой духовный отец архиепископ Киприан сказал мне:— Поезжай в Ярославль, подай Митрополиту Иоанну прошение о рукоположении.Этому предшествовали долгие наши с Владыкой Киприаном разговоры, в которых я убеждал его, что мне пора принимать священный сан, ибо вовсе невозможно стало заниматься постыдной в те годы литературной работой. Он все это слушал с пониманием, но я был его иподиаконом, и расставаться со мною ему не хотелось. Он надеялся, что ему, в конце концов, удастся самому рукоположить меня и что я буду служить в его храме на Большой Ордынке. Однако же тогдашний московский уполномоченный Плеханов при одном только упоминании моего имени замахал на Владыку руками. И вот, наконец, я получаю его благословение ехать к Митрополиту Иоанну.На другой же день с самым ранним поездом я прибыл в Ярославль и без особенного труда отыскал епархиальное управление. (Надо сказать, там препротивный адрес — улица, как нарочно, была названа именем Емельяна Ярославского, который прославился своими кощунственными писаниями и был председателем “Союза воинствующих безбожников”.) В управлении царила растерянность и уныние, ибо незадолго до этого Митрополит был отправлен в больницу. Тем не менее прошение мое приняли, и я в тот же день отбыл обратно в Москву.

Владыка Иоанн болел тогда серьезно и очень долго. Он перенес четыре операции и четыре месяца пробыл в больнице.

Впоследствии мне стали известны некоторые умилительные подробности. Когда Митрополита увезли в больницу и об этом было объявлено в соборе — плакали все: настоятель о. Борис Старк, и батюшки, и прихожане... Так со слезами и молились об его исцелении.Несколько лет спустя я сказал Митрополиту:— Владыка, а ведь вас тогда, в восьмидесятом году, отмолили.— Я знаю, что отмолили, — отвечал он.А потом улыбнулся и добавил: — Только уж очень долго отмаливали.

Году в восемьдесят пятом или восемьдесят шестом, когда я уже был в сущем сане, мы разговорились о Митрополите Иоанне с архиепископом Киприаном. Между прочим, он мне сказал:— Ты думаешь, я просто так тебя к нему направил? Это — самый интеллигентный архиерей нашей Церкви.

Митрополит Иоанн был не только весьма “интеллигентный архиерей”, но это был человек с совершенно нетипичной для этого сана биографией. Нечто подобное можно найти лишь в жизнеописании приснопамятного архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).Владыка Иоанн (в миру Константин Николаевич Вендланд) был выходцем не только из интеллигентской, но отчасти и аристократической среды — семья его была в родстве с Лермонтовыми. Уже в советское время К.Н.Вендланд блестяще окончил Ленинградский Горный институт и стал ученым геологом, наука сделалась его основной профессией вплоть до 1944 года. Биография Владыки Иоанна опубликована в “Журнале Московской Патриархии” (1989, № 12), о нем подробно писали многие светские издания. Но вот о чем я не видел конкретного упоминания в печати, так это о том, что с тридцатых годов геолог К.Н.Вендланд был монахом и священником так называемой “катакомбной Церкви”. Надо сказать, что, глядя в восьмидесятых годах на осторожного, законопослушного ярославского архиерея, этого никак нельзя было бы предположить.

Я впервые увидел Владыку Иоанна в самом конце шестидесятых годов. Тогда он носил титул Митрополита Нью-Йоркского и Алеутского. Прибыв в очередной раз из-за океана, он остановился в гостинице “Россия” в Зарядье и пешком пришел помолиться в расположенный неподалеку храм на Большой Ордынке.Облик Митрополита произвел на меня сильное впечатление. С одной стороны — величественность, высокий рост, длинная борода, с другой — простота, доступность, улыбчивость. Да и самый факт, что он ходил по Москве пешком... Ах, кто бы мне тогда шепнул, что именно от него я получу

благодать священства!..

Недели через две после моей поездки в Ярославль архиепископ Киприан получил такое письмо:“Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка!Ко мне обратился проживающий в Москве Ардов Михаил Викторович с просьбой о рукоположении и принятии в клир епархии.С его слов, а также из поданной автобиографии следует, что одно время он в стихаре прислуживал в храме за богослужениями Вашего Высокопреосвященства.Не откажите в любезности, дорогой Владыка, сообщить мне о вышеупомянутом просителе все, что Вы найдете возможным.С братской любовиюи глубоким уважением к ВамМитрополит ИоаннЯрославский и Ростовский”.

В своем ответе архиепископ Киприан отозвался обо мне весьма лестно, и вот в конце марта восьмидесятого года я получил телеграмму:“Вопрос о Вашем рукоположении и назначении на приход решен положительно. Приезжайте не позднее субботы 29 марта для первого рукоположения.Митрополит Иоанн”.Так решилась моя судьба.

Владыка тогда только что вышел из больницы, и я был первым, кого он после этого рукоположил. Диаконская моя хиротония происходила в Вербное воскресение в крестовом храме во имя Святителя Иннокентия, Митрополита Московского. Затем всю Страстную я прослужил в кафедральном соборе. Настоятелем тогда был протоиерей Борис Старк — сама доброта, ум, аристократизм. В то памятное мне время атмосфера в соборе дышала благожелательностью и всеобщим дружелюбием.Надо сказать, что Митрополит все еще оправлялся после болезни, в собор он не приходил, а служил у себя в крестовой церкви. По причине его слабости было решено, что в Пасхальную ночь он совершит лишь заутреню, а литургию будет служить позднюю — утром в Светлый День.В Великую Субботу вечером, уже незадолго до начала полунощницы, Владыка Иоанн появился в Алтаре собора... Едва усевшись на свое кресло, он потребовал меня к себе.Я почтительно приблизился.— Отец Михаил, вы меня не подведете?— Нет, Владыка... постараюсь не подвести...— Хорошо... Тогда вашу священническую хиротонию мы совершим завтра же — на День Святой Пасхи...Вот так произошло нечто невероятное — на Пасху рукоположений не бывает, но Господь судил мне принять благодать священства именно в этот светоносный День... Я тогда воспринял это (да и теперь так воспринимаю) как знак очищения от многочисленных моих

тяжких грехов — “Никто же да плачет прегрешений, прощение бо от гроба возсия!”Ах, незабываемый день! Незабываемое время!..

В мае того же восьмидесятого года я сидел у уполномоченного совета по делам религии по Ярославской области. Он только что вручил мне так называемую справку о регистрации и теперь напутствовал, призывал неукоснительно соблюдать законодательство о культах. В это самое время дверь его кабинета распахнулась и на пороге возникла внушительная фигура Митрополита Иоанна. Мы с уполномоченным поднялись, я стал прощаться и, как помнится, произнес такую фразу:— За мною идет Сильнейший меня... (Мк. 1, 7).Митрополит улыбнулся и глазами дал мне понять, что слова мои оценил по достоинству.

В годы святительства Митрополита Иоанна в самом ярославском епархиальном управлении была какая-то располагающая атмосфера. Бывало, все двери — настежь... Вот появляется высокая фигура Владыки, он широко раскидывает руки, улыбается и раздельно произносит:— До-ро-гой о-тец Ми-ха-ил...

Я помню, в те годы были и недовольные. Кое-кто жаждал большего порядка в епархиальных делах, кто-то тосковал по “твердой руке”. А я тогда говорил этим людям:— Подождите. Придет время, добром помянете и порядки эти, и самого Владыку Иоанна.

К Митрополиту можно было попасть в любой день и в любой час. Помню только один случай, когда двери его были закрыты — к нему рвалась группа разъяренных женщин с требованием вернуть в их храм только что переведенного от них батюшку. Секретарша объявила им, что Митрополит болен, а мне успела шепнуть, что меня он, конечно, примет.Я нашел его на втором этаже епархиального дома, в просторной зале, которая служила и столовой и гостиной. Он меня благословил и, слегка смущаясь, промолвил:— Я здесь скрываюсь от женщин.Я сказал:— Для монаха это — вполне достойное делание.В ответ он разразился своим громким смехом, с раздельными “ха-ха-ха-ха”...

Вспоминаются мне ежегодные обеды на день Ангела Владыки. Нельзя сказать, чтобы столы у него были изысканны, но зато атмосфера царила самая непринужденная. Непременно приглашались соборные певчие, которые к концу застолья пели уже не столько духовные гимны, сколько любимые Митрополитом

романсы.И еще одна непременная деталь. Секретарь Владыки покойный отец Г.К., который несколько лет служил в Грузии, всякий раз пел по-грузински “многая лета”.Как-то я заметил вслух:— Это мы слышим по-грузински. “Многая лета” — на славянском языке. А кто знает, как будет “многая лета” на русском?И, помолчав, я добавил:— По-русски “многая лета” звучит так: прокурор добавит.Соседи мои засмеялись, а один батюшка предложил:— А вы так и спойте: “прокурор добавит, прокурор добавит, прокурор добавит...”— Достаточно того, что я это произнес, — отвечал я ему.

Всякий год на второй день Рождества Христова Владыка Иоанн устраивал у себя елки для детей своих сотрудников и сослужителей. Читались стихи, пелись песни, выступали все — от четырехлетних детей до маститых священнослужителей. И решительно все получали подарки. Первая такая елка состоялась в 1968 году, а последняя в 1985-м. И вот что любопытно, некоторые постоянные гости, которые на первые елки приходили еще детьми, в восьмидесятых годах приводили туда собственных своих чад.

В гостиной у Митрополита стоял большой круглый стол, на котором располагалась изумительная коллекция минералов, камни там были поразительно красивые. (Владыка много лет занимался петрографией.) Именно эта коллекция послужила причиной нашего с ним примечательного разговора.Мне стало известно, что Митрополит благословил соборным певчим во время исполнения псалма “На реках вавилонских...” исключить последний, 9-й стих — “Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!”Я как-то говорю ему:— Владыка, вы исключили последние слова из псалма “На реках вавилонских”? — Да, у меня их не поют. Мне это представляется проявлением расизма со стороны еврейского народа.— Нет, Владыка, — говорю я, — тут дело совсем в другом. Вы жалеете не вавилонских младенцев, вам жалко камни, о которые их разбивают. У вас такая прекрасная коллекция, такие красивые минералы, и вдруг о них бьют каких-то младенцев...Тут Митрополит мой стал смеяться, и смеялся он очень долго. Наконец, успокоившись, он спросил меня:— А вы у себя эти слова не исключили?— Нет, Владыка.— Так... Ну, а если я вам это благословлю, вы их исключите?И тут я смутился. С одной стороны, я псалом этот воспринимаю не буквально, а так, как учит Церковь — символически. (Мы должны разбить свои грехи о “камень” веры.) А с другой стороны, Митрополит был правящим архиереем, и

проявить непослушание мне не хотелось. Колебания мои длились несколько секунд, после чего я ему сказал:— Если вы мне благословите, я эти слова исключу... Но, Владыка, у меня псаломщица восьмидесяти с лишком лет, и она не исключит эти слова, даже если ей благословит это сам Святейший Патриарх со всем своим Синодом.— Да, — отвечал Митрополит, — я это понимаю.

Владыка Иоанн не только был лоялен по отношению к советской власти, у него, как почти у всех интеллигентов его поколения, было некое романтическое отношение к самой революции. Как-то в разговоре со мною он с восхищением отозвался о поэме А.Блока “Двенадцать” и, в частности, высоко оценил самый факт появления Господа Иисуса в финале. На это я ему пересказал мнение отца Павла Флоренского, который в свое время замечательно разобрал поэму, определил ее жанр — “бесовидение в метель” и возвел генеалогию вещи к стихотворению Пушкина “Мчатся тучи, вьются тучи...” От себя же я добавил следующее:— Всякое выведение Господа Иисуса Христа в изящной словесности суть явление антихриста. Сам Господь предупредил нас: “Итак, если скажут вам: “вот Он в пустыне” — не выходите; “вот Он в потаенных комнатах” — не верьте. Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого” (Мтф. 24, 26-27). Так что если вам скажут — “в белом венчике из роз” — не верьте. Это — антихрист.Выслушав меня, Владыка простодушно заметил:— Это вы меня озадачили.

По природе и по воспитанию своему Митрополит был настолько деликатен, что практически не мог никому сделать резкого замечания. Я вспоминаю, как явился по какому-то делу в собор. Шла Божественная литургия. Владыка не служил, а сидел в своем кресле справа от Престола. В то время, как диакон на амвоне читал Апостола, я и мой друг отец И.М. перекинулись несколькими словами. Услышав наши голоса, Владыка Иоанн произнес:— Это не комильфо, чтобы батюшки в Алтаре разговаривали во время чтения Священного Писания.

Вот еще пример его добродушия. Ему доложили, что некий молодой священник, человек со странностями, не имеющий почти никаких наград, на своем приходе служит в митре. (Вообще-то говоря, это — серьезный проступок, и тот батюшка при преемнике Митрополита был за него наказан.)Реакция же нашего старца была в своем роде замечательная.— А какая у него митра? —

спросил Митрополит. — С крестом наверху? Или с иконкой?(Надо тут пояснить, что в то время в митре с крестом служил только Патриарх и митрополиты, а все прочие, в том числе и архиереи, в митрах с иконками.)Владыке Иоанну отвечают:— У него митра с иконкой.— Ну, раз с иконкой, пусть себе служит...Такова была устная резолюция.

Владыка Иоанн рассказывал о таком забавном происшествии, которое случилось с ним в бытность его Митрополитом Нью-Йоркским и Алеутским. Он шел по какой-то улице в Нью-Йорке. К нему подошел негр и сказал:— Равви, я тоже верю в еврейского Бога. Мне очень хочется выпить. Дай мне, пожалуйста, четверть доллара.(Тут надо напомнить, что по происхождению своему Владыка был из немцев, и семитского в его внешности не было решительно ничего.)Просьба чернокожего рассмешила Митрополита, и он дал попрошайке пятьдесят центов.Негр взглянул на монету и произнес:— Равви, я у тебя просил четверть доллара, а ты мне дал пятьдесят центов... Может быть, ты тоже хочешь со мною выпить?

Мне вспоминаются рассказы Владыки Иоанна об уполномоченном совета по делам религии А.И.Степанове, который состоял на этой должности в Ташкенте в послевоенные годы. Епископом там был духовный отец нашего Владыки — будущий Митрополит Гурий (Егоров), а тогдашний отец Иоанн был его секретарем. Разумеется, исполняя подобное послушание, отец Иоанн вынужден был часто общаться с уполномоченным. У того была любопытная биография. Будучи офицером царской армии, он женился на кухарке, за что был подвергнут остракизму со стороны прочих офицеров своего полка, и в результате стал большевиком. Владыка Иоанн рассказывал, что у него были весьма явные симпатии к Церкви.В те годы в Ташкенте некий благочестивый человек добивался открытия православного храма. И, в конце концов, он этого добился не без содействия уполномоченного. (Храм этот существует и по сию пору.) Однако же в то время средств на строительство полноценного церковного здания не было. По этой причине соорудили нечто вроде дворика под навесом, а алтарная часть была сделана на манер сцены и находилась под крышей. Учитывая теплый ташкентский климат, это было на первых порах вполне пригодное место для совершения богослужений. Затем стал вопрос о регистрации нового храма. И тут уполномоченный стал перед задачей, как его официально наименовать. Церковь? Это — не церковь. Молитвенный дом? Это даже еще и не дом... В конце концов,

выход был найден, и новый приход был зарегистрирован в качестве “молитвенного павильона”... Богослужения начались, и через некоторое время у прихода оказалось достаточно средств, чтобы построить подобающее здание.

Как-то сидели мы в кабинете у Митрополита — он сам, его секретарь и я. Я рассказал им историю о том, как на обновленческом приходе “супруга” “архиерея” заявила: “Я — владычица” (смотри главу “Тихоновцы” и “обнагленцы”). Посмеялись. После этого секретарь Владыки выразил мнение, что давно пора ввести в Православной Церкви женатый епископат. Митрополит сказал:— Этого нельзя допустить ни в коем случае. Именно по причине подобных “владычиц”.Действительно, представить себе, что в каждом архиерейском доме помимо самого владыки обитает и его законная “владычица” — жутковато...

Я бы вообще сказал про Митрополита Иоанна, что он был вовсе не столь наивен, сколь прост. Помнится, в нашем разговоре он сказал о ком-то:— Хороший священник.Потом подумал и добавил:— В наше время нормальный — значит хороший.

Мой приятель отец А.К. — целибат. В свое время перед рукоположением он был пономарем в Ярославском соборе. Когда настало время принимать сан, он выразил желание остаться безбрачным. После этого Владыка Иоанн подверг его своеобразному испытанию. Он взял его с собою на один из приходов. А у тамошнего настоятеля были в то время три взрослые еще незамужние дочери весьма привлекательной наружности. После богослужения, как водится, состоялся обед. При этом Митрополит распорядился таким образом, чтобы приятель мой был посажен за столом против дочерей хозяина. Затем в продолжение трапезы Владыка на него посматривал, следил за тем, как тот реагирует на своих визави... А.К. испытание выдержал и вскоре принял священный сан без брака.

Однажды Владыка Иоанн мне сказал:— Ну, что мы теперь за архиереи?.. Вот раньше были архиереи, до революции... Вот, например, служат вместе правящий Владыка и его викарный епископ. Правящий стоит посреди храма, а викарий несколько отступя назад. И вдруг он делает полшажка вперед. Тогда правящий говорит ему вполголоса: “Куда ты лезешь, г.... собачье?” Вот это были — архиереи!..

Вообще же чувство юмора было в нем развито. Иногда шутки его бывали весьма неожиданного свойства. Мой приятель женился и вот-вот должен был принять священный сан. Во время разговора, который происходил в епархиальном управлении, Владыка Иоанн вдруг спросил его:— А ты свою жену любишь?— Ну, Владыка, — тот слегка замялся от неожиданности, — конечно...— То-то, — сказал Митрополит. — Но поговорку знаешь?.. Люби, как душу, а тряси, как грушу!..И сам стал смеяться больше всех присутствующих.

Помнится, были мы у него с одним батюшкой. Разговор зашел о наградах. Владыка говорит:— А у вас, отец П., какая последняя награда?Тот отвечает:— Вы, Владыка, наградили меня набедренником.— Ну, слава Тебе, Господи, — сказал Митрополит, — есть хоть чем наготу прикрыть...

Как-то я зашел в епархию случайно и был в гражданской одежде. Видеть Митрополита я не рассчитывал, но он сам вышел мне навстречу. Принимая от него благословение, я проговорил:— Простите, Владыка, — “хитон не брачен”.На это он, не задумываясь, ответил словами тропаря из последования к Святому Причащению:— Связан извержен будешь от ангелов.

Один из клириков епархии как-то полушутя спросил Владыку Иоанна касательно его секретаря:— А отец Г. в Бога верит? Митрополит на секунду задумался и сказал:— Нет, все-таки верит...

В семидесятых годах Митрополит как-то служил на одном из приходов. Разумеется, там были заранее заготовлены для раздачи гостям конверты с вложенными туда банкнотами. Однако же староста в последний момент все их перепутала, в результате чего объемистый конверт, предназначавшийся архиерею, достался соборному протодиакону, а самому Владыке вручили тоненький — иподиаконский. Митрополит Иоанн, Царствие ему Небесное, был бессребреником, но все же пожаловался одному клирику в соборе:— Дать архиерею пять рублей... Я себе никогда этого не мог представить.

Его бескорыстие и истинно евангельское отсутствие попечительности о завтрашнем дне в особенности проявилось в первые же дни после того, как Владыку Иоанна “вытолкнули на покой”. Совершилось это как гром среди ясного неба. Формулировака синодального решения была оскорбительной —

“по причине болезненного состояния”. (Я слышал, будто это был прямой приказ впоследствии прославившегося своим либерализмом и фрондерством председателя совета по делам религий К.М.Харчева.) И тут выяснилось, что Митрополиту некуда выехать из епархиального дома — у него была лишь крошечная без всяких удобств квартирка в Переяславле, оставшаяся в наследство от сестры. В Синоде, естественно, никто и предположить ничего подобного не мог. Восемнадцать лет на ярославской кафедре и за такой срок, по лесковскому выражению, “не купил себе хибару и не возрастил тыкву”...Местные власти, которые питали к Митрополиту неподдельное уважение — за его ученость, знание языков и иностранные связи, решили предоставить ему трехкомнатную квартиру в новом кирпичном доме. Но дом этот был не готов, и Владыке еще не один месяц пришлось прожить в бывшем своем кабинетике по соседству с крестовой церковью.Епархиальное управление на этот срок обратилось в род коммунальной квартиры, на втором этаже жил новый правящий — архиепископ Платон, а внизу в двух комнатенках ютился наш добрейший Владыка. Как-то я зашел к нему туда и говорю:— Теперь Ярославль по своему значению почти достиг уровня “православного Парижа”.Он спрашивает:— Что вы имеете в виду?— Как же, — говорю, — у нас теперь есть “двухсвятительское подворье”. (Тут надо пояснить, что в Париже есть весьма знаменитое с двадцатых годов “Трехсвятительское подворье”.)

Самые последние годы жизни Владыка Иоанн провел в своей квартире, в районе новостроек. Дом его стоял неподалеку от ярославского ломбарда.— Вот и хорошо, — сказал я ему, — вам не трудно будет при случае отдавать в залог ваши кресты и панагии...

По счастию, шутка эта не имела под собою почвы. Патриархия обеспечила Владыке вполне пристойное одержание, а епархия оплачивала труд женщины, которая была у него горничной и кухаркой.Пока у него было достаточно сил, он продолжал служить в соборе, а дома занимался переводами, писал агиографические и научные статьи... Ясность ума, живость, интерес к людям, чувство юмора он сохранил до самой смерти.Последний раз я побывал у него месяца за четыре до его кончины. Я уже служил в Московской области, а в Ярославль продолжал наведываться ради того, чтобы встречаться с ним и еще некоторыми близкими мне людьми. Тогда я пробыл у него совсем недолго, ему даже в креслах было сидеть трудновато — то

и дело начинались приступы стенокардии. Но он был все тот же — смеялся, явно был рад моему посещению.

Ко Господу он отошел 25 марта 1989 года, в субботу. Телеграмма ко мне в Егорьевск пришла слишком поздно, на похороны я не попал, о чем до сего дня сожалею. Похоронили его в ограде кафедрального собора, того самого, где он прослужил два десятилетия. На могиле его много живых цветов, там почти всегда горят свечи, а вокруг люди, по большей части так или иначе облагодетельствованные им.

Я молюсь об упокоении его души всякий день, и я горд, я счастлив, что Господь судил мне принять благодать священства именно от его рук.Пусть простит меня Бог, но я дерзаю думать, что он заслужил Царствие Небесное, ибо из всех известных мне архиереев, да и вообще из всех духовных лиц, пожалуй, он один заслуживает лесковского наименования — “младенец в митре”.

Помнится, по какому-то делу я зашел в облисполком к тогдашнему уполномоченному А.Ф.З. Это было года через два после моей хиротонии, когда он перестал относиться ко мне с подозрением.— Ну, как вам наш Митрополит? — спросил меня уполномоченный.Я стал искренне хвалить Владыку Иоанна.А он мне сказал:— Это все так... Только уж слишком он добрый. Никого не хочет наказывать.Много позже, когда Митрополит был уже на покое, я пересказал ему этот разговор. Владыка улыбнулся, а потом заговорил вполне серьезно:— Это мой принцип. За все годы своего епископства я “трости надломленной не преломил, и льна курящегося не угасил” (Мф. 12, 20). Один только раз я хотел снять сан со священника, он ударил женщину... И то я в последний момент раздумал. Он написал мне в письме: “Владыка, вы лишаете меня профессии. Я ведь окончил семинарию, я ничего больше не умею делать...” И я его простил...

Помнится, одна довольно скверная баба из моих прихожанок, которую я наказал, поехала и пожаловалась на меня Митрополиту. Он немедленно вызвал меня к себе, и этой встречи с ним я никогда не забуду. Владыка просительно заглядывал мне в глаза и буквально умолял:— Ну, пожалуйста, я вас прошу: помиритесь вы с нею...

Повторяю: были в епархии им недовольные, были у него и недоброжелатели. Говорили, что у него недостаточно твердая воля, что он безропотно починяется распоряжениям властей, что

слишком сильно поддается влиянию своего несимпатичного секретаря... Но Митрополит знал, что делал. Самой главной заботою его было сохранить по возможности все открытые храмы, и он почти всегда своего добивался. В Ярославской епархии при нем было 80 храмов, а в соседних по 40, а то и меньше... За годы святительства он рукоположил 82 священника, и это в столь тяжелые для Церкви времена.Справедливости ради надо добавить, что среди множества ставленников Владыки — увы! — не все оправдывали его доверие, бывали и таки, кто приносил Митрополиту неприятности и даже хлопоты, но есть и весьма достойные, отличающиеся высокой культурой и преданностью Церкви. О таких клириках он говорил:— Это — драгоценные камни, украшающие мою митру.

И теперь, принося дань любви и благодарности Владыке Иоанну, я с полным основанием могу отнести к нему замечательные слова, которые Н.Лесков написал о Митрополите Киевском Филарете (Амфитеатрове):“Так детски чист и прост был этот добрейший человек, что всякая мелочь из воспоминаний о нем наполняет душу приятнейшею теплотою настоящего добра, которое как будто с ним родилось, жило с ним и... с ним умерло...”

Мой благодетель

Тот бы глубоко заблуждался, кто хотел бы настаивать, будто архиереи изменились поневоле и с напуга. У них не может быть никакого напуга. Живой русский такт, присущий этим людям, выросшим на русских поповках и погостах, дает им верную оценку всяческих событий, в которых, несмотря на их порою заносчивый характер, нет ничего способного напугать настоящего русского человека, знающего Русь, как она есть. Нет, архиереи о п р о с т и л и с ь просто потому, что все живое и все желающее еще жить теперь опрощается, по неодолимому закону событий, которых никакие тайные гундосы не могут ни остановить, ни направить по иному направлению.

Н.Лесков. Мелочи архиерейской жизни

Архиерей, которого я знал ближе других, кто был моим духовным отцом и кого я считаю своим учителем и благодетелем — покойный архиепископ Киприан (в миру Михаил Викентьевич Зернов), так же как и Митрополит Иоанн, был выходцем из интеллигентской среды. (Если Митрополит Иоанн состоял с Лермонтовым в родстве, то будущего Владыку Киприана мать нарекла Михаилом в честь великого поэта.) Родился он в 1911 году в Москве. Прадед его был состоятельный купец, но так как он был весьма многочаден, то дед Владыки, получивший свою долю наследства, был вовсе не богат.Владыка вспоминал, что в их доме были иконы и перед ними лампадки, но он не помнил, чтобы когда-нибудь эти лампадки теплились. А когда клирики приходского храма являлись в их квартиру в Подсосенском переулке, чтобы “славить Христа”, все обитатели прятались.— Их встречали только бабушка и я, — вспоминал Владыка.

Религиозность в нем проявилась рано. И не просто религиозность, с 11 лет он стал прислуживать в церкви, в той самой, где был крещен — “Введения в Барашах” у Покровских ворот. Там он исполнял самые разные послушания — был алтарником, чтецом, ризничим... Он, бывало, говорил:— Нам не только ничего тогда не платили в храме, но мы сами из дома еду носили, чтобы кормить священников.

Иногда он рассказывал, как начинал читать по-славянски.

Учителем его был псаломщик Димитрий Иванович. Этого человека я хорошо помню, в мое время — в конце шестидесятых годов — он трудился на Ордынке, был регентом левого хора. Несколько неврастеничный, в очках с толстыми стеклами, он мне очень напоминал Д.Д.Шостаковича, только изрядно опростившегося. Владыка говорил:— Я стою на клиросе, читаю... Стоит сделать неправильное ударение, Димитрий Иванович изо всех сил толкает в бок.А читать ему приходилось очень много, прислужников в храме тогда почти не было. Один раз он до того “зачитался”, что возгласил нечто вовсе невероятное:— Глас девятый!(В обиходе Православной Церкви восемь гласов.)

А время было жуткое — самый разгар гонений на верующих, да и церковные нестроения. Владыка говорил:— Мне не страшно было веру потерять. Я через все прошел. Я в детстве видел, как батюшки в Алтаре дрались...

В дальнейшем на многие годы жизнь его была связана с театром. (Это, кстати сказать, было одно из наших с ним существенных разногласий — он навсегда сохранил слабость к зрелищам и лицедеям, а я, грешник, терпеть не могу всего этого.) Впрочем, то, что сцена стала его профессией, не только его вина. На поступление в театральную студию его благословил священник.— Он мне так сказал, — вспоминал Владыка: — “Ты мальчик нравственный, тебе это не опасно. А они тебе там голос поставят”.Насколько мне известно, в театре он не столько играл, сколько занимался административной деятельностью — был заведующим труппой и, как свидетельствовали очевидцы, с труднейшей этой должностью он справлялся блестяще.С Церковью же, однако, он никогда не порывал, все знали, что он верующий. На праздники он старался освободиться от спектаклей и репетиций и ходил в храм. Летом 1944 года после успешной сдачи экзамена, который принимал сам легендарный протопресвитер Николай Колчицкий, будущий наш Владыка принял священный сан.

Первый приход, на котором он служил после рукоположения, была Троицкая церковь в селе Наташине (Люберцы) под Москвою. Любопытно, что самые последние годы он жил неподалеку, в доме на самой окраине новой Москвы, на Косинской улице. Когда-то в этих местах сплошь были деревни, и он все их исходил пешком — треб тогда было много, а церквей маловато. Время было военное, голодное, но почти в каждом доме для батюшки угощение — водка, картошка, соленые огурцы и капуста... Когда я

принял сан, он делился со мною своим опытом.— Если придешь на требу в какой-нибудь дом и тебя будут угощать — не отказывайся, не обижай людей... Только запомни одно правило. Если за столом тебе вдруг захочется выпить еще и еще немного посидеть, немедленно вставай и уходи.

С сорок пятого по сорок восьмой год о. Михаил Зернов был настоятелем Покровского храма у станции Тарасовская Северной дороги. А затем ему довелось заново открывать Скорбященскую церковь на Большой Ордынке. Этот храм стал его любимым детищем (если так можно выразиться по отношению к церкви). Он был там настоятелем почти сорок лет. За эти годы сменились поколения прихожан, но одно оставалось неизменным — любовь пасомых к своему пастырю, а потому еже и к архипастырю...Владыка с улыбкой передавал мне слова протоиерея Всеволода Шпиллера, который был настоятелем соседнего храма — “Николы в Кузнецах”.— Он мне сам говорил. Одна простая женщина подошла к нему и сказала: “Вот, батюшка, вы такой культурный, такой ласковый, а вас не любят... А вот на Ордынке отец Михаил, он кричит на нас, как председатель колхоза, а его — любят...”

Епископом Владыка стал довольно поздно. Тут было, я полагаю, много причин. Одна из них та, что он ни за что не хотел расставаться со своей родной Москвой и, главное, со своим храмом на Ордынке. (Впоследствии он решительно отказался от кафедры вне Москвы и ушел на покой, оставаясь почетным настоятелем Скорбященской церкви.) Иногда он говорил, шутя:— Я в пятьдесят лет в архиереи пошел, чтобы мальчишкам руки не целовать...Тогдашних молодых архиереев, которых во множестве рукополагал митрополит Никодим (Ротов), он всегда называл “мальчишками”.

Близость, которая возникла у меня с Владыкой Киприаном, была отчасти предопределена. Я вырос на Большой Ордынке в доме № 17, там и сейчас живут моя мать и брат. А Скорбященский храм стоит почти напротив нашего дома, его номер — 20.Мне шел одиннадцатый год, когда церковь открылась заново, и я иногда заходил туда. Не сказать, чтобы очень часто, но непременно всякий год на Пасху. Впрочем, кто именно там служит, я никогда не интересовался, хотя кое-что об отце Михаиле Зернове слышал — в прежние годы его знали многие приятели моего отца — литераторы и актеры.

В 1964 году я принял Святое Крещение, но в церковную ограду вошел не сразу — не было у меня наставника, никто мною тогда не руководил. Однако же тяга к Церкви у меня была, и вот в 1967 году 5 января вечером, под Рождественский сочельник, я пришел в Скорбященский храм и попал на общую исповедь, которую проводил Владыка. Он делал это трижды в год — под Сочельник, на первой неделе Великого Поста и на Страстной, под Великий Четверг. Говорил он вообще превосходно, а в такие дни — в особенности. Это были не столько “общие исповеди”, сколько проповеди с призывами к покаянию... В тот самый Сочельник я первый раз в жизни сознательно приобщился Святых Христовых Тайн.А накануне Пасхи того же года меня представили Владыке Киприану, и он благословил мне молиться в Алтаре. Прошло еще некоторое время, и я стал его иподиаконом.

Примечательно, что я сейчас в какой-то мере исполняю пожелание самого владыки. В самом начале нашего знакомства, в 1968 году, показал ему свои воспоминания об Анне Ахматовой. После этого он, полушутя, спросил:— А обо мне ты напишешь воспоминания?Я деликатно промолчал. Я тогда еще слишком мало знал его.А Владыка продолжал в том же тоне:— Ну, раз ты об Ахматовой написал, то обо мне должен... Я, как-никак, архиерей... А она — кто?.. Баба!

Владыка говорил:— Среди нашего брата, священнослужителей, есть профессионалы и дилетанты.Сам он был профессионалом высочайшего класса. У него была способность все видеть и все замечать — всякую мелочь в облачениях, погасшую лампадку, сдвинутый с места аналой...

Я навсегда запомнил незначительный эпизод, свидетелем которого стал в самые первые дни после того, как мне благословлено было молиться в Алтаре. В самом начале всенощной протодиакону нужно было отдать кадило и выходить на амвон. А прислужники, как назло, все разбежались... И вдруг я вижу, что Архиепископ, как простой пономарь, принимает кадило. В этот момент он и не думал о своем высоком сане, ему важно было, чтобы в богослужении не произошло никакой заминки. Он вообще был великим ценителем красоты и стройности богослужений и частенько нам говаривал:— Вы настоящей службы и не видели. Я — еще видел.

Или такой случай. В Москве свирепствовала эпидемия гриппа. В Скорбященском храме заболели все священники кроме

одного. В результате в воскресный день некому было служить панихиду после ранней литургии. Я поднялся к Владыке в его комнату на колокольне, он, как обычно в это время, лежал на своем диване... Узнав, что батюшки заболели, он сейчас же поднялся, облачился и пошел служить панихиду. Сам читал записки, говорил ектеньи, возглашал “Вечную память”...

В родительские субботы — дни особого поминовения усопших — через Алтарь Скорбященского храма проходят кипы поминальных записок, батюшкам приходится “вынимать” многие тысячи просфор. В такие дни Владыка Киприан служил позднюю литургию в приделе, но еще во время ранней приходил в главный Алтарь, чтобы помочь вынимать просфоры.Помнится, все — и клирики, и прислужники — на солее читают поминания, в Алтаре только он и я. На этих службах вынутые просфоры складываются в эмалированные ведра, вот я и говорю Владыке:— Я вам сейчас дам ведро.— Ведро? — переспрашивает он. — Ведро дают корове. А я — архиерей... Ты бы сказал: я вам дам сосуд.

Тут я хочу продолжить “животноводческую” тему.Поскольку Владыка Киприан был архиереем заштатным, то у него бывали проблемы с прислужниками. По большей части этим занимались немолодые прихожане, как правило, профессионализмом не отличавшиеся. Помнится, облачают они его в Алтаре, возятся, то и дело ошибаются... Владыка терпеливо ждет, пока они управятся, и вдруг произносит:— В такие вот минуты я чувствую себя, как мерин, которого запрягают мальчишки...Он часто говорил о себе: — Архиерей я так, по недоразумению... А истинное мое призвание — пономарь, ризничий...Действительно, облачения он умел ценить и знал в них толк. В храме на Ордынке — уникальная ризница, множество старинных облачений, таких, что и в музеях нет. А когда он пришел туда настоятелем, там вообще ничего не было — храм открывался заново.

Наверное, никто из архиереев не служил так часто и много, как он в своем Скорбященском храме. Когда в 1964 году его отправили экзархом в Берлин, Владыка предусмотрительно взял у Патриарха Алексия указ о том, что он назначается пожизненным почетным настоятелем своего храма.Иногда он говорил:— Меня отсюда можно убрать только по церковному суду.Последние двадцать лет жизни богослужение было единственным его делом, имея все преимущества архиерейского сана, он не нес никаких связанных с этим тяжелых обязанностей.В одном из своих писем к Владыке Киприану Митрополит Ярославский Иоанн писал:“Я не

устаю восхищаться Вами и завидовать тому образу жизни, который Вы себе избрали”.(Самому Митрополиту это не вполне удалось. Когда он оказался на покое, то продолжал служить в кафедральном соборе, так сказать, в очередь с новым правящим архиереем.)

Владыка Киприан всегда учил нас правильному, православному отношению к духовенству. Мы должны почитать в клириках благодать сана и именно ей, благодати, воздавать подобающую честь. Совсем маленьким мальчиком он присутствовал при ссоре между священником и старостой церкви. (Кажется, это было в Семипалатинске.) Этот эпизод он часто вспоминал:— Батюшка кричит на старосту: “Как тебе не стыдно?”, а тот отвечает: “Нет, это как вам не совесно...” Он не может, не смеет сказать священнику “стыдно”...

Когда Владыка Киприан начал приближать меня к себе, он был уже на покое. Тогда, да и во все последующие годы, он редко говорил о том времени, когда занимал высокую должность — был управляющим делами Патриархии.И все же кое-какие сведения на сей счет у меня сохранились. Прежде всего — статистика. Наш Владыка принял управление делами у Митрополита Пимена (будущего Патриарха) и ему же передал вновь. Когда архиепископ Киприан принимал дела, в Москве было около пятидесяти клириков без места, а когда сдавал — два или три.Один московский протоиерей пересказывал мне отзыв Патриарха Алексия I о деловых качествах архиепископа Киприана. Среди обязанностей управляющего делами есть и такая. Если на имя Святейшего приходит бумага, ее должно изучить и написать краткое резюме. Так вот после вступления Владыки Киприана в должность Святейший поделился с кем-то:— Как кратко и вразумительно Владыка Киприан пишет резюме. А то преосвященный Пимен, бывало, напишет мне резюме — длиннее самой бумаги.

Другой священник рассказывал мне, что в приемной у Владыки почти никогда не было очереди, ибо он поступал как старые русские сановники — выходил из кабинета и спрашивал каждого посетителя, по какому он делу. (Притом, конечно, частенько оказывалось, что люди пришли не по тому адресу.) А мелкие дела он решал тут же, в приемной.

Я часто слышал, что, будучи еще сотрудником Патриархии (в протоиерейском сане) и позднее, уже в качестве управляющего

делами, Владыка Киприан помогал многим людям. Так, мне стало известно, что один из облагодетельствованных им в свое время — саратовский протоиерей отец Георгий Лысенко. Недавно я обратился к этому батюшке с письмом и попросил его поделиться своими воспоминаниями об архиепископе Киприане.Вот что он написал мне в ответ:“Бывают в жизни обстоятельства, когда кажется, что круг вокруг тебя замкнулся, и уже из него не выйти. Вот в такой период моей жизни мне и пришлось испытать неоценимую помощь от отца протоиерея Михаила Зернова.Местными властями моя деятельность по строительству храма в городе Энгельсе была признана незаконной. Кроме того, мне предписывалось уничтожить все, что было сделано (не успели соорудить только крышу), а заодно я был лишен места служения. Вот в это самое время одна надежда теплилась — на Москву. Но не все так просто!По прибытии в Москву я попытался попасть на прием к управляющему делами Московской Патриархии. Но здесь меня ожидали препятствия и глубокие разочарования.Личный секретарь управляющего делами прямо, без стеснения совести, потребовал от меня денег, на что я ответил, что у меня их нет. Тогда он сказал: “Так зачем же вы сюда приехали и на кого вы надеетесь?!”Я тут же ему отпарировал словами прокимна: “Помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю”. (Разговор наш состоялся в коридоре управления.) Он посмотрел на меня с презрением и недоумением и, передернув плечами, ушел. Некоторое время я находился в состоянии шока... И тут произошло для меня чудо. Дверь, на которую я нисколько не обращал внимания, немного приоткрылась, и я увидел, как мне рукою подают знак, чтобы я вошел. Ко мне были обращены также и негромкие слова приглашения. Я вошел в комнату и увидел двух священников. Тот, который меня позвал, был отец Михаил Зернов. Он обратился ко мне со словами: “Кто вы, откуда и зачем здесь?” Я начал рассказывать, он выслушал внимательно и говорит: “А прошение на имя Святейшего у вас есть?” Я тут же подал ему прошение, он прочитал и говорит: “Поживите несколько дней в Москве, а я прошение Ваше постараюсь передать лично Святейшему (Алексию), он сейчас находится на отдыхе в Одессе”.Дальше не буду описывать, но дело пошло быстро, как клубок распутывается. Закончилось тем, что построенное осталось стоять, а мне было разрешено приступить к церковной службе.После всего этого я безгранично благодарен был своему благодетелю. Много позже я встретился с Владыкой Киприаном в Загорске, у Преподобного Сергия. Наша встреча была радостной. Меня удивило, что прошло много лет, а он меня узнал, благословил, спросив: “А ты за меня молишься?” “Молюсь,

Владыка", — отвечал я.Царство ему Небесное! В память вечную будет праведник!"

Владыка Киприан был управляющим делами Патриархии в самый разгар гонений на Церковь, которые начал Хрущев.Помнится, в каком-то разговоре я назвал эту фамилиюВладыка сказал:— А ты знаешь, что это человек — виновник многих наших бед?Я верю, да и доказательства тому у меня есть, что архиепископ Киприан, как мог, защищал Церковь и пытался отстаивать от закрытия каждый храм.Помнится, он никак не мог простить Патриарху Пимену, что тот, будучи управляющим делами, позволил властям закрыть и снести Преображенский собор. Он говорил:— Я бы такого никогда не допустил. Ну, быть может, сносу я бы и не смог воспрепятствовать, но я бы добился в таком случае, чтобы взамен Моссовет отдал бы нам другое церковное здание...

Вспоминая те печальные времена, он говорил:— Многие архиереи на Страшном Суде дадут ответ за закрытие храмов. Они тогда боялись за свои дома и автомобили. Я, помню, говорил одному епископу: "Сняли с регистрации у вас священника, так почему же вы немедленно не назначили на его место другого и дали закрыть храм?.. Вы-то чего испугались? Ну, даже если вас самого снимут с регистрации, мы ведь вам дадим другую епархию..."

Костромским архиереем в те годы был Преосвященный Н. Он приехал в Москву к Владыке Киприану и попросил совета. В Костроме тогда было три церкви. Уполномоченный требовал, чтобы одна из них была закрыта... Архиепископ Киприан посоветовал:— Ты ему скажи, что дашь закрыть ту, где у тебя теперь собор. А собор ты переведешь в другой храм. Но перед тем, конечно, надо будет сделать ремонт... А ремонт затяни... А там, глядишь, у них кампания по закрытию храмов кончится, и все пойдет по-старому...Так оно и вышло. И по сей день в Костроме служат те три храма.

Теперь почти никто не помнит и не знает, что архиепископ Киприан был инициатором важной реформы в жизни Церкви. Я имею в виду переход священнослужителей на ежемесячную зарплату. (До этого им отдавалась "кружка" — определенная часть приходского дохода.) Однако же с введением в хрущевские времена грабительского налога повсюду возникали конфликты между клириками и финансовыми органами, которые принялись

драть с нас безбожно.И вот тогдашний председатель совета по делам религий В.А.Куроедов заговорил на эту тему с архиепископом Киприаном, который управлял делами Патриархии.— Что же нам делать? — спросил Куроедов. — Всюду скандалы, судебные разбирательства, к нам идут бесконечные жалобы...— Выход только один, — отвечал Владыка Киприан, — надо установить для всех священнослужителей твердую зарплату. И уже с нее начислять налоги.— Хорошо, — сказал Куроедов, немного подумав, — мы можем на это пойти... Но только тогда уже так: у каждого зарплата, и не брать ни копейки больше...Владыка Киприан улыбнулся и спросил:— Владимир Алексеевич, вы знаете, кто такой был Патриарх Тихон?— Знаю, — отвечал тот. — Слышал.— Так вот Патриарх Тихон говорил о себе так: “Я знаю, меня московское духовенство очень любит. Я думаю, многие из них готовы за меня пострадать. Но я так же твердо знаю, что, если попробую вмешаться в их доходы, они завтра же меня скинут... “Имеяй уши слышати, да слышит”.

Владыка Киприан говорил:— Случалось так, что мы с Куроедовым повышали голос до крика. Но это случалось только в его кабинете и за закрытыми дверями. Когда я выходил оттуда, никто об этом догадаться не мог...

Об уходе своем с высокой должности Владыка мне говорил:— В это никто не верит, но если бы я сам не ушел, меня бы с этого места не стронули. А ушел я из-за Данилы, работать с ним было невозможно, он все портил, во все вмешивался...“Данила” — Д.А.Остапов был всесильным секретарем Патриарха Алексия. Предки его, как мне помнится, были чуть ли не крепостными у дворян Симанских, и предан он был Святейшему не за страх, а за совесть. В свое время последовал с ним в ссылку. Следил он за стареньким Патриархом, как нянька за младенцем, именно его попечительность главная причина того, что Святейший дожил до 93 лет.

Провожали Владыку Киприана с почетом. Ему предлагалась любая кафедра кроме трех — Киевской, Ленинградской и Крутицкой. А в Молдавию он мог бы поехать в белом клобуке, т.е. получить сан митрополита. В конце концов, он согласился поехать экзархом в Берлин, но при этом получил бумагу о том, что назначается пожизненным почетным настоятелем своего Скорбященского храма.

Несколько раз рассказывал мне Владыка, как он, уходя с

должности, прощался с Патриархом Алексием:— У него даже слезы на глазах навернулись. Он мне говорит: “Вы нас не забывайте... Приходите к нам...” Но в это время в кабинет вошел Данила, и мне показалось, что слезы у него моментально высохли...

Конфликт между Владыкой Киприаном и Д.А.Остаповым, в конце концов, разрешился, но уже после кончины Святейшего.День смерти патриарха я запомнил очень хорошо. Владыка Киприан совершал в своем храме на Ордынке литургию, это была Лазарева суббота, 17 апреля 1970 года. Протодиакон Константин Егоров читал на амвоне поминальные записки. Вдруг к южным дверям Алтаря поспешно подошла Е.В.Прозорова — тогдашняя староста — и взволнованным голосом попросила, чтобы к ней вышел Владыка. Он выслушал несколько слов, сказанных ею, слегка переменился в лице, тут же потребовал бумагу и ручку, быстро что-то написал и приказал подать записку отцу Константину на амвон. Вслед за этим все мы услышали:— Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божия новопреставленного Святейшего Патриарха Алексия и о еже простится ему всякому прегрешению, вольному же и невольному...После слов “Патриарха Алексия” все молящиеся в храме “единеми усты” издали общий вздох или даже стон... Это общее “а-ах!” я так явственно помню уже двадцать лет и, наверное, до смерти своей не забуду.

О том, что произошло дальше, я узнал много спустя. У Владыки Киприана ко дню смерти Святейшего было уже заготовлено поздравление с праздником Святой Пасхи, которое он должен был через несколько дней отправить Патриарху. На этом самом поздравлении он приписал такие слова:“Дорогой Даниил Андреевич! Примите мои соболезнования по случаю кончины Святейшего Патриарха. Воскресый из мертвых Господь да утешит Вас в Вашей невосполнимой утрате. То, что было между нами плохого, я забыл, помню только хорошее.Господь да благословит Васархиепископ Киприан”.Затем поздравление было отправлено в ПатриархиюЧерез несколько месяцев, как мне помнится, на второй день Рождества Христова Архиепископ Киприан прибыл в Елоховский собор, чтобы по традиции поздравить с праздником местоблюстителя патриаршего престола Митрополита Пимена. Надо сказать, в течение нескольких предыдущих лет Д.А.Остапов при встрече весьма сухо приветствовал Владыку Киприана. А тут, в Алтаре патриаршего собора, в присутствии многочисленных иерархов и духовенства,

он поспешно подошел к архиепископу, весьма почтительно попросил благословения и внятно, так, чтобы слышали все, произнес:— Владыка, друзья познаются в беде.

Отношения архиепископа Киприана с Патриархом (ранее Митрополитом) Пименом тоже складывались непросто. Сначала у них были взаимные неудовольствия, и не могли не быть, ибо они последовательно занимали одну и ту же должность.Однако же после восшествия на Патриарший Престол Владыка Пимен стал лучше относиться к нашему архиепископу. Оба они были традиционалисты, приверженцы старых московских обычаев. Почти всякий год на день явления иконы Божией Матери “Всех Скорбящих Радость” Патриарх приезжал служить на Ордынку. Тут он всегда хвалил приходские порядки, а один раз даже произнес на амвоне по адресу Владыки Киприана целое похвальное слово.Одна из последних встреч была у нашего Владыки со Святейшим на какой-то конференции. В перерыве пили кофий, там же присутствовал председатель совета по делам религий Харчев. Патриарх сказал ему:— Преосвященный Киприан — моя опора. У меня все архиереи вот так... (Он сделал рукою волнообразное движение.) Он один — вот так! (И тут он изобразил рукою прямую линию.)

Как-то такое на всенощной в Скорбященском храме патриарх сидел в Алтаре, а архиепископ проповедовал. Святейший повернул голову к одному из своих приближенных и заметил:— Он говорит как власть имущий.Но при этом патриарх никогда, ни разу не предложил Владыке Киприану занять какую-нибудь должность, вернуться к активной деятельности.

Пожалуй, главным недостатком нашего Владыки была вспыльчивость, гневливость. Если он замечал какой-нибудь непорядок, мог накричать на виновного, изругать... Но и остывал он так же быстро, как вскипал, после этого он обыкновенно норовил как-нибудь поощрить или утешить того из нас, кому только что досталось. Это качество свое он прекрасно сознавал и даже уподоблял самого себя персонажу К.Станюковича — “Беспокойному адмиралу”. Однако же люди мнительные и обидчивые с Владыкой не могли служить. А его близкие, “свои”, никогда на него не обижались — мы все знали, что во время приступов гнева в нем говорит не гордыня, не злость, не желание нас унизить, а любовь к порядку, “ревность о Божием доме”, желание, чтоы каждый из нас был достоин своего предназначения и сана.Как-то в общем разговоре зашла речь о действительно

строгом архиерее, которого подчиненные не на шутку страшились. Владыка полушутя сказал:— А меня никто из вас не боится.На это я ему сказал:— Владыка, мы действительно вас не боимся. Но мы боимся вас огорчить, расстроить, вывести из себя.Этот ответ он оценил.

Он часто говорил:— Эгоисты бывают двух родов. Индивидуальные и семейные. Я — типичный семейный эгоист.И это в большой степени соответствовало действительности. Его окружали только те люди, которых он сам к себе приблизил, и он трогательно заботился обо всех нас, помогал, защищал...

Весьма показательна в этом отношении история протоиерея отца Иоанна Михайловича Сергеева. В свое время он был привезен в Москву Митрополитом Уральским Тихоном (Оболенским) и был его иподиаконом. На фронт его призвали уже в диаконском сане... И вот году в 1946-м отец Михаил Зернов, настоятель Покровского храма в Тарасовке, пришел в Патриархию, чтобы просить себе диакона. Протопресвитер Николай Колчицкий сказал ему:— Тут в приемной дожидается диакон Сергеев. Он, кажется, и живет где-то недалеко от Тарасовки.Будущий Владыка вышел в приемную и громко спросил:— Кто тут Сергеев?— Я! — вскричал отец Иоанн и по-военному вскочил с места — он только что демобилизовался.С этой минуты вся его жизнь шла под покровительством Владыки Киприана. Он служил диаконом в Тарасовке, потом перешел вместе со своим настоятелем на Ордынку. Там отец Иоанн был возведен во пресвитеры, а под конец жизни тяжко заболел. Семь лет он лежал парализованый, но все это время получал свою полную зарплату — столько, сколько платили всем священникам Скорбященского храма.

Обладая острым умом и богатым жизненным опытом, Владыка Киприан великолепно разбирался в людях. Однако же, по доброте своей, мог быть в каком-то случае излишне доверчивым. О себе говорил:— Может случиться такое: я скажу о каком-то человеке, что он хороший, а он окажется плохим... Но уж ни в коем случае не может быть наоборот: если сказал, что человек плохой, а он окажется хорошим.

Весьма привлекательно было в нем, что он не заискивал перед сильными мира сего. Конфликтовал с секретарем патриарха, повышал голос на “министра исповеданий”... Уже после смерти архиепископа протоиерей Д.С. рассказывал мне об

их совместной поездке в Японию.— Владыка меня там поразил. Мы были на приеме у советского посла, и тот, между прочим, сказал нам: “Я лично от Церкви далек, религия меня совершенно не интересует”. А Владыка Киприан ему на это говорит: “Это вполне понятно. Религиозными бывают люди или совсем простые, или высокообразованные”. Как он не побоялся так сказать послу?

У Владыки было весьма спокойное, равнодушное отношение к деньгам. Он вовсе не был сребролюбцем, хотя в свое время имел почти неограниченные возможности обогащения. Пожалуй, он, подобно Пушкину, ценил приносимую деньгами “пристойную независимость”. Самым существенным его достоянием были дорогие облачения, митры, панагии и кресты, т.е. только то, что необходимо для богослужения. (После смерти душеприказчик отец Борис Гузняков все это безвозмездно раздал многочисленным иерархам и клирикам.)Весьма характерная история произошла у нас с ним, когда я единственный раз в жизни попросил у него взаймы. Он дал мне требуемые пятьсот рублей, а когда я стал возвращать долг, взять деньги обратно категорически отказался. Объяснял он это таким образом:— Вообще-то я не люблю давать взаймы. Но уже если дал, то я уже с этими деньгами расстался и больше уже их своими не считаю, в расчет их не принимаю.Мне известны и другие подобные случаи.

Наши отношения с Владыкой Киприаном в течение двух десятилетий омрачались только одним — он был самый истовый и искренний “сергианец”, какого только можно себе вообразить. (Он, бывало, даже когда в молитвах поминал почивших патриархов, говорил: “великого Сергия”.) Он совершенно серьезно полагал, что между Христианством и коммунизмом нет непреодолимых противоречий. Идея эта в начале века благодаря Владимиру Соловьеву и его многочисленным последователям была весьма и весьма распространена в интеллигентской среде, и наш Владыка несомненно должен был впитать ее, что называется, с молоком матери. (Не забудем притом, что именно будущий Митрополит Сергий в свое время был председателем печально известного религиозно-философского общества в Петербурге.) Я не уверен, что архиепископ Киприан когда-нибудь в подлиннике читал знаменитый доклад В.Соловьева “О причинах упадка средневекового миросозерцания”, но могу засвидетельствовать, что евангельскую притчу “о двух сынах” (Мтф. 21, 28-31) он трактовал точно так же, как Соловьев: под первым сыном подразумевал христиан, а под вторым — неверующих, собственно говоря, комунистов.Переубедить его в этом пункте было

совершенно невозможно. Помнится, он просто отмахнулся от замечательной статьи Льва Тихомирова “Альтруизм и христианская любовь”, когда я дал ему ее прочитать. Как-то я привел ему мнение Преподобного Серафима Саровского, который категорически запретил своим ученикам иметь какое-либо общение с революционерами по той причине, что “первый революционер был сатана”. Владыка на это мне ничего не ответил, просто промолчал.Но при этом, повторяю, убеждения его были совершенно искренними, и он горячо желал распространить свою наивную просоветскую веру не только на меня, но и на таких вполне неподходящих для этого лиц, как, например, покойный протоиерей Александр Мень или математик И.Р.Шафаревич. С этой целью Владыка по собственной инициативе встречался с ними и, разумеется, в обоих случаях нисколько не преуспел.Я, грешным делом, иногда уклонялся от споров с ним, щадил его, боялся сердить и волновать, в особенности в самые последние годы. Но все же время от времени показывал коготки, и он всегда знал, что я отнюдь не во всем с ним согласен.Вот кое-что из наших разговоров.Несколько раз при мне Владыка рассказывал, как ставил в затруднительно положение наших и немецких (ГДР) чиновников таким “каверзным” вопросом:— Что общего между коммунистами и самыми ярыми антикоммунистами?Разумеется, собеседники его затруднялись на это ответить. Тогда он не без торжества говорил им:— И те и другие считают, что между Христианством и коммунизмом нет ничего общего.Однажды, когда он рассказал это, я произнес:— Владыка, на месте ваших собеседников я бы нашелся, что вам ответить.— Ну, а что бы ты сказал?— Я бы сказал так. Если я украду у вас митру и саккос, буду их надевать — у нас с вами будет нечто общее. Вы — в саккосе и митре, и я... Однако же при этом вы являетесь архиереем Вселенской Церкви, а я — воришкой, который носит епископское облачение.— Значит, есть что-то общее? — сказал он.— В этом смысле — есть, — сказал я.

В другой раз он мне говорит:— Значит, ты вовсе в коммунизм не веришь?— Не верю, Владыка. А вы неужели верите?— Я верю. — А в какой коммунизм вы верите? В наш? В китайский? В югославский или эфиопский?..

Он мне:— Ты, наверное, потому так любишь отца Иоанна Кронштадтского, что у него проповеди против социалистов.— Нет, — говорю, — не только за это, Владыка.

Помнится, одним из самых длительных споров наших с Владыкой был спор об А.Солженицыне и его “Архипелаге”. Это происходило в самый разгар скандала в связи с публикацией вещи.Надо сказать, за всенощной Владыка всякий раз проповедовал. И вот после очередной нашей с ним беседы о Солженицыне он стал говорить на тему любви к родине. Это чувство, по его понятиям, подразумевало принятие большевизма и безоговорочную поддержку режима. При этом подразумевалось, что такие писатели, как Солженицын, наносят стране вред.Окончив проповедь Владыка вернулся в Алтарь и, повернув ко мне голову, сказал:— Ну, ты понял?Вместо прямого ответа я проговорил:— Кесарь и прокуратор — это еще не родина.

И еще на ту же тему. Владыка никогда к проповедям специально не готовился. Почти всегда это бывала чистая импровизация. И даже было у него нечто вроде игры. Когда приходил какой-нибудь новый человек, Владыка перед тем, как выйти на амвон, мог спросить гостя:— О чем сказать проповедь?И если пришедший высказывал какое-нибудь пожелание, архиепископ тут же начинал говорить на заданную тему.Помнится, был на Ордынке какой-то священник из Америки. Он попросил Владыку произнести проповедь об исцелении Господом слуги центуриона (Мтф. 8, 5-13).А я тут не удержался и говорю:— Владыка, скажите о том, как Спаситель благотворил оккупантам своей родины.Он взглянул на меня и сказал полушутя:— На поклоны поставлю.

Вообще же проповедник он был превосходный. Разумеется, если не касался политики или мнимого “сродства” Христианства с коммунизмом.За каждым богослужением, которое он возглавлял, Владыка Киприан непременно проповедовал. Но мало того, проповеди его составляли целые циклы, и если какой-нибудь человек слушал их в течение всего года, он мог получить вполне связное понятие о евангельском учении, Церкви, таинствах и богослужебном уставе.

По сложившейся в храме на Ордынке традиции регент правого хора Н.В.Матвеев два раза в году устраивал себе нечто вроде бенефиса. 8 ноября его хор пел “литургию П.И.Чайковского”, а в марте — “всенощную Рахманинова”. Я вовсе не поклонник этой псевдодуховной музыки, да и Владыка Киприан был почти тех же мыслей. Но в семидесятые годы это были события, так сказать, в жизни “музыкальной Москвы”. На Ордынку приходила “вся консерватория”. Нашествиями этими

простые наши прихожанки бывали чрезвычайно недовольны. Глядя на множество неверующих людей, старушки неприязненно говорили:— Опять Рахман поет...(Это — на всенощной Рахманинова.)Так вот на этих самых богослужениях Владыка Киприан говорил особого рода проповеди, рассчитанные на гостей — московских интеллигентов, музыкантов и меломанов. А поскольку среди них, разумеется, преобладали лица определенной национальности, я как-то сказал Владыке:— Знаете, к какому жанру принадлежат ваши проповеди в такие дни?— К какому же? — спросил он.— Это — особый жанр: “Рече архиерей ко пришедшим к нему иудеем...”(Тут требуется пояснение. Очень многие евангельские тексты, которые читаются на богослужении, начинаются такими словами : “Рече Господь ко пришедшим к Нему иудеем...”)

Как-то Владыка рассказывал, каким образом ему удалось уговорить старого московского уполномоченного Трушина (в мое время на это месте сидел уже некто Плеханов), чтобы тот дал согласие на рукоположение одного из иподиаконов.— Я ему говорю: “Он у нас уже все пробовал — в институт поступал и на гражданской работе был — ничего у него не выходит. Видно, быть ему диаконом...” Трушин засмеялся и говорит: “Ладно, рукополагайте!..” А с Плехановым такая сцена была бы невозможна.Я тут говорю:— А тем более с Ульяновым.Владыка удивился:— А кто такой Ульянов?— А вы вспомните, кто такой н а с т о я щ и й Плеханов...

О себе он говорил так:— У меня очень левые политические убеждения, но в области церковной я — консерватор.И это вполне соответствовало действительности. Он помнил, хранил, берег и старался осуществлять в своем храме старые московские традиции... Он отрицательно относился к модному в те годы экуменизму, хотя по высокому положению своему не всегда мог уклониться от участия в подобных мероприятиях.Помнится, по распоряжению патриарха в храме на Ордынке состоялось экуменическое моление. Владыка принял инославных гостей весьма радушно, но в самый момент молитвы сидел в своем кресле в Алтаре.Он рассказывал о другом подобном случае, когда уклониться ему не удалось.— Мы все стоим, иностранцы вокруг, каждый молится на своем языке. А со мною рядом стоит покойный отец Павел Соколовский, он только один по-русски и понимает... А я руки сложил, глазки закатил и говорю: “Господи, прости меня, грешного, за то, что я участвую в таком богомерзком деле...” Отец Павел мне говорит: “Владыка, перестаньте... Я

сейчас смеяться начну...”

Вообще же юмор был присущ ему в высокой степени. Вот я вспоминаю, как сопровождал его при посещении английского павильона на международной выставке. Там нас принимал мой покойный приятель, ирландец Майк Туми, разумеется, католик. Он был весьма польщен приходом православного архиепископа и, когда мы сели за стол, осведомился, что высокий гость будет пить. Владыка сказал:— Как священнослужитель и монах я должен сказать: только воду. Но как гость я говорю: то, что мне предложит хозяин.Мистер Туми ответил:— Но ведь был уже такой случай, когда вода превратилась в вино.— Да, был, — подтвердил Владыка, — но до этого было уже много выпито.

Были мы с ним в бане. Я шутливо спрашиваю его:— Владыка, а монашествующий может мыться “Семейным” мылом?Он, не задумываясь, отвечает:— Нет. Только “Яичным”...(Надо сказать, что баню он очень любил и в течение десятилетий каждый четверг ходил в один и тот же номер Центральных бань. В последние годы, если я по четвергам оказывался в Москве, то непременно составлял ему компанию.)

Владыка Киприан не терял чувства юмора и во время своих приступов гневливости. Даже так, достаточно было его рассмешить, как гнев угасал. Помнится, на одном богослужении произошла какая-то путаница.Владыка в Алтаре допрашивал всех с целью выявить виновного в недоразумении. Вот он обращается к протодиакону о. Г.Л.:— Хорошо. Но вот ты... Ты ведь хорошо службу знаешь. Он тебе ни к селу ни к городу подает кадило... Зачем ты его взял?Протодиакон опасливо смотрит на архиерея и говорит:— На всякий случай...Общий смех, Владыка смеется сильнее прочих...

Надо сказать, Лескова он очень любил и знал великолепно. Иногда он вспоминал и повторял специфическую шутку, которая приводится в “Соборянах”:— Что такое “бездна бездну призывает”? Поп попа обедать зовет.(“Бездна бездну призывает гласом хлябей своих” — стих псалма.)Как-то я пригласил архиепископа к себе в гости. Когда мы договаривались о дне и часе его приезда, я сказал:— Владыка, помните, что такое — “бездна бездну призывает”?— Как же, — говорит, — это поп попа обедать зовет.— А что такое “бездна архибездну призывает”?Он засмеялся и сказал:— Ты хочешь сказать, поп архиерея обедать зовет?..

У него была в высочайшей степени развита способность ладить с людьми, и притом с самыми разными. От архиереев и важных советских сановников до простецов. Надо было видеть, как к нему относились официанты, продавцы, банщики, шоферы. И вовсе не только потому, что он щедро раздавал чаевые, все эти люди ценили его уважительное отношение к себе и к своей профессии. Особенная дружба связывала его с водителями. Один из них — Владимир Николаевич Климанов — был одним из самых близких и преданных ему людей. Надо сказать, Владыка очень любил путешествия по Подмосковью. Он говорил:— У меня теперь какие главные расходы? На такси да на баню...На это я ему отвечал:— Вы, Владыка, свои капиталы изничтожаете не мытьем, так катаньем...

Когда он ехал на такси и при этом не спешил на богослужение, очень часто брал к себе в автомобиль попутчиков. А если видел женщину с ребенком, которая ловит машину, — останавливался непременно и бесплатно отвозил в нужное место. Одним из его развлечений было такое: он останавливал машину во дворе своего дома на Косинской, на заднее сиденье набивался целый десяток ребятишек, и начиналось катание по всей округе...

Вот еще забавная автомобильная история. Дело было в какой-то советский праздник, кажется, на самое 7 ноября. Владыка на такси ехал с одним из постоянных своих водителей. У обочины они увидели старичка, который пытался остановить машину. Архиепископ велел затормозить, и его поместили на заднее сиденье. Только когда машина покатила дальше, Владыка и шофер заметили, что дедушка этот сильно пьян... Но мало того, обратив внимание на характерную внешность архиерея, новый пассажир стал на чем свет стоит ругать попов... Тогда шофер остановился, взял пьяного за ворот и вышвырнул из машины. А поскольку день был праздничный, автомобиль сразу же окружили люди, желающие ехать. Один из них указал на архиепископа и подобострастно спросил водителя:— А этого тоже будете выкидывать?

Владыка довольно часто обедал в ресторане при гостинице “Метрополь”. Продолжалось это много лет, и там его все очень любили. Ходил он туда в гражданской одежде, и хотя все официанты знали, что он священнослужитель, но высокий сан его был там неизвестен. Одним из тех, кто его постоянно обслуживал, был некий Андрюша, татарин, и они с Владыкой вечно друг над

другом подтрунивали.Как-то Владыка пригласил меня пообедать с ним. Обслуживал нас Андрюша и позволил себе какую-то шутку насчет “попов”. Тогда Владыка говорит ему:— Хорошо. Вот ты — мусульманин. А кто ты — сунит или шиит?На этот вопрос Андрюша наш не смог ответить, знания его об Исламе так далеко не простирались.Тогда в разговор вмешался я:— Да что там, Владыка. Вы ему с у н и т е, и все будет ш и и т о-крыто.

В восьмидесятом году, когда меня посвятили в священники, мне достался деревенский приход, один из самых бедных во всей Ярославской епархии. Приезжая оттуда в Москву, я непременно всякий раз встречался с Владыкой. Как-то ведет он меня по обыкновению обедать в “Метрополь” и вдруг говорит:— Раньше я тебя просто так, как дармоеда, кормил, а теперь — помогаю неимущему духовенству.

И еще один эпизод, относящийся к тому же, восьмидесятому году. Это был май, меня только-только посвятили. Я сопровождал Владыку в поездке по городу. Он мне говорит:— Сейчас заедем на Преображенское кладбище, я схожу на могилу к своим. А ты подожди меня в машине.Я говорю:— Зачем же я буду сидеть в машине, когда у меня на этом кладбище похоронены отец и дядя.Словом, он пошел в свою сторону, а я — в свою.Чтобы не заставить его ждать, я поскорее вернулся к автомобилю. Через некоторое время появился Владыка. И тут он решил разыграть нечто вроде интермедии. Делая вид, будто мы с ним не знакомы, он говорит:— Вы случайно не батюшка?Я говорю:— Батюшка.— Панихидку не отслужите?Вместо ответа я сделал известный жест пальцами правой руки: дескать, надо заплатить. Это — привело его в совершенный восторг:— Ой, как скоро научился!..

Когда речь заходила о старости, Владыка говорил:— Вот один из печальных признаков моего возраста — не остается никаких авторитетов, нет уже таких людей, которыми бы ты восхищался, чьим мнением особенно бы дорожил...Когда я познакомился с ним, ему не было и шестидесяти. Семидесятилетний юбилей он отпраздновал, когда я был уже в сущем сане. Надо отдать ему должное, годы почти не сказывались на нем — по-прежнему уверенно звучал голос, столь же твердой была походка. Однако же стал он утомляться во время длительных богослужений.Больше всего он страшился двух вещей — старческого слабоумия и какого-нибудь тяжелого недуга, который мог бы надолго приковать его к постели. Но Бог его миловал. И не только миловал, но и послал такую кончину, о какой

священнослужитель может только мечтать.

В ноябре 1986 года по благословению Владыки Киприана я уехал из Ярославской епархии, ушел за штат с тем, чтобы просить себе места в Подмосковье. Все четыре месяца, пока я не получил нового назначения, я не пропускал ни одной архиерейской службы на Ордынке. Так прошел Рождественский пост, самое Рождество Христово, Крещение, Сретение, Прощеное воскресение и даже первая седмица Великого Поста. (Лишь впоследствии я понял, что Господь дал мне великое утешение: ровно через двадцать лет после того, как я появился в Скорбященском храме и сблизился с Владыкой, я провел с ним это время, смог еще и еще раз усвоить его уроки, запомнить, навечно запечатлеть в памяти его облик.)

В пятницу на первой седмице Поста я получил указ Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия о принятии в клир Московской епархии и назначении в храм города Егорьевска. Владыка, который об этом хлопотал, порадовался за меня и сказал:— Ну, все, ты уже на ногах. Больше у меня ни перед кем обязательств нет.Надо сказать, что мы — его приближенные — никак не думали, что он умрет так скоро. Нам всем казалось, что ему еще жить и полноценно служить по крайней мере лет пять, а то и больше. Но сам Владыка явно чувствовал приближение смерти и довольно часто говорил об этом.

В последний раз я видел его в пятницу вечером на пятой седмице Поста. Я пришел на Ордынку задолго до богослужения, поднялся к Владыке на колокольню. Приближалась Пасха, и я напечатал для него поздравления к празднику, он должен был их подписать, а я запечатать и отправить многочисленным адресатам.Я ему говорю:— То-то все удивятся, что ваши письма идут из Егорьевска.Владыка усмехнулся:— Скажут, выселили меня на сто первый километр.Службу того дня — “похвалу Богородице” — он очень любил. Непременно сам читал весь канон и значительную часть акафиста.Облачали Владыку в Алтаре.Я стоял возле него и держал митру — старинную, золотой парчи, с серебряными иконками.И тут я вдруг возьми и скажи:— Из всех ваших митр эта — самая моя любимая.Он повернулся к старшему своему священнику отцу Борису Гузнякову и сказал:— Вот умру, отдашь ему эту митру.Мы все дружно запротестовали:— Что вы, Владыка...— Живите себе на здоровье...А он, не обращая на нас внимания, продолжал говорить отцу Борису:— А в гроб меня положишь в розовой митре. Не жалей ее. Облачение

розовое, в котором я посвящался...И он еще раз повторил все, что касалось его погребения.После службы я проводил Владыку к автомобилю.На прощание он мне сказал:— А ты на Пасху мне поздравление не пиши. Приедешь, так поздравишь...(И действительно, писать мне уже не пришлось, на третий день Пасхи я побывал у него на могиле.)

А дальше... Дальнейших событий я не был свидетелем, но так как я много лет был его иподиаконом, то мысленно вижу все, до мельчайших подробностей.На другой день, в субботу на пятой седмице, Владыка служил всенощную и, как всегда, проповедовал.В воскресение утром он загодя приехал в храм, поднялся в свою комнату на колокольне и прилег на диван. В это время к нему приходили священники — в паузе между ранней и поздней литургией, — делились новостями, беседовали... Затем батюшки удалялись, а Владыка поднимался, надевал рясу и клобук, и ровно без пяти минут десять он появлялся в храме.Протодиакон возглашал:— Премудрость!Хор:— Достойно есть...Начиналась торжественная встреча.В тот день 5 апреля 1987 года все шло по заведенному порядку. Священники и диаконы вовремя вышли из Алтаря, но архиепископ не появился.Это было столь необычно, что в комнату к нему заглянула одна из женщин — Владыка беспомощно лежал на полу возле своего дивана.Началась сумятица...Иподиаконы с трудом подняли его и уложили на диван.Вызвали “скорую помощь”.Прибежал встревоженный отец Борис.Увидев его, Владыка успел сказать всего два слова:— Иди служи...И поздняя литургия началась без архиерея.“Скорая” примчалась быстро, но — увы! — их помощь уже не потребовалась. Во время третьего антифона, в момент пения заповедей блаженства, Владыка отошел ко Господу...Об этом сейчас же сообщили в Алтарь. Отец Борис мне рассказывал:— Надо говорить перед Апостолом “Мир всем”, а у меня рука не поднимается...После Евангелия и сугубой ектеньи протодиакон впервые возгласил на амвоне:— Еще молимся о упокоении души раба Божия новопреставленного архиепископа Киприана и о еже проститеся ему всякому прегрешению — вольному же и невольному...И в ответ весь храм огласился воплями и рыданием.

Егорьевск — Низкое1989 — 1990